

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ ЭСТОНСКОЙ ССР

ТАРТУСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПОЗНАНИЯ

ТАРТУ 1982

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ ЭСТОНСКОЙ ССР

ТАРТУСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПОЗНАНИЯ

Тезисы докладов научной конференции

ТАРТУ 1982

Оргкомитет конференции: чл-корр. АН ЭССР Я.К. Ребане (председатель), д.филос.н. Л.Н. Столович, д.филос.н. Р.Н. Блум, к.ист.н. Э.Н. Дооне, к.филос.н. Р.А. Вихалемм, к.пед.н. В.В. Зибен (секретарь), к.филос.н. Ю.Н. Чертин.

Ответственный редактор Ю.Н. Чертин

Научная конференция "Социальная детерминация познания" посвящается 350-летию Тартуского государственного университета.

Тезисы докладов распределены в соответствии с тематикой 3-х секций конференции:

1. Общие проблемы социальной детерминации познания. Критика буржуазных концепций.
2. Социальная детерминация развития естественных и общественных наук.
3. Социальная детерминация развития духовной культуры.

Тезисы публикуются в том виде, как они представлены оргкомитету. Редактирование носило лишь технический характер

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПОЗНАНИЯ.
Тезисы докладов научной конференции.
На русском языке.
Тартуский государственный университет.
ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Вликооли, 18.
Ответственный редактор Ю.Н. Чертин.
Подписано к печати 21.10.1982.
МВ 03777.
Формат 60х84/16.
Бумага ротаторная.
Машиннопись. Ротапринт.
Условно-печатных листов 13,95.
Учетно-издательских листов 13,67.
Печатных листов 15,0.
Тираж 400.
Заказ № 1036.
Бесплатно.
Типография ТГУ, ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Пялсона, 14.

О ДЕТЕРМИНАЦИИ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В НАУКЕ

А.Д. Урсул /Москва/

Различного рода общенаучные тенденции познания могут быть обусловлены как социальными факторами, так и воздействием /отображением/ объекта познания. До недавнего времени в работах по интеграции науки основное внимание уделялось этим последним /онтологическим/ факторам детерминации. Считалось, что синтез знаний по объектам исследования представляет собой определяющий фактор развития интегративных процессов в науке и в принципе детерминирует и ряд других интегративных процессов в научной деятельности, если науку рассматривать как специфическую форму человеческой деятельности по производству и внедрению новых научных знаний /см. 2/. Синтез знаний по объекту научной деятельности /исследования/ обусловлен прежде всего единством материального мира, всеобщей связью явлений, что приводит к интегративному взаимодействию предметов отдельных наук и научных теорий, появлению общих для них проблем. Вместе с тем в литературе отмечается, что важную роль играют и социально-деятельностные факторы. Однако если ранее онтологические основания выдвигались едва ли не в качестве единственной причины интегративных процессов, то в последнее время некоторые авторы преувеличивают роль деятельностных факторов. Иногда считается, что основание интеграции, её источник составляет не сама по себе объективная реальность и её свойства, а только общественно-историческая деятельность, потребности, порождаемые ею. Материальное единство мира оказывает воздействие на процесс интеграции опосредованно, через практику /см. 3/.

С этим выводом Г.Ю. Кикеца согласиться нельзя, ибо наука в целом и её интегративные процессы имеют двойную детерминацию - под влиянием социальных факторов и под влиянием объекта познания, т.е. в этом последнем случае на процессы интеграции воздействие оказывает объект познания, онтологические факторы и не только в процессе практики, но и теоретического отражения действительности, которое, конечно, является опосредованным.

Думается, что пора отбросить крайние односторонние точки зрения и сделать попытку синтеза обеих концепций в единую. Думается, что это важное методологическое положение, которое не только соединяет усилия исследования интегративных процессов по розыску ориентированных программ, но и открывает новые возможности дальнейшего научного поиска не только в области интеграционных процессов, но и решения ряда других проблем, в частности в отношении проблемы научных революций. В зависимости от конкретного вида интегративных процессов доминирующую роль могут играть либо онтологические, либо социально-деятельностные факторы и реальная задача заключается в том, чтобы объяснить, в каком случае какие факторы детерминации играют главную роль.

Не сосредоточивая внимания на подробной характеристике обоих факторов детерминации /это нами сделано, в частности, в специальной работе, см. 4/, мы хотели бы обратить внимание на то, что в настоящее время на первый план выдвигаются социально-деятельностные факторы /и это, видимо, служит гносеологической причиной их абсолютизации/. Особое значение социальные факторы детерминации интегративных процессов приобретают для развития науки в условиях развитого социализма, когда все большее внимание уделяется интегративным процессам.

В качестве одной из первоочередных задач в области развития науки и техники на XXVI съезде КПСС была поставлена задача "обеспечивать разработку и реализацию комплексной программы научно-технического прогресса, целевых программ по решению важнейших научно-технических проблем" /I, с.144/. На одиннадцатую пятилетку, как известно, намечены к осуществлению научно-технические программы двух видов: целевые комплексные и программы по решению важнейших научно-технических проблем - всего 170 программ /из них 41 - целевая комплексная научно-техническая программа/.

Комплексные научно-технические проблемы возникают как отображение комплексных социальных потребностей развития народного хозяйства, всего социально-экономического развития нашей страны и других стран социалистического сотрудничества, ряда потребностей, ставших в наше время общечеловеческими. Выявление и осознание этих комплексных потребностей

развития общества происходит в форме комплексных научно-технических программ и задач, которые требуют привлечения для своего решения большого числа научных организаций и предприятий различных отраслей, концентрации материальных и финансовых ресурсов, научных кадров.

К числу проблем, носящих комплексный характер, относится сама научно-техническая революция, все без исключения задачи, поставленные в разделе "Развитие науки и ускорение научно-технического прогресса" "Основных направлений ..." /I, с. I44 - I47/. Причем ряд из них носит общенаучный характер, требуя привлечения всех отраслей научного знания как, например, задача "усилить взаимодействие общественных, естественных и технических наук" /I, с. I44/, так и интеграции науки, техники и производства. Ряд задач, поставленных в упомянутом партийном документе, носят комплексный характер в рамках одного региона научного знания - т.е. в области общественных наук, либо нескольких регионов, включающих естественные и технические науки, а также медицинские и сельскохозяйственные. К числу комплексных проблем НТР, носящих общенаучный характер, можно отнести экологическую проблему, освоение космоса, океана и другие глобальные проблемы современности, проблему "искусственного интеллекта", проблему человека и т.д.

Комплексные проблемы и задачи, в зависимости от их масштабности и фундаментальности могут превратиться в комплексные научно-технические программы, являющиеся разработанной совокупностью мероприятий, направленных на осуществление строго ограниченных целей и конкретизируемые по срокам их исполнения. В этом отличие научных программ от научных проблем /задач/, и, как правило, программы эксплицируют лишь часть проблемы, являя собой "социальный алгоритм" ее реализации, шаг на пути ее решения, несколько снижающий /на теоретическом уровне/ начальную неопределенность проблемы.

Совершенствование управления комплексными научно-техническими программами /как определенная реализация комплексных научно-технических проблем/ предусматривает как конкретный целевой /программный/ принцип управления, создающий необходимые организационные формы конкретного управления программами, так и создание необходимых условий, которые создавали

бы необходимый фон для реализации комплексных проблем НТР. Думается, что в качестве такого "фона" должно быть усиление внимания к интегративным процессам в современной науке, к усилению взаимодействия ее основных подразделений, изучение диалектики взаимодействия дисциплинарной и проблемной организации науки.

Интегративные процессы в науке могут быть существенно использованы для интенсификации ее развития, повышения эффективности научно-исследовательской деятельности. Интенсивный путь развития характеризуется тем, что он происходит за счет качественных факторов /преимущественно качественных факторов для преимущественно интенсивного типа развития/, а не за счет количественных факторов деятельности. Поскольку интегративные процессы дают новые результаты за счет появления системных /синергических / эффектов взаимодействия уже существующих, наличных компонентов деятельности, то использование механизмов взаимодействия наук ведет к росту результативности при том же количественном объеме компонентов деятельности. Следовательно, усиление внимания к различным проявлениям интегративных процессов в науке, в чем бы они ни проявлялись, - в комплексных и глобальных проблемах НТР, взаимодействии основных регионов науки, развитии союзных отношений философии с естествознанием и другими научными дисциплинами - ведет к усилению интенсивных факторов развития науки, к повышению эффективности, результативности научных исследований.

Таким образом, среди социальных факторов детерминации интегративных процессов современной науки в условиях зрелого социализма на первый план выдвигается необходимость решения комплексных проблем НТР, повышение эффективности общественного производства и перевод экономики на интенсивный путь развития.

Л и т е р а т у р а

1. Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981.
2. Чепиков М.Г. Интеграция науки. - М., 1975.
3. Кийец Г.Ю. Проблемы интеграции общественнознания и естест-

вознания /социально-экономический аспект/. Киев, 1978.

4. Урсул А.Д. Философия и интегративно-общенаучные процессы, М., 1981.

ПРИНЦИП ОБЪЕКТИВНОСТИ В СОЦИАЛЬНОМ ПОЗНАНИИ

А.М. Коршунов /Москва/

1. Важнейшая тенденция в современном научном знании - возрастание значения материалистической диалектики как общепhilosophического метода. В связи с этим мы рассмотрим значение диалектико-материалистического принципа объективности, в первую очередь применительно к познанию социальных явлений. Содержание указанного принципа может быть сведено к следующим требованиям: брать объект так, как он существует сам по себе /в формах его природного и социального бытия/, в процессе его развития и целостности /выражается в историзме и системном подходе/, с учетом активности субъекта /рассматривать в формах деятельности субъекта/, а тем самым значимости /ценности/ явлений для человека, общества /осуществляется посредством социально-исторических оценок/. Интерес представляет применение принципа объективности в ряде аспектов. Мы выделим общесоциологический подход, историческое познание и исследование духовных процессов, в том числе духовной культуры.

2. Общесоциологический подход. Трудность обоснования объективного статуса знаний об обществе определяется как спецификой объекта, так особенностью гносеологической ситуации, определяемой воздействием социальных факторов на познающего субъекта. В конечном счете объектом исследования служит деятельность субъекта /история есть не что иное, как деятельность людей, преследующих свои цели/, субъект в данном случае является носителем общественной жизни, объект включает в себя субъект. Сложное взаимоотношение субъекта и объекта в общественной жизни делает необходимым обоснование объективности социального процесса, выявление значения субъективного фактора, роли духовной жизни. Это и осу-

ществляется в рамках марксистской социологии, которая формулирует ряд фундаментальных положений: в системе деятельности людей в качестве определяющей выделяется ее материально-практическая форма; рассматриваемая в конкретно-исторической форме этот вид деятельности доводится до понимания ее как способа производства, фиксируется преемственность форм деятельности, ее результатов /предметно-вещная среда, материальная культура/, а также способов усвоения их последующими поколениями. В системе культуры, понимаемой в самом широком смысле слова, и осуществляется функционирование объективных общественных законов, не зависящих от воли и сознания людей. И тем не менее важна и другая сторона проблемы, а именно обоснование положения о субъекте /люди, общество, социальные группы, классы, индивиды/ как носители деятельности, в ходе которой только и рождаются объективные закономерности. Игнорирование первого аспекта ведет к субъективизму в понимании общественных явлений, второго - к фатализму. Если научное понимание общества не возможно на путях абстрактно-деятельностного подхода /характерен для представителей абстрактного гуманизма, концепций ревизионизма/, то и вне деятельного подхода во всем его богатстве, конкретно-историческом понимании такой подход не возможен.

Особенность гносеологической ситуации связана с тем, что познающий субъект сам включен в ту реальность, которую он не только познает, но и создает ее, обосновывает необходимость ее определенного преобразования или сохранения. Социальное познание, в данном случае социологическое, в большей степени зависит от социальных условий, чем познание природных явлений. Происходит своеобразное расширение социальных факторов, влияющих на процесс познания /условия материального производства, социально-классовые отношения, идеология, наука/. Результатом этого служит определенная социально-целостная /классовая/ ориентация познающего субъекта, оценка им исследуемых явлений. Именно в связи с этим и возникает проблема, насколько ценностно-оценочный подход вообще, и в особенности при изучении общества, может быть рассматриваем как проявление объективности, а сама оценка как форма знания. Одна из особенностей социального подхода состоит в том,

что он вообще не мыслим вне ценностно-оценочного подхода и что оценка, осуществляемая субъектом познания как представителем определенного класса, не только включается в процесс исследования, стимулируя его, но и служит средством познания сущности социальных явлений. Аксиологический подход составляет важнейший элемент объективного отражения общественных явлений, являясь моментом диалектико-материалистической методологии /социологии/ как средства исследования социальной реальности. И это понятно, ибо сущность социальных явлений, находящихся в диалектически противоречивых взаимосвязях, определяется их значимостью по отношению друг к другу /ценность есть значимость тех или иных явлений для человека, общества/. Таково, например, соотношение общественного бытия и общественного сознания, базиса и надстройки и т. д. Поэтому понять суть каждой из категорий, выразить их диалектику можно только тогда, когда осуществляется выявление их функций, значимости по отношению друг к другу.

3. Историческое познание. Обращение к историческому познанию позволяет выявить ряд новых граней принципа объективности, его методологическую значимость. Один из существенных аспектов заключается в выяснении соотношения общеполитической социологической теории /исторический материализм/ и исторической науки. В связи с этим необходимо подчеркнуть положение об истории /гражданская история/ как специфической области знания, связанной с исследованием внутренних закономерностей. Истории нет вне конкретного, событийного воспроизведения действительности. Но история не ограничивается лишь описанием конкретно-исторических событий. Историческая наука имеет самое непосредственное значение в познании внутренних механизмов общественного развития, в том числе в выявлении диалектики внутреннего и внешнего, общего и единичного, необходимого и случайного. Именно в силу того, что явление в истории доводится до событийной формы, историк выявляет конкретные механизмы взаимодействия общего и единичного, внутреннего и внешнего. История есть познание общества, исходящее из анализа прошлого. Прошлое по преимуществу и составляет объект исторической науки. Однако познание прошлого не самоцель для историка. Его познание позволяет выявить

конкретные отношения /закономерности/ связи прошлого, настоящего и будущего. Структура исторической теории и значение ценностно-оценочного подхода в историческом исследовании могут в связи с этим быть рассмотрены как проявление диалектико-материалистического принципа объективности.

4. Принцип объективности в познании духовных процессов. В этом плане можно выделить системы знаний, которые непосредственно связаны с осознанием области внутренних, психических явлений, факторов сознания /психологическая наука/, а также видов знания о духовной культуре человеческого общества / как настоящего, так и прошлого/, достигаемое в области гуманитарных наук. Реализация объективного подхода в познании психических процессов, сознания, как внутреннего мира человека, обеспечивается в рамках деятельностного подхода. В деятельности /прежде всего предметно-практической/ рождается внутренний мир субъекта, формируется его сознание, в ней он находит и свое проявление. Изучение совокупной деятельности человека, в том числе языково-знаковой, и составляет основу объективного анализа в области психологической науки. Подобный подход осуществим и в рамках гуманитарного знания, имеющего дело с духовной культурой человеческого общества. Духовная культура настоящего и прошлого раскрывается как при анализе актуальной деятельности, так и ее результатов, продуктов прошлой деятельности, главным образом фиксируемых в языково-знаковых средствах.

МИР ЧЕЛОВЕКА КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ПОЗНАНИЯ

С.С. Батенин /Ленинград/

Поиски учеными-естественниками "строительного материала", единого для качественного многообразия материи, утлабляют и революционизируют познание структуры самого фундамента материи, обогащают знания об исходных предпосылках мира, в котором и которым живет человек. Но они не касаются

структуры этого мира как целого, движущих сил и направленности его развития.

Материя и мир столь же тождественны, сколь и различны. Материя абсолютна и едина, она — вся объективная реальность в ее вечном и бесконечном существовании. Причем она бесконечна и в многообразии форм, состояний. Каждая из форм материи качественно отлична от других и определенным образом включена в систему взаимодействия с ними. Система взаимодействия материальных форм и процессов образует определенную целостность, которая находит свое категориальное выражение в понятии "мир".

Мир — это эволюционно сложившееся исторически и пространственно определенное целостное состояние материи во всем многообразном взаимодействии ее конкретных форм и процессов. "Фундаментом" мира как целостного материального образования являются формы материи, обладающие всеобщими свойствами, составляющие его предпосылки и материал. Но системообразующие силы заключены не в них как таковых, а в тех материальных новообразованиях, которые, возникая на их основе, развивают в себе способность самоорганизации и саморазвития. Именно эта материальная форма определяет качественную особенность состояния данного мира. Она является основной силой интеграции всех предшествующих ей материальных форм, включаемых в данную систему взаимодействия.

Складывающееся таким образом единство мира выражает его устойчивость, оно является результатом и предпосылкой качественной определенности процесса развития мира как целого. Мир в этой связи можно представить как исторически определенный уровень и способ взаимного проникновения форм материи, направленность изменений которого детерминирована ее высшим материальным образованием. Высшее благодаря способности самоорганизации и саморазвития расширяет сферу своего интегративного влияния на все предшествующие ему формы и не только внутри самого себя, но и в своих внешних взаимодействиях, непрерывно расширяя таким путем границы мира.

Мир, в котором живет человек, функционирует и эволюционирует в сложном взаимодействии материального и идеального, объективного и субъективного, природных форм материи

и ее социального самодвижения. В познании характера взаимодействия основных структурных образований этого мира, в теоретическом определении способов его утверждения и совершенствования проявляется актуальность и возрастающая роль марксистско-ленинской социальной философии.

Марксистско-ленинская социальная философия рассматривает мир прежде всего как систему природа - человек - общество. Человек - не только результат природно-общественного бытия, но и субъект этого бытия, следовательно, субъект всей системы взаимодействия структурных образований мира Земли. Поэтому марксистско-ленинская социальная философия раскрывает систему "мир в целом" прежде всего в аспекте отношения мир - человек. Исследуя положение и место человека в мире, она признает мир как предметную материальную форму общественно-исторического бытия человека, т.е. как мир человека.

Способом бытийного отношения человека к миру является его предметно-чувственная деятельность, практика. Это отношение является настолько фундаментальным, что его состоянием определяется состояние самого мира. Практика имеет "не только достоинства всеобщности, но и непосредственной действительности"/В.И. Ленин/. Она есть "жизнь, производящая жизнь"/К. Маркс/.

"Практика" является центральной категорией марксистской социальной философии. В разработке К. Марксом и Ф. Энгельсом диалектико-материалистической концепции практики наиболее полно и концентрированно выразилась сущность совершенного марксизмом революционного переворота в философии. Она стала интегрирующим началом новой философии. Она позволила К. Марксу коренным образом переориентировать философию, по-новому осмыслить действительность, обосновать сущность человека, раскрыть специфику его отношения к природе, показать роль материально-преобразовательной деятельности в истории человечества и определить место и роль в ней познавательного процесса. Она имманентна всей системе марксистско-ленинской теории и проявляется в подходе к решению отдельных социально-философских проблем.

Практика понимается марксизмом-ленинизмом не просто как производство средств существования человека, а как специфически человеческая форма деятельности, как деятельность, на-

правленная на преобразование природы и общества. Она - высшая форма материального движения. В ней материя обретает высшую форму своей самоорганизации и организации всех других включенных в нее форм. Именно поэтому в практике, в правильном ее понимании находят свое рациональное решение все мистерии, которые уводили и уводят философскую теорию в мистицизм /К. Маркс/.

Практика воплощает в себе единство всех структурных образований материального мира. Она есть "становление природы человеком" /К.Маркс/.

Природа, включенная в практический процесс, становится посредствующим звеном общественных отношений людей и их совместного отношения к природе, еще не включенной в практическое бытие человека. Действие различных по своей форме и содержанию естественных и социальных сил человека и сил природы практика сливает в единый мощный поток, в котором история общества все более наполняется богатством природы и становится общественной действительностью природы. В этой действительности синтезируются бытие и мышление, материальное и идеальное, объективное и субъективное, естественная необходимость и человеческая свобода. Эти особенности человеческой практики становятся внутренними компонентами мира.

Развитие научно-технической революции расширяет границу взаимодействия практического мира с материей путем включения в его систему самоорганизации новых закономерностей и свойств "неорганизованной" материи. Теоретически граница связи практического мира и всей материи бесконечна, практически она определена конкретно-историческим уровнем, способом и внутренними условиями освоения человеком природы. В настоящее время эта граница вышла далеко за пределы Земли. Развитие космонавтики и стимулируемое ею развитие наук включает в мир практических отношений новые закономерности пространственных отношений и сущностей материи более глубокого порядка. Поэтому единство мира представляет собою не только внутреннюю взаимосогласованность всех структурных образований мира, природно-общественного бытия, но и процесс его гармонизации с запредельной по отношению к нему материи.

Основой этой гармонизации, как и самого мира практичес-

ких отношений, являются формообразующие и целеполагающие начала человеческой деятельности. В них заключена тайна взаимного превращения субъективного и объективного, материального и идеального. Единство мира и гармонизация его частей формируется и проявляется тогда, когда материальные формы и их модификации человеческой деятельностью "выстраиваются" по линии развития человеческих целей и потребностей.

Человек гомоцентричен в своем деятельном отношении к природе, он эпицентр ее направленных изменений. Но он - не вне и над миром самодовлеющее существо, а в мире и миром живущий его субъект. Поэтому в огромной мере возрастает, особенно в современных условиях, роль человеческого разума в интеграции форм материи и гармонизации мира.

Но интегративная роль человеческого разума сама детерминирована конкретно-историческими особенностями состояния практики, включающей в себя и особенности общественных отношений. Противоречия в отношении человека к природе - это прежде всего противоречия самого общества, разрешение которых на разумных основаниях есть условие и предпосылка гармонизации человеческого мира.

О СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ДИАЛЕКТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

Д.Й. Яков /Болгария/

Категории - это такие понятия, которые отражают универсальные связи, всеобщие закономерности, стороны или черты действительности. В этом смысле они являются самыми общими и основными понятиями, сформированными человеком в его познавательной деятельности. Важнейшая функция категорий заключается в том, что они являются основными структурообразующими принципами, "схемами", управляющими синтезом содержания научного мышления, "формами связи знания об изучаемых объектах" /1, 32/. Однако они могут выполнять эту функцию, поскольку сами имеют определенное содержание, почерпнутое из внешнего мира.

Рассмотрение категории как понятия с предельной сте-

пенью общности требует разграничения терминов "категория" и "философская категория". Термин "философская категория" уместно использовать для обозначения этих предельно общих понятий, возникновение и функционирование которых связано с решением важнейших философских проблем и которые составляют предмет философии на определенном этапе развития познания /2, с. 45/.

Диалектические категории могут быть отграничены от остальных философских категорий на основе рассмотрения диалектики как относительно обособленной части философского знания, которая отражает самые общие признаки и отношения действительности, абстрагируясь от моментов, связанных с разграничением отдельных областей в ней и игнорируя даже противоположность между субъективным и объективным. Таким образом, диалектические категории отражают самые общие связи и закономерности движения как объективной реальности, так и человеческого мышления.

Исследования диалектических категорий в современной марксистской философской литературе направлены прежде всего на выяснение вопроса об их специфическом содержании, на выяснение того, какую всеобщую сторону, связь или закономерность они отражают, а также на выяснение места каждой из них в системе категорий. В большинстве случаев только констатируется, что диалектические категории являются понятиями, идеями, идеальными образами, продуктами духовной деятельности человека, но сам этот аспект не становится объектом исследования.

Наряду с этим необходимо исследовать, каким образом и в какой степени содержание диалектических категорий обуславливается их идеальной природой, т.е. их формами, и, исходя из этого, выяснить зависимость развития диалектических категорий от целостной духовной деятельности человека и от социально-исторических условий, в которых он живет.

Конкретное предметное содержание диалектических категорий обусловлено объектом отражения, имеющим исторический характер, определенный тем, что человек знает только ту часть природы, которая вовлечена в общественную практику или имеет прямую связь с ней. Таким образом, границы развития общест-

венной практики детерминируют непосредственно и границы предметно-содержательной стороны категорий.

Дело в том, что не всегда изменению содержания категорий соответствует какое-либо изменение объекта отражения в предметной реальности. Следовательно, если имеется развитие в содержании диалектических категорий, то оно является следствием развития отношения субъекта к этой реальности, следствием изменения в степени и глубине проникновения нашего познания в сущность объекта. Таким образом, развитие человеческого познания, целостной духовной деятельности человека обуславливают значимость, ценность категориальных обобщений.

Человеческое познание характеризуется непрерывностью развития, оно есть становление, процесс. Однако изменение и развитие диалектических категорий не может быть охарактеризовано как непрерывный процесс. Скорее оно осуществляется скачкообразно, и отдельные этапы в их развитии соответствуют определенным периодам в развитии частнонаучного познания и являются его обобщением, выражением его философского осмысления.

С точки зрения социально-исторической детерминированности, генезис и развитие диалектических категорий оказываются в зависимости только от глубочайших, фундаментальных превращений в социальном бытии. В этом смысле прослеживание развития диалектических категорий в историко-философском плане оказывается недостаточным для раскрытия их социально-исторической обусловленности. Как было сказано выше, необходимо исследовать генезис и развитие диалектических категорий в первую очередь с точки зрения их зависимости от периодов развития целостной духовной деятельности человека и от социально-исторических условий, в которых он живет.

Схематично это требование может быть продемонстрировано анализом развития категории причинности. В условиях первобытного общества, когда человек находился в рабской зависимости от природных условий, его мышление было направлено на овладение непосредственной жизненной ситуацией. Это и обуславливало замкнутость человеческого мышления в рамках содержания восприятия. Иначе говоря, в этот период было возможно

только эмпирическое констатирование отдельных причинных зависимостей в практической деятельности людей.

С переходом к рабовладельческому обществу, с разделением умственного и физического труда создаются условия для отрыва теоретической деятельности от чувственно-предметной. Появляется абстрактное мышление, направляемое в своих поисках "чистым" теоретическим интересом. Именно оно констатирует общие зависимости между действиями людей и получаемыми результатами, выделяет разные степени в этих зависимостях и создает понятие причинной связи, которое противопоставляет представлению о простом пространственно-временном сосуществовании явлений.

С развитием познавательной деятельности круг зависимостей в объективной действительности, которые подводятся под понятие причинности, расширяется и выходит за рамки чувственно-преобразовательной деятельности человека, а само понятие генетической связи постепенно теряет свой антропоморфный характер.

Как большая часть остальных философских категорий, категория причинности формулируется в древнегреческой философии как однопорядковая с категориями необходимости и закономерности. Причинность превращается в эталон научного знания, характерная черта которого - стремление к постижению причин и законов возникновения и изменения вещей. Формулируется и принцип причинности, который провозглашает всеобщую значимость категории причинности.

Особый интерес представляет прослеживание зависимости между современным этапом в развитии человеческого познания, для которого характерно проникновение в микромир, и необходимостью существенного изменения содержания категории причинности. Это обусловлено тем, что закономерности поведения микрообъектов имеют вероятностный характер, что делает невозможным их подведение под старое понятие причинности как однозначной, строгой и необходимой связи между разными состояниями объекта.

Предлагается решение этой проблемы путем введения новой формулировки категории причинности - "вероятностная причинность" /3/, которая по существу отрицает не только

однозначность, но и необходимый характер связи между причиной и следствием. На самом деле это отрицание вообще причинной обусловленности.

Нам представляется, что изменение в содержании категории причинности должно произойти, прежде всего, путем рассмотрения необходимости связи между разными состояниями микрочастиц не как однозначной, жесткой обусловленности, а как "границы" возможных случаев в их вероятностном поведении.

Л и т е р а т у р а

1. Артюх А.Т. Категориальный синтез теории, Киев, 1967.
2. Копнин П.В. Развитие познания как изменение категорий. - Вопросы философии, 1965, №II.
3. Баженов Л.Б. Концептуальная эволюция проблемы причинности. - Философские основания естественных наук, М., 1976, с. 333-340; Авилиани С.Ш. Очерки философии естествознания, Тбилиси, 1968, с. 225.

О ПОНИМАНИИ, ПОЗНАНИИ И ЯЗЫКЕ

Р.И. Павилёнис /Вильнюс/

С некоторых пор в наш философский обиход в связи с рассмотрением социальной стороны познания вошел термин "понимание". Разговоры на тему понимания естественно переходят в философствования на тему смысла и в конце концов выливаются во всеохватывающее /всепоглощающее?/ семиотическое рассмотрение языка.

Эти попытки глобального соотнесения проблематики познания, понимания и языка содержат как конструктивную, способствующую выявлению соотношения названных компонентов, сторону, так и деструктивный, дезориентирующий, псевдофилософский аспект. Последний обуславливается неопределенностью, расплывчатостью употребления термина "понимание", что усиливается неопределенностью термина "смысл" и сверхобщностью - и потому сверхнеопределенностью - истолкования термина "язык".

Итогом такого "глобального" подхода являются общие разговоры о возможной тождественности или, наоборот, нетождественности познания и понимания, о "языке мысли" /или "внутреннем языке", или чем-то в этом роде/, который, в отличие от обычного языка, имеет невербальную природу, о естественном языке как основе понимания любого другого языка, о языке "вообще" и таких его экзemplификациях, как естественный язык, "язык культуры", "язык музыки" и т.д. и т.п.

Разговорам о понимании, познании и языке можно придать по крайней мере необходимую, если не достаточную, степень определенности, если в качестве основы понимания не только естественного языка, не только любого другого "языка", но вообще любого /доступного пониманию/ объекта или феномена мира рассматривать концептуальную систему индивида как систему ложной или истинной информации о мире, отражающей познавательный опыт индивида и последовательно конструируемой из определяющих одни другие концептов.

Понимание, с этой точки зрения, есть интерпретация в определенной концептуальной системе на уровне /посредством/ определенного множества ее концептов; соответственно, возможность понимания означает возможность построения определенной структуры концептов, которые определяются другими концептами системы.

С этой точки зрения, понимание не означает необходимо принятие носителем концептуальной системы соответствующей информации в качестве истинной, в качестве ориентационной основы его отношения к миру. Иначе говоря, оно не необходимо относится к множеству концептов, образующих систему мнения, или "индивидуальную концептуальную картину мира", как подсистему концептуальной системы индивида.

Более того, понимание необязательно тождественно знанию: во-первых, система концептов, конституирующих знание носителя концептуальной системы /т.е. система концептов, представляющих то, что является истинным/, является подсистемой системы его мнений /т.е. системы концептов, представляющих то, что индивид полагает истинным/; во-вторых, такое индивидуальное, или субъективное, знание всегда ограничено рамками известно-

го индивиду и потому является лишь частью той "объективной системы знания", которая представляет собой аккумуляцию субъективных знаний, являясь абстракцией от конкретных индивидуально-концептуальных систем. Такая абстракция вербально фиксируется, например, в различных научных текстах в качестве исторически, социально определенной "научной картины мира".

Следовательно, то, что известно объективно, не необходимо известно субъективно и не необходимо является объектом мнения; то, что известно субъективно, необходимо является объектом мнения, а то, что является объектом мнения, не необходимо известно субъективно или объективно, но всегда является объектом интерпретации в данной концептуальной системе, т.е. объектом понимания. Поэтому тезис о том, что понимание не необходимо означает знание /ибо речь необязательно может идти об интерпретации на уровне концептов, образующих знание носителя концептуальной системы/, в той же степени естественен, в которой тривиален тезис о том, что знание предполагает понимание /как интерпретацию в некоторой концептуальной системе/.

Познание, с рассматриваемой точки зрения, есть построение новых концептов в данной концептуальной системе как усвоение /построение/ новой информации. Последнее следует рассматривать дифференцированно: оно может осуществляться как на уровне концептов, представляющих мнение, так и на уровне концептов, представляющих субъективное знание, и только абстрактно от индивидуальных концептуальных систем - на уровне концептов, образующих "объективную систему знания". Наконец, ввиду сказанного, познание может быть истолковано как переход от мнения к знанию носителя концептуальной системы. В любом случае оно предполагает понимание /в любом случае оно является интерпретацией, осуществляемой в определенной концептуальной системе/, но не наоборот: понимание как интерпретация вовсе не обязательно означает познание.

Усвоение языка предполагает наличие определенной концептуальной системы не только в качестве системы концептов, кодируемых выражениями языка, но и в качестве системы концептов, интерпретирующих сами выражения языка как опреде-

ленные физические объекты. Речь идет о понимании как самого языка, так и ситуации его усвоения: как одно, так и другое является делом интерпретации в определенной концептуальной системе.

Усвоение синтаксиса языка делает возможным манипулирование концептами концептуальной системы и тем самым - построение определенных концептов, в том числе таких, образование которых невозможно без использования языка и которые существенным образом расширяют познавательные границы носителя концептуальной системы.

Выполняя функцию дальнейшего строения концептуальной системы /наряду с функцией посредника коммуникации различных концептуальных систем/, язык служит средством детерминации "концептуальной картины мира", в частности, средством ее социализации, конвенционализации, но одновременно он может служить и служит построению различных "концептуальных картин мира". В любом случае язык сам по себе не выражает каких-либо независимых от концептуальных систем смыслов, а естественный язык не является каким-то универсальным средством интерпретации других языков. Любой язык, в том числе и естественный, интерпретируется в определенной концептуальной системе, но - в значительной мере - на тех ее концептах, которые построены благодаря использованию естественного языка, к которому чаще всего и прибегают в качестве средства коммуникации.

Смыслы, приписываемые выражениям языка, являются не более, чем ссылкой на определенные, интерпретирующие эти выражения концептуальные системы. В зависимости от того, готова ли система интерпретировать языковые выражения, в зависимости от того, в какой концептуальной системе имеет место интерпретация, какие концепты принимают участие в интерпретации языковых выражений, мы можем говорить не только о самой возможности понимания языковых выражений, но и о различиях понимания одних и тех же выражений, равно как об их отнесенности к определенной системе мнения или знания как части определенной концептуальной системы.

Именно фактор концептуальной системы дает основание утверждать, что, хотя знание, равно как познание, предпола-

гает понимание, понимание необязательно предполагает язык , хотя именно язык является необходимым условием расширения нашего знания и - в одной из своих функций - социальным детерминантом нашего познания.

КУЛЬТУРНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ И РАЦИОНАЛЬНОСТЬ

А.И. Ракитов /Москва/

1. Существует множество концепций культуры. Идеологические установки, классовые позиции, предрассудки, эвристические ориентации, этнические позиции, личный опыт и намерения авторов переплетаются в их определениях так пестро и причудливо, что порой между ними остается немного общего. Это общее может быть резюмировано в двух сентенциях: культура - все то, что порождено человеком и не создано природой; культура возникает, развивается и формируется стихийно, помимо воли и сознания людей. В каких бы контекстах понятие культуры ни фигурировало, эти два момента присутствуют в них более или менее имплицитно. При этом у большинства исследователей, сколь бы ни были различны их позиции, присутствует убеждение, что феномен культуры в самом общем виде противоположен феномену рациональности.

Основная идея автора заключается в утверждении, что понятие "рациональность" не только не противоположно и не является амбивалентным понятию "культура", но постижение первого является предпосылкой постижения и понимания второго. Более того, исследование взаимодействия рациональности и культуры как социально-исторических феноменов и механизмов в потоке развития человечества в целом открывает возможность для углубленного понимания диалектики культуры и прогнозирования ближайших и более отдаленных перспектив ее развития. Оценка адекватности этого тезиса требует более тщательного обсуждения понятия рациональности.

2. Интерес к понятию рациональности возникает и формируется в период становления европейского рационализма. Его создатели /Декарт, Спиноза, Гоббс/, а также немецкие рацио-

налисты от Лейбница до Гегеля, как правило, исходили из некоторой имплицитной идентификации рациональности с традиционной логической непротиворечивостью и с доказательностью, идея которых восходит к античной логике. Вряд ли необходимо перечислять все известные версии понятия "рациональность", чтобы убедиться, что здесь царит такая же пестрота, как и в случае, когда речь идет об определении культуры. Достаточно упомянуть лишь наиболее распространенные в современной философской литературе концепции рациональности. Для Поппера рациональность по существу идентична с принципиальной критикуемостью. Именно поэтому наука, которую Поппер идентифицирует в первую очередь с естествознанием и математикой, является высшей формой рационального знания. Для С.Тулмина, идет ли речь о рациональной этике или о научном познании, рациональность выступает как процедура обоснования того или иного решения или утверждения. Тулмин настаивает на том, что рациональность от эпохи к эпохе меняется и вырабатывается определенными социальными группами, например, научными элитами, создающими эталон рациональности. Она не дает и не гарантирует истинного знания, она скорее есть сама особый культурный феномен, столь же размытый и неопределенный, как культура, складывающийся столь же стихийно, имманентно, бессознательно. В социально-этических и историко-экономических трудах М.Вебера рациональность выступает прежде всего как определенная ценностная установка, прежде всего - ориентация на прибыльность в наиболее общепринятом и распространенном ее значении.

Наиболее характерной чертой этих концепций является завуалированное предположение о наличии некой единственной или привилегированной концепции рациональности. Само допущение возможности одновременного сосуществования нескольких конфликтующих или сосуществующих рациональностей - большая редкость в философской или культурологической литературе. Признание привилегированной рациональности почти автоматически ведет к отрицанию всех других видов рациональности. Идея привилегированной рациональности продолжает существовать до сих пор как пережиток консервативного, метафизического, антидиалектического по существу миропонимания. Его

преодоление предполагает выработку более глубокой и адекватной концепции рациональности в системе материалистического понимания истории, культуры, познания.

3. Предлагаемая концепция рациональности заключается в следующем. Рациональность понимается как система замкнутых и самодостаточных правил, норм и эталонов, принятых и общезначимых в рамках данного социума для достижения социально осмысленных целей. Самодостаточность и замкнутость означают здесь, что члены данного сообщества, принимающие и понимающие в качестве общезначимых данные правила, эталоны и нормы, считают в своем подавляющем большинстве, что эти нормы, эталоны и правила обеспечивают им достижение тех или иных осознанных или бессознательных целей без привлечения других правил, эталонов и норм. Это не исключает того, что в процессе исторического развития, связанного с изменением целей, осуществляется определенная коррекция принятой рациональности. Однако, при этом в ней сохраняется некоторое достаточно устойчивое ядро, которое почти не подвергается изменениям и модификации. Это относительно стабильное ядро рациональности обеспечивает ее функционирование и развитие при сохранении самоидентичности. Рациональность, таким образом, принадлежит к типу систем с наследственностью, подробнее рассмотренных мною в 1,2,3. Понимаемая таким образом рациональность как особая система находится в сложном отношении к системам ценностей и целей.

Различение в структуре рациональности феноменов трех видов - правил, норм и эталонов, весьма существенно. Нормы и эталоны часто выступают в виде материализованных интериоризованных правил поведения интеллектуальной или предметно-практической деятельности. Поэтому подсистема правил является доминантной во всей системе рациональности. Так как в качестве социума, обладающего данной рациональностью, может выступать профессиональная, социально-экономическая, этническая или религиозная группа, то внутри каждой развитой культуры может выступать целый набор несходных, а подчас прямо амбивалентных и конфликтующих рациональностей, что, разумеется, не исключает полностью возможность сосуществования и взаимодополнения некоторых из них. При этом в процессе само-

утверждения и борьбы различные социумы утверждают свою собственную рациональность в качестве единственно возможной и в качестве рациональности вообще.

Культуры могут классифицироваться по различным основаниям. Выделение этнических, социально-экономических, исторических, профессиональных и т.д. культур позволяет в том же самом смысле говорить о различии соответствующих рациональностей. Признание сосуществующих, конфликтующих или сменяющих друг друга рациональностей не должно вести к оценочному релятивизму. Оценка адекватности того или иного вида рациональности социально значимым целям должна вестись не с точки зрения ценностей и целей, для достижения которых созданы были соответствующие наборы правил, эталонов и норм, а с точки зрения их адекватности объективным закономерностям социально-экономического развития. Именно в непонимании этого состояла ошибка М.Вебера.

4. Наиболее существенной чертой развития современного общества является научно-технический прогресс, подразумевающий быструю рационализацию производства, управления социально значимыми процессами, рационализацию всех сторон общественной жизни. Поскольку быстрый процесс инновации науки, техники и технологии приводит к тому, что правила, нормы и эталоны экономической, технологической и управленческой деятельности меняются иногда на протяжении жизни одного поколения, то это приводит к довольно быстрому изменению рациональностей. Наука возникает как особая форма познания окружающего мира - природы и общества. Философия в свою очередь выступает как особая форма познания, рефлектирующая не только над природой и обществом, но и над наукой, над всеми формами познания, включая и само философское познание. Поэтому тип рациональности, свойственный научному и философскому знанию, получает особую когнитивную завершенность, придающую ей не только эвристические, но и эстетические достоинства. В глазах самих представителей науки и философов науки она приобретает статус привилегированной рациональности.

Все предшествующие социально-экономические формации предполагали тот или иной тип привилегий. В рабовладельческом обществе это был тип привилегий свободных над несвобод-

ными, в феодальном - привилегии знати, в капиталистическом - привилегии богатства. Поэтому выделение определенного типа рациональности и признание его привилегированным и даже просто единственно возможным - естественный продукт исторического развития обществ, предполагающих тот или иной тип социальных привилегий.

Внедрение науки в различные стороны общественной деятельности и культуры в условиях научно-технического прогресса приводит к особому, до сих пор неизвестному феномену. Происходит не только быстрая смена и инновация сциентистски ориентированных технологических рациональностей, но и столкновение этих рациональностей с рациональностями несциентистскими, созданными для удовлетворения других ценностных ориентаций, для достижения целей групп, не вовлеченных в научно-технический прогресс и научную деятельность. Конфликт различных рациональностей, из которых лишь сциентистски ориентированные открыто провозглашают себя рациональностями, приводит к антисциентизму и иррационализму как протесту против сциентификации и технизации общественной жизни. За этим конфликтом скрывается более глубокий антагонизм социально-экономических систем и ориентаций, зачастую порождающий как форму современного ложного сознания иллюзию, будто бы консервативное начало представляет собой иррационалистический гуманизм, тогда как прогрессивное, основанное на научно ориентированной деятельности, однозначно связывается с сухим и бесчеловечным рационализмом.

Более глубокий анализ должен показать, что современный гуманизм не только не противоречит, но наоборот, как и всякий гуманизм предполагает особый рационализм, связанный с проникновением норм научной и философской рациональности в новые для них сферы. Сама культура подвергается новой рациональной реконструкции, которая означает не уничтожение культурных ценностей, а замену устаревших консервативных рациональностей новыми, прогрессивными, ведущими к перестройке общества на научных основах. Эта новая научная рациональность тесно связана с социальной философией марксизма, впервые провозгласившей необходимость научной реорганизации общества.

Л и т е р а т у р а

1. Ракитов А.И. Курс лекций по логике науки, М., 1971.
2. Ракитов А.И. Философские проблемы науки, М., 1977.
3. Ракитов, А.И. Историческое познание, М., 1982.

ОБЫДЕННОЕ СОЗНАНИЕ И МЕХАНИЗМ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ПОЗНАНИЯ

Н.Н. Козлова /Москва/

1. В настоящее время наблюдается активизация изучения социально-культурных предпосылок познавательной деятельности, складывающихся за пределами собственно научного исследования, но активно участвующих в его регулировании. И если раньше исследователи уделяли основное внимание социально-культурным предпосылкам познания общественных закономерностей, то сейчас широко разрабатывается проблема социально-культурных факторов в естественнонаучном познании. Одним из звеньев социально-культурной детерминации познания служит обыденное сознание, вопрос о роли которого неизбежно возникает при анализе неосознанных предпосылок исследования. Этот вопрос является аспектом фундаментальной проблемы ограничивающего воздействия практики в ее конкретно- историческом воплощении на процесс познания.

2. Особое значение разработка названной проблематики имеет применительно к анализу методологии социального познания, отличающегося неразрывностью субъектно-объектных отношений в процессе познания общественных закономерностей, удвоенной включенностью практики в процесс познания /непосредственной и опосредованной/. Здесь особенно остро стоит вопрос о механизме трансформации социальной практики в предмет научного социального познания, что делает актуальной задачу исследования взаимосвязи и взаимозависимости научных и ненаучных форм социального познания, составляющих его специфику.

3. В то же время исследование названных методологических проблем тормозится неизученностью самого обыденного

сознания. Такое положение обусловлено как спецификой самого объекта изучения, так и трудностью выбора метода, адекватного предмету.

Специфика обыденного сознания обусловлена в первую очередь его непосредственной вплетенностью в преобразовательную деятельность людей, непосредственной связью с практическим действием. В силу подобного положения в системе общественной практики обыденное сознание обладает свойствами опыта и, возникая на почве не только познавательного, но и практического отношения к миру, обретает характеристики деятельности. В процессе регулярной повторяемости практической деятельности обыденное сознание кристаллизует наиболее рациональные и эффективные способы жизнедеятельности, которые подвергаются изменениям с историческим движением общественного производства и культуры. Будучи "спаяно" с субъектом и его деятельностью, обыденное сознание несет в себе информацию, применяемую при реализации целей настоящего, обеспечивая ориентацию непосредственной деятельности в процессе нерелексивного выбора решений. Нельзя сказать, чтобы в таком сознании совершенно отсутствовали попытки обосновать то или иное действие, однако характер этих обоснований в корне отличается от научных в силу отсутствия рефлексии предпосылок, их применимости и др. Включенность обыденного сознания в практическую деятельность обуславливает тот факт, что новые социальные проблемы, возникновение которых обусловлено движением материального производства, в первую очередь "схватываются" обыденным сознанием, и лишь затем рационализируются в социальных теориях и идеологиях.

Трудности исследования обыденного сознания создаются и отсутствием у него четкой структуры, многослойностью, постоянным и сложным взаимодействием с другими образованиями общественного сознания.

4. Весьма непростым оказывается и выбор метода исследования обыденного сознания. Так, недостаточен подход к обыденному сознанию, являющемуся формой духовно-практической, исключительно с точки зрения адекватности отражения им общественного бытия. Социально-психологические исследования обыденного сознания, имеющие дело с мотивациями, установками,

т.е. ситуативными характеристиками, не "схватывают" его устойчивые особенности. Психо-лингвистический анализ, дающий феноменологическое описание "поля" обыденного сознания, не позволяет выявить место обыденного сознания в социальной детерминации познавательной деятельности.

Представляется, что наиболее адекватным способом анализа обыденного сознания является социально-философский подход. Такое историко-материалистическое исследование того или иного социального явления предполагает выявление его места в системе общества, анализ различных исторических модификаций. Применительно к сознанию это означает рассмотрение его как продукта системы производства общественных отношений, рассматриваемой в историческом развитии, что позволяет содержательно характеризовать связь различных уровней общественного сознания, конкретизировать понимание его социального функционирования. Социально-философский анализ позволяет проследить, каким образом в процессе исторического развития из сознания, "вплетенного в язык реальной жизни" /К.Маркс/ и формировавшего идеальный план деятельности человека, выдвинулось духовное производство как специализированная деятельность по производству общественной связи в форме идей, эмансипировавшаяся от сознания, воплощающего мысли, чувства, представления реально действующих индивидов. Таким образом, социально-философский анализ обыденного сознания с точки зрения его функции в системе общественного производства, позволяет не только точно определить его социальную функцию, но и создает условия для определения его места и роли в процессе социально-культурной детерминации познания. Такой анализ предотвращает как недооценку обыденного сознания в его социальной функции, так и его абсолютизацию и противопоставление специализированным и институционализированным формам духовного производства. Кроме того, этот подход, по нашему мнению, содействует более корректной постановке проблемы объективности социального познания в его научных и ненаучных формах.

5. Примером и методологическим образцом социально-философского анализа сознания является марксов анализ буржуаз-

ного общества, когда исследование самого процесса материального производства сопровождается рассмотрением сознания его агентов и рационализации этого сознания идеологами. В результате К.Марксом было показано, что в условиях капитализма иллюзии рядового агента производства не только носят объективно-принудительный характер, но выступают как необходимая предпосылка функционирования социальной системы, заданная социальной практикой. Одновременно К.Маркс ставит вопрос об условиях возникновения как ложных идеологий, так и "ложного" обыденного сознания, и демонстрирует условия преодоления этой "ложности". Социальная функция обыденного сознания, его отношения с идеологиями наилучшим образом исследованы применительно к капитализму, по отношению к другим типам общества эту задачу еще предстоит выполнить.

6. Социально-философский, конкретно-исторический анализ развития форм духовной деятельности показывает, что развитие науки отнюдь не изживает обыденное сознание, выполняющее специфические социальные функции, причем игнорирование последних часто связано со сциентистской абсолютизацией науки. Оба вида сознания и познания находятся в постоянном взаимодействии. В самом широком плане задача исследования этого взаимодействия формулируется как анализ диалектики теоретического и практического отношения человека к миру, самой деятельности и ее идеального плана. Более конкретно социально-философское исследование при анализе социально-культурных предпосылок познания может представить информацию о так называемых самоочевидных характеристиках мира - разных для различных типов культуры и общества, - на основе которых складываются неявные культурно-исторические предпосылки научного исследования социальных и природных процессов. Без учета специфических функций обыденного сознания будет неполным анализ формирования целей и направленности социального анализа, ценностных установок исследователя, процесса формирования "образа науки" и др. Применительно к социальному познанию следует учитывать наличие постоянного диалога теоретических идеологий и обыденного сознания: в рамках социальных теорий, с одной стороны, постоянно обобщаются и осмысливаются результаты практического познания, с другой - само

обыденное сознание направленно организуется вокруг ведущих идей.

7. Позитивная разработка названной проблемы возможна лишь в системе марксистско-ленинской теории, которая подразумевает связь точки зрения субъекта со всем ходом общественно-исторического процесса и возможность совпадения общественных целей, сформулированных идеологиями, с индивидуальными-практическими задачами рядового агента общественного производства.

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ПОЗНАНИЯ

А.Ф. Бегияшвили /Тбилиси/

1. Говоря о социальной детерминации познания, следует обратить внимание, что детерминация имеет три разных аспекта: а/ можно исходить из того, что познание не является "свободной" деятельностью человеческого духа, оно определяется потребностями, возникающими у человеческого общества при практическом преобразовании мира в соответствии со своими нуждами и представлениями; б/ можно иметь в виду, что выбор объекта познания зависит от потребностей, имеющихся у общества в данную эпоху; в/ можно полагать, что решения тех или иных вопросов, встающих перед познанием, социально детерминированы.

2. Прежде чем рассмотреть в отдельности эти три аспекта, следует внести некоторые уточнения в само понятие "социальной детерминации", постараться точно определить пределы применения этого понятия. Термин "детерминация" достаточно разработан и не нуждается в уточнении. Термин "социальный" в выражении "социальная детерминация" означает "общественные явления" или "стороны общественной жизни". Поскольку познание само является общественным явлением, утверждение социальной детерминации познания равносильно утверждению того, что другие общественные явления влияют на формирование каких-то моментов процесса познания. Эти общественные явления порождают потребности и с их помощью влияют на процесс познания. Если не учитывать фактор потребностей, то влияние общественных явлений на процесс познания будет необъяснимым.

Таким образом, социальную детерминацию познания следует понимать в том смысле, что общественные явления порождают потребности, которые в свою очередь определяют некоторые моменты процесса познания.

3. Первые два аспекта проблемы социальной детерминации познания, из трех вышеперечисленных, в диалектическом материализме не вызывают особых разногласий, и существуют веские доводы для принятия однозначных решений при их рассмотрении. Именно, представляется достаточно очевидным, что познание возникает в процессе практической деятельности человека, в процессе преобразования человеком природы предметов. Одним из основных условий для такого рода преобразования является то, что человек должен до определенной стадии повторить те пути, по которым идет природа, создавая тот или иной предмет. Это обстоятельство порождает потребность в познании этих путей, которые в нужных случаях необходимо повторить.

4. Не может вызвать особых разногласий и то утверждение, что объект познания социально детерминирован. Мы признаем, что объект познания является исторической категорией. В каждую историческую эпоху человечество делает объектом познания те стороны окружающей действительности, в познании которых у него есть потребность и познание которых ему под силу. В этой связи следует вспомнить пример с открытием явления электричества, приводимый Ф.Энгельсом, который свидетельствует о том, что когда без предварительного намерения бывает открыто какое-либо явление, это последнее не становится объектом познания, если у человечества нет практической потребности в его познании и использовании.

5. Но как только мы переходим к третьему аспекту социальной детерминированности познания, сразу сталкиваемся с трудностями. Можем ли мы сказать, что содержание ответов, которые дает наше познание на вопросы, возникающие перед ним зависит от общественных потребностей. Прежде чем ответить на этот вопрос, следует также уточнить, что сам термин "познание" не является однозначным: можно говорить о познании теоретическом и нетеоретическом /напр. - эмотивном/; в самом теоретическом познании следует, наверное, отличать частнонаучное познание от философского, поскольку легко можно най-

ти критерии, помогающие установить, что мы имеем дело с двумя различными видами познания. Говоря о третьем аспекте социальной детерминированности познания, видимо будет целесообразно говорить о теоретическом познании в целом, поскольку в рассматриваемом плане философия имеет много общего с гуманитарными частными науками.

6. Можно, пожалуй, считать общепризнанным тот факт, что содержание ответов, которые естественные науки дают на вопросы, стоящие перед ними, не обусловлены факторами социальной среды. В отношении гуманитарных наук и, в первую очередь, философии, мы такой уверенностью не обладаем. Очевидным является тот факт, что на протяжении всей истории этих наук существовали и существуют направления и школы, взгляды которых не могут быть примирены друг с другом. Каждая эпоха порождала течение, которое соответствовало духу данного исторического периода и удовлетворяло потребностям, выдвигаемым эпохой. Это дает основание полагать наличие генетической связи между общественными потребностями и разными направлениями в гуманитарных науках, т.е. говорить о социальной детерминированности тех ответов, которые эти науки дают на вопросы, поставленные перед ними. Партийность философии, которая убедительно доказывается в диалектическом материализме, также свидетельствует о социальной детерминированности философии и гуманитарных наук вообще. /Следует отметить, что понятие социальной детерминации шире понятия партийности науки. Это последнее является одним из видов социальной детерминированности./

7. Может показаться, что после проведения анализа основных понятий, проблема социальной детерминированности познания может быть исчерпана перечнем выше рассмотренных очевидных фактов, достоверность которых не может вызвать сомнения. Однако именно этот перечень очевидных фактов вскрывает подлинную суть проблемы детерминации научного познания, выясняет, где возникают трудности, связанные с признанием или отрицанием социальной детерминации познания.

Признав социальную детерминированность содержания многих философских учений и доктрин, развиваемых в других гуманитарных науках, мы сталкиваемся с вопросом: если ответы,

которые дают эти науки на стоящие перед ними вопросы, обусловлены потребностями, присущими данному обществу или его части, то в какой мере они могут быть истинным отражением действительного положения вещей? Поскольку познание есть деятельность, направленная на достижение истины, вышеприведенный вопрос может принять такую форму: в какой мере эти науки могут считаться познанием?

8. Проще всего, отказать этим наукам, как это делают позитивисты, в праве называться подлинным научным познанием, оставив им функции лишь эмоционального воздействия на людей, но очевидные факты из истории науки свидетельствуют о недопустимости подобного решения. Невзирая на существующие разногласия, философия и гуманитарные науки "работали", т.е. успешно выполняли те социальные функции, которые были возложены на них. К тому же эти функции философия выполняла не в форме догматических поучений, а опираясь на общую картину мира, нарисованную ею.

Этот факт должен заставить нас призадуматься, прежде чем отказать философии и гуманитарным наукам в познавательном значении.

Но коль скоро мы признаем за гуманитарными науками и философией познавательное значение, надо дать ответ на вопрос: каковы те сферы и стороны действительности, которые могут быть адекватно познаны с помощью непримиримо разноречивых учений и доктрин?

Таким образом, проблема социальной детерминированности познания упирается в онтологические исследования различных слоев, сторон действительности, становящихся объектом нашего познания.

ПРОГРЕСС, КУЛЬТУРА И ИНФОРМАЦИЯ КАК ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ

Т.В. Андрианова /Москва/

I. Каждому исторически сложившемуся типу культуры соответствует свой тип прогресса. Его своеобразие обнаруживается

в скорости экономических, социально-политических, технических и других изменений, влияющих на общее содержание культуры. Эти изменения в свою очередь вызываются или тормозятся теми или иными объективными или субъективными факторами. Для каждой культуры можно указать сопоставимые наборы подобных факторов. Однако, действие или, точнее, вклад каждого из них, степень доминантности в общей структуре факторов, инициирующих генезис, развитие и трансформацию культур, могут быть весьма различны.

Хронологическая грань, отделяющая XX век от XXI, не является чисто формальной. Она знаменует в глобальном масштабе изменения в экономической, политической, технологической и когнитивной сферах человеческой деятельности. Расколотый на различные социально-экономические системы мир стремится к установлению нового экономического порядка. Развивающиеся страны, страны социалистические и капиталистические, вовлеченные в диалог "Восток - Запад", "Север - Юг", вынуждены постоянно преодолевать многочисленные субъективные и объективные трудности, к числу которых принадлежит не только амбивалентность социально-исторических целей, систем ценностей, мировоззренческих и идеологических ориентаций, но и значительные различия образов жизни и культур, воздвигающих определенные барьеры на пути взаимодействия и взаимопонимания. Несмотря на разнообразие и обилие этих сложностей, можно указать и на некоторые "противоядия", создаваемые современной культурой как средства преодоления когнитивной и психологической отчужденности. К их числу относится также и создание и распространение адекватной социально-экономической информации и информации по общественным наукам. Рассмотрению взаимодействия этого фактора с механизмами прогресса и культуры и посвящен этот доклад.

2. Благодаря внедрению современных компьютеров в промышленность, торговлю, транспорт и управление термин "информация" вошел в число наиболее "модных" понятий века. Однако, в данном докладе он будет употребляться не в его техническом смысле, связанном с математическим программированием или кодированием, а в самом широком и общеупотребительном значении. В зависимости от того, какие именно фрагменты реальности

затификсированы в том или ином виде знания, принято говорить о технической, медицинской, политической, экономической, научной, управленческой и т.д. информации. При этом особое значение приобретает тот слой информации, который необходим для выработки и принятия социально значимых решений, которые могут затрагивать жизненно важные сферы деятельности людей в местном, региональном или глобальном масштабе. С этой точки зрения особую важность приобретает социально-экономическая информация, а также информация относительно содержания и достижений общественных наук. Хотя до сих пор основное внимание уделялось технической и технологической информации, но по мере того, как осознавалась сложность стоящих перед человечеством проблем, связанных с ростом населения, истощением природных источников энергии и сырья, экологическим кризисом, а также с новой расстановкой сил на мировой арене и т.д., становилось все более ясным, что одной из центральных проблем становится освоение и развитие целого комплекса социально-экономических знаний, ибо принятие ответственных политических, экономических, социальных и даже собственно технических решений предполагает в качестве своей основы глубокое понимание закономерностей общественного развития, точное знание о состоянии социально-экономических процессов.

В той мере, в какой верно утверждение, что вторая половина XX века проходит под знаком научно-технического прогресса или спонтанной научно-технической революции, верно и то, что этот прогресс зависит от выработки и скорости распространения новейшей научной информации. Однако, внедрение достижений науки в сферах материального производства, управления, здравоохранения и т.д. зависит не только от форм и способов трансляции, хранения и подачи информации потребителю, но и от ряда других важнейших факторов. К числу последних принадлежат конкретные исторические условия каждой страны, ее социально-экономические и культурные особенности, способствующие или препятствующие реализации достижений современной науки и техники. Внедрение достижений современной науки и техники в различных странах и регионах происходит с различной скоростью и не оказывается одинаково эффективным. С одной стороны, это обусловлено тяжелым экономическим и со-

циально-политическим наследием колониализма, затрагивающим большинство развивающихся стран. С другой стороны, это связано с определенными культурными барьерами, ибо усвоение результатов научно-технического прогресса, инкорпорация их в структуру той или иной страны требует трансформации, модификации и изменения существующих культур, их адаптации к требованиям, выдвигаемым научно-техническим прогрессом. Ассимиляция науки и техники требует видоизменения культур, и вместе с тем этот процесс сам подвергается определенным культурным воздействиям и трансформациям в каждом регионе, в каждом сложившемся сообществе. Таким образом, культура, социально-экономический и технический прогресс, а также информация оказываются тесно связанными, переплетенными, взаимозависимыми. Не будет поэтому преувеличением сказать, что эти три понятия фиксируют важнейшие моменты, характеризующие развитие человечества на современном этапе. В силу этого они приобретают достоинство высокой общности и могут рассматриваться как философские категории, содействующие прояснению и исследованию наиболее важных внутренних взаимосвязей в процессе человеческой жизнедеятельности на современном этапе развития общества.

3. Основным достижением социальной философии марксизма было понимание того, что социально-исторический прогресс осуществляется в форме последовательной смены социально-экономических формаций. В соответствии с этим крупномасштабная классификация культур может и должна соответствовать формационному членению основных стадий развития человечества. Это тем не менее не исключает, а предполагает возможность других классификаций, взаимонакладываемых и дополняющих друг друга. Для каждой стадии развития общества можно указать в системе переплетающихся видов социально-значимой деятельности некоторые доминантные виды. Именно они определяют и соответствующие типы культур. Поэтому можно говорить об охотничьих, пастушеских, земледельческих, ремесленных, городских и сельских, и промышленных культурах. Ни одно из этих частных определений не исчерпывает многообразия соответствующих культур полностью и не задает однозначной, единственно возможной характеристики. Вместе с тем они подчеркивают нуклеарную структу-

ру соответствующих культур, выделяя соответствующие доминанты. В этом смысле мы можем говорить о том, что современное человечество переходит к так называемым "информационным" культурам. Разумеется, не только в прошлом, настоящем, но и в будущем основой жизни человеческого общества будет производство материальных благ. Вместе с тем следует иметь в виду, что в условиях научно-технического прогресса само совершенствование всех видов материального производства зависит от определяющего и всестороннего развития научного познания. Именно в этом специальном смысле мы и говорим о наступлении стадии "информационных" культур.

В середине прошлого столетия К.Маркс, начиная свой анализ капитала, подчеркивал, что основной формой богатства общества, в котором господствует капиталистический способ производства, является товар. Товарный характер капиталистического производства накладывает свой отпечаток на всю систему общественных отношений, включая и культуру. Для каждой формации, для каждой стадии развития общества можно с большей или меньшей определенностью указать на основную, господствующую форму богатства. Для одних обществ-это товар, для других - это охотничьи угоды, стада, для третьих - рабы и т.д. для развитого социалистического общества, достигшего стадии социальной однородности, возникает ситуация, в которой всемерное развитие производства материальных благ в условиях научно-технического прогресса на основе новейших достижений науки перестает быть самоцелью и становится условием и предпосылкой всестороннего и гармоничного развития человеческой личности. Духовное богатство человека гарантирует ему возможность достижения свободы в том высшем смысле, в каком достижение свободы составляет историческую цель человечества. Речь здесь идет не только о достижении объективной свободы, то есть свободы от экономического принуждения, нищеты, голода и т.д., но скорее о свободе, связанной с возможностью принятия ответственных решений в интересах развития всего общества, гарантирующего расцвет личности и ее самореализацию в условиях общего духовного и материального благополучия. Важнейшей предпосылкой свободы в этом смысле является высокая информированность членов общества о всех сторонах

общественной жизни, об окружающей природе, о состоянии и перспективах развития техники и других сторонах реальности, могущих иметь жизненно важное значение для человека и человечества. Именно в этом смысле важнейшей формой общественного богатства в условиях развитого социалистического общества становится информация, рассматриваемая как содержание и результат высокоразвитой культуры. Разумеется, что развитие и совершенствование информационных культур в масштабе человечества требует социально-экономических основ.

В современных условиях складывается новый тип взаимодействия информации и культуры. Если все донные известные культуры складывались стихийно и содержали те или иные формы информации имплицитно, как свои элементы или моменты, играющие более или менее заметную социальную роль, то в современных условиях речь может и должна идти о сознательной перестройке, планировании и управлении развитием культуры на основе достижений современной научной мысли, то есть на основе современной социально-экономической и научно-технической информации. Разумеется, что эта новая роль информации как средства модификации и революционного преобразования и совершенствования культуры в духе ее дальнейшей гуманизации может осуществляться лишь на основе разумной и объективно обоснованной цели. В ходе достижения этой цели - перехода от царства необходимости к царству свободы - совершаются глубокие и фундаментальные социальные преобразования, позволяющие установить новый тип взаимодействия и устранить исторически обусловленные противоречия между культурой, информацией и прогрессом. Тщательное исследование механизмов и стратегии достижения такого единства должно составлять важнейшую задачу современной философской рефлексии.

Л и т е р а т у р а

1. Методологические проблемы организации информации в области общественных наук. М., Наука, 1980.
2. Socio-economic information: systems, uses and needs. - International Social Science Y. 1981, P., V. XXXIII, № 1.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Л.С. Коршунова /Москва/

В самом широком аспекте социальная природа творчества определяется сложившимися в обществе формами деятельности, системой социальных отношений. Вся деятельность человека /творческая и нетворческая/ в конечном итоге детерминирована общественным производством, социальным строем, объективно складывающимися в обществе потребностями. Он может независимо от своих желаний, воли становиться носителем социальных потребностей, целей, норм, оценок.

Люди приобщаются к цивилизации, "наследуя" всю общечеловеческую культуру: то есть сложившуюся в обществе систему материальных и духовных ценностей, осваивают созданное предшествующими поколениями, принимают участие в ее развитии и передают ее последующим поколениям. Следовательно, творчество подготавливается всей совокупной деятельностью людей и выступает как социальная "проекция" потребностей в будущем. Социальные запросы стимулируют и определяют направление его развития, как бы "включают" человека в творческий поиск. Степень развития общества, уровень материального производства, способ жизнедеятельности людей, состояние научных знаний, общественный строй - все это по-разному стимулирует или тормозит, т.е. определяет характер творческой деятельности. И эта связь не односторонняя: любой вид творческой деятельности оказывает, в свою очередь, воздействие на природную и социальную среду.

Всякая деятельность в обществе реализуется в системе сложившихся социально-исторических отношений. Социальные отношения, в том числе экономические, возникают на основе деятельности, и прежде всего практически-производственной. Они выступают формой деятельности, придавая последней определенную направленность, детерминируя ее смысловое содержание. Поскольку деятельность, фиксируемая прежде всего в вещно-предметных факторах среды, определяет формы отношений

людей, которые в свою очередь детерминируют ее смысл, постольку люди нового поколения, осваивая формы деятельности, вместе с тем становятся носителями сформировавшихся социальных отношений. Иными словами, освоение сложившихся форм деятельности осуществляется с учетом не только сформировавшихся предметно-практических операций, но и смысла самой деятельности, ее целей, мотивов.

И наконец, еще один аспект. Общество наряду с вечно-предметными факторами, системой социальных отношений включает в себя факторы духовного порядка - идеи, знания, эмоции и т.д. Человек становится человеком по мере формирования у него способности осознавать окружающий /природный и социальный/ мир, а также самого себя, свою деятельность. Возможность формирования сознания и, следовательно, такой способности достигается посредством овладения сложившимися формами деятельности через усвоение тех или иных функций вечно-предметных факторов социальной среды и систем языково-знаковой деятельности. Можно сказать, что языково-знаковые средства-специфическая форма "овеществления" духовных способностей человека, развития его знаний, сознания и мировоззрения в целом. Овладевая специфическими функциями языка в условиях общения с другими людьми, субъект становится носителем сознания как важнейшего фактора творческой деятельности, в том числе в области науки.

Таким образом, преемственность в развитии общества происходит благодаря самой деятельности, в ходе которой новое поколение усваивает достижения старого. Но усвоение не есть еще творчество в полном смысле. Конечно, и воспроизведение субъекта, овладевшего достигнутым, есть процесс, включающий элементы творчества. Для формирующегося индивидуума это процесс творческий, хотя бы потому, что предполагается его активное отношение к сложившимся в обществе формам деятельности, достижениям человеческого разума. Активен этот процесс и для общества, которое в своем лоне рождает новое. Передача старым поколением новому уже имеющегося - активный процесс и для общества. И тем не менее только воспроизведение новыми поколениями уже существующего не выделяет в полном объеме творческой деятельности, ибо творчество необходимо включает

в себя не просто воспроизводство, но и производство нового. Возможность такого производства опять же содержится в самой деятельности, которая тем самым выступает не только фактором передачи от поколения к поколению уже достигнутого, но и основой целесообразного преобразования в самых различных сферах общественной жизни, знаменующих появление этого нового как более высокого, несущего в себе большие возможности развития. Деятельность потому и является деятельностью, и об этом уже говорилось в первом разделе, что она несёт в себе внутренние и внешние импульсы саморазвития.

Возникновение нового, как проявления творческого характера деятельности, связано и с возрастанием степени свободы действующего субъекта. Обратит внимание на эту сторону вопроса чрезвычайно важно, ибо здесь раскрывается сложная диалектика соотношения необходимости и свободы в творческом процессе, а вместе с тем выявляется и важнейший результат творчества - развитие и совершенствование субъекта деятельности. Новое также достигается в результате активности познающего субъекта, имеющего определенные индивидуальные качества. Это выражается в особенностях природных данных, в специфике социального опыта, который дает необходимый уровень подготовленности к конкретному виду общественно ценной деятельности, а также мировоззренческую позицию. "Угол зрения", определяемый этой позицией, дает направление творческому поиску, позволяет прогнозировать социальную ценность искомого нового. Значимость мировоззрения для субъекта творчества - неотъемлемое, органически присущее качество. И даже в том случае, когда личность не осознает значение своих философских, идейно-политических убеждений, они с необходимостью будут определять методологические основы деятельности, основные принципы её осуществления и направленность.

Уже сказанное о механизмах связи различных поколений в творческой деятельности позволяет характеризовать творчество как объективно детерминированный процесс, включенный в цепь объективной необходимости/как природной, так и социальной/.

О ДЕТЕРМИНАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ВЕЩНОГО МЫШЛЕНИЯ/ на материале данных межкультурных эксперименталь-

но- психологических исследований/

П. Э-И. Тульвисте /Тарту/

1. Начиная с середины прошлого столетия было выдвинуто несколько различных концепций исторического развития человеческого мышления. Многие авторы обсуждали не только вопрос о том, что меняется в мышлении в ходе его исторического развития, но и причины развития: почему меняется мышление? К наиболее влиятельным относятся ответы, предложенные Г.Спенсером и Л.Леви-Брюлем. Согласно Спенсеру, развитие мышления обуславливается постепенным осложнением среды /органической и надорганической/. Недостатки этого ответа, - во-первых, рассмотрение человеческой психики только с точки зрения приспособления к среде, во-вторых, отсутствие критерия сложности + не позволяют на основе свойств среды строить гипотезы о свойствах мышления. Леви-Брюль связывал изменения в мышлении с изменениями в структуре общества. С теоретической точки зрения, отсутствует необходимость в такого рода соответствии; эмпирические данные не подтвердили существования такого соответствия. В современных исследованиях исторических изменений и межкультурных различий в мышлении также не удалось выявить того аспекта общества /культуры/, который их обуславливает.

2. Разработанный А.Н.Леонтьевым деятельностный подход к психике человека позволяет, видимо, на теоретическом уровне предложить удовлетворительное решение проблемы о движущих силах исторического развития мышления. Ввиду исторического развития человеческой деятельности возникают задачи нового типа, которые не могут быть решены при помощи имеющихся типов мышления. Таким образом, развитие деятельности порождает изменения в мышлении. Межкультурные различия в мышлении объясняются наличием и преобладанием в различных культурах различных видов деятельности. Поскольку мышление рассматривается в психологии как решение задач, а задачи определяются деятельностью, то связь между особенностями деятельности и особенностями мышления представляется необходимой с теоретической точки зрения. Именно деятельность является тем аспектом культуры, на основе которого можно строить гипотезы об особенностях мышления в определенной культуре или эпохе.

3. Тезис о деятельностном происхождении межкультурных различий и исторических изменений в мышлении позволяет решить некоторые проблемы исторического развития мышления, которые до сих пор не получили удовлетворительного решения. Во-первых, разнообразие видов деятельности в любой культуре объясняет явление гетерогенности мышления, давно отмеченное психологами и этнологами. Во-вторых, получают теоретическое основание попытки построить типологию вербального мышления. В-третьих, становится понятным, что в ходе исторического развития общества меняется не все мышление в целом, а к имеющимся /и соответствующим "старым" видам деятельности/ типам мышления прибавляются новые типы /соответствующие "новым" видам деятельности/. С методической точки зрения, открывается принципиальная возможность изучать мышление людей прошедших эпох: наличие соответствия между деятельностью и мышлением позволяет на основе изучения продуктов деятельности /например, фольклорных текстов/ изучать также мышление, их породившее.

4. Данные межкультурных экспериментально-психологических исследований мышления во многих случаях можно удовлетворительно объяснить именно с точки зрения изложенных положений. В частности, поддаются причинному объяснению наиболее изученные на сегодняшний день культурные различия в мышлении - различия между мышлением людей, посещавших и не посещавших школу. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что различия в силлогистическом мышлении, в классификации, в определении понятий и т.д. порождаются не предполагаемым общим развитием мышления "вперед" под воздействием школьного образования, и не усвоением грамоты, а необходимостью решения в школе научных задач, принципиально отличающихся от обыденных, и усвоением приемов решения таких задач. При этом развитие состоит не в переделке мышления в целом, а в возникновении мышления в научных понятиях /по Л.С. Выготскому/. Происходящие в мышлении изменения функционально соответствуют необходимости решать именно научные задачи. Получены также данные о том, что в случае отпадения необходимости решать научные задачи и применять школьные знания, усвоенное в школе мышление в научных понятиях отстывает или даже пропадает.

5. В части психологии, изучающей высшие психические процессы человека, сейчас происходит смена принципа объяснения: не через мозг, а через социальные факторы, историю, культуру. В то же время перечисленные понятия в психологических исследованиях остаются слишком общими и пустыми для того, чтобы на них можно было опираться при объяснении конкретного эмпирического материала. Опыт применения при изучении исторического развития вербального мышления деятельностного подхода свидетельствует о том, что А.Н. Леонтьевым был выделен существенный с точки зрения детерминации психических процессов аспект общества, культуры. Деятельностный подход можно рассматривать как удачную конкретизацию общего положения Л. С. Выготского о культурно-исторической природе психики человека.

ВЛИЯЕТ ЛИ СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА НА ПРЕДЕЛЫ ВОСПРИЯТИЯ ?

Д.К. Аллик /Тарту/

1. Пределы восприятия. Возможности восприятия имеют два вида ограничений: во-первых, собственно пределы восприятия и, во-вторых, утрачивание уже принятой информации в процессе ее обработки. Первого рода ограничения возникают из-за предельного числа возможных состояний системы восприятия /Gagep, 1974/. Потеря информации вследствие предельных возможностей имеет абсолютный характер: никакое изменение условий восприятия не может расширить предел доступной информации. Отличительной чертой второго вида ограничений является обратимость утраченной информации: модификация условий восприятия может привести к восстановлению этой информации. Следует особо подчеркнуть, что пределы восприятия не обязательно должны совпадать с пределами рецепторов. Кроме "энергетических" пределов могут существовать и пределы структурной информации. Так, например, одно из правил Влеша гласит, что две зрительные текстуры неразличимы между собой, если они имеют одинаковые статистики второго порядка. Одним устойчивым показателем наличия пределов являются аномалии восприятия. Восприятие человека, имеющего, например, аномалию цве-

тового зрения, явно отличается от восприятия человека с нормальным зрением. Но кроме аномалии цветового зрения в последние годы были обнаружены дефекты в системе восприятия глубины и движения /Richards, Lieberman, 1982/. Любопытно, что слепота глубины и движения имеет, по-видимому, как и цветовое зрение, генетическую природу.

Существует философская традиция, восходящая к Аристотелю, которая утверждает, что познавательная активность достигает самых элементарных актов восприятия, затрагивая то, что было названо пределами восприятия /ср. Ben-Zeev, 1981/. Так, например, Грегори утверждает, что предварительные знания о предметах могут влиять на все уровни восприятия вплоть до процессов на рецепторном уровне /Gregory, 1974/. Далее мы попытаемся /на основе имеющихся данных/ ответить на следующий вопрос: может ли индивидуальный и социальный опыт человека повлиять на пределы восприятия?

2. Эффект наклона. Меридианальная амблиопия /недостатки зрения, сохраняющиеся после оптической коррекции зрения/ возникает из-за некорректированного астигматизма в раннем детстве. Отсутствие четкого изображения с одной ориентации приводит к пожизненному понижению остроты зрения вдоль меридиана астигматизма /Mitchell, 1980/. Меридианальную анизотропию зрения можно вызвать у животных при помощи искусственного искажения оптической силы глаза или при помощи "хирургии среды", состоящей в том, что из зрительной среды животного убираются контуры некоторого направления. Известно, что большой процент людей в горизонтальной и вертикальной ориентациях имеет более высокую остроту зрения, чем в наклонных ориентациях /эффект наклона/. Может ли анизотропия зрительной среды вызвать анизотропию зрительного восприятия? Пока единственным доказательством является исследование Annis и Frost /1/, которые показали, что индейцы племени Крии подвержены значительно меньше эффекту наклона, чем канадцы, живущие в больших городах. Индейцы живут в среде, где мало прямых линий, имеющих вертикальную или горизонтальную ориентацию. Скорее доминирующими являются наклонные линии палаток. Однако имеются данные, противоречащие культурному объяснению эффекта наклона. Во-первых, эффект наклона

максимально достигает примерно 10-15 % различия, но даже среди европеоидной расы наблюдаются существенные различия. Во-вторых, показано, что европеоидные дети в возрасте до 6 месяцев явно предпочитают вертикальные и горизонтальные контуры наклонным. Наконец, различия между индейцами и городскими жителями Канады могут соответствовать расовым различиям. Tim-леу и Muir /1976/ показали, что эффект наклона может иметь генетическую основу: монголоидная раса менее подвержена эффекту наклона, чем европеоидная. Из сказанного можно заключить, что пока не существует строгих доказательств того, что созданная человеком среда влияла бы на пределы восприятия. Имеющиеся нейрофизиологические данные показывают, что архитектура зрительной системы в основных чертах определена генетически. Достоверно установлено только то, что нейрональный субстрат бинокулярной системы формируется под влиянием непосредственного опыта.

3. Влияние языка на восприятие. С легкой руки Б.Л. Уорфа в научный обиход вошла навязчивая метафора о том, что язык определяет воспринимаемый мир человека. Например, языковая слепота к определенному цвету предполагает реальную слепоту. В применении к цветовому восприятию эта идея оказалась полностью несостоятельной /Bornstein, 1975/. Более вероятным должно казаться то, что фонетическая система языка видоизменяет слуховое восприятие. Известно, что люди, говорящие на разных языках, по-разному категоризируют акустические континуумы стимулов. Например, если люди, говорящие на английском языке, воспринимают континуум от /r/ до /l/ категорически, то японцы, в языке которых данное фонетическое различие нерелевантно, этот ряд стимулов категорически не воспринимают. Категорическое восприятие означает то, что физические изменения стимула внутри одной категории не воспринимаются. Слышны только те изменения, которые пересекают границу категории. Но первые полученные данные оказались артефактными: при установке не на языковую, а на физическую форму сигнала испытуемые, говорящие на разных языках, показывали одинаковые результаты. По превалирующей точке зрения категорическое восприятие само по себе не обязательно. Влияние языка сказывается в первую очередь в том, что обращают

внимание на те или другие параметры доступной информации, но язык не влияет на пределы восприятия / Studdert-Kennedy , 1980/.

На основе двух, наиболее изученных, проблем можно сказать следующее: не существует достоверных данных о влиянии социальной среды и знаковых систем на пределы восприятия человека. Это, конечно, не означает, что такое влияние имеется на то, каким образом человеком используется информация, одинаково доступная всем людям.

Л и т е р а т у р а

1. Annis, R.C., Frost, B. Human visual ecology and orientation anisotropies in acuity. *Science*, 1973, 182, 729-731.
2. Ben-Zeev, A. J.J. Gibson and the ecological approach to perception. *Stud. Hist. Phil. Sci.*, 1981, 12, 107-139.
3. Bornstein, M.H. The influence of visual perception on culture. *Amer. Anthropol.*, 1975, 77, 774-798.
4. Garner, W.R. The processing of Information and Structure. Lawrence Erlbaum: Potomac, Md., 1974.
5. Gregory, R.L. Choosing a paradigm for perception. In E. C. O Carterette and M.P. Friedman /ed./, *Handbook of Perception*, Vol. I. Academic Press: N.Y., 1974.
6. Mitchell, D.E. The influence of early visual experience on visual perception. In: C.H. Harris /ed./. - *Visual Coding and Adaptability*. Lawrence Erlbaum: Hillsdale, 1980.
7. Richards, W., Lieberman, H.R. Velocity blindness during shearing motion. *Vision Res.*, 1982, 22, 97-100.
8. Studdert-Kennedy, M. Speech perception. *Language and Speech*, 1980, 23, 45-66.
9. Timney, B.N., Muir, P.W. Orientation anisotropy: Incidence and magnitude in Caucasian and Oriental subjects. *Science*, 1976, 193, 699-701.

ТИПОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ПОЗНАНИЯ

В.Н. Гасилин, З.В. Фомина / Саратов/

Одна из специфических черт человеческого отражения объективной реальности заключается в том, что это отражение опосредствуется социальными факторами. Субъекту познания объект дан не как таковой, непосредственно, а как объект, опосредованный различными социальными факторами. Все эти факторы, взаимодействуя между собой, образуют сложный социальный комплекс, детерминирующий весь процесс познания. В свою очередь сам процесс познания оказывает обратное детерминирующее воздействие на социальный организм, который его порождает и определяет.

Все многообразие факторов, детерминирующих процесс познания, можно подразделить на материальные и идеальные. К первым следует отнести, например, уровень и характер развития производительных сил общества, материальные экономические отношения и т.д.; ко вторым - различные духовно-мировоззренческие факторы, относящиеся к сфере общественного сознания. Действие материальных факторов в большинстве случаев опосредствуется и дополняется действием идеальных факторов, в чистом виде прямые, однозначные детерминационные зависимости являются скорее исключением, нежели правилом.

Общество в целом определяет как содержание, так и формы научного познания. "Мы можем познавать,- писал Ф.Энгельс. - только при данных нашей эпохой условиях и лишь настолько, насколько эти условия позволяют." /I, с. 556/. Процесс развития науки по содержанию определяется постановкой и стимулированием решения тех проблем, в разрешении которых заинтересовано общество в целом или отдельные социальные группы. В данном случае социальные интересы могут носить как объективный характер, т.е. способствовать прогрессивному развитию общества, так и субъективный характер, тормозящий, препятствующий развитию общества. Совокупность социально-классовых детерминирующих факторов определяет вероятность, а также характер объективности или субъективности, научности или ненаучности выдвигаемых в определенную историческую эпоху тео-

рий. По отношению к самому процессу познания эти детерминации носят внешний и опосредствованный характер.

Социальная детерминированность познания проявляется прежде всего в зависимости последнего от способа производства. Производительные силы, с одной стороны, создают материальную базу развития науки /необходимое оборудование, приборы и т. д./, т.е. уровень развития производительных сил определяет масштабы и уровень научных исследований. С другой стороны, производительные силы общества требуют решения конкретных производственно-технологических задач, формирующих определенную совокупность научных проблем, доступных решению в данную историческую эпоху. Производственные отношения, господствующие в определенной социально-экономической структуре, формируют субъективно-групповой интерес, потребность в разработке и решении той или иной группы научных проблем. В силу этого они определяют направление и цель научных исследований.

По своему существу данная форма детерминации носит материальный характер, однако она опосредствуется факторами человеческого сознания, идеальными побуждениями людей. Потребности материального общественного производства рефлектируются в общественном сознании, выступая как идеальные детерминирующие факторы процесса познания.

Конкретные формы решения выдвинутых обществом научных проблем определяются достигнутым уровнем знания /включая совокупность материальных средств, необходимых для реализации научных знаний в практике/. В том случае, когда существующие формы знания позволяют решить поставленную проблему, имеет место приращение знания в рамках экстенсивного его развития. В случае же, если решить данную проблему с помощью существующих форм знания невозможно, возникает необходимость перестройки существующих форм знания, необходимость в создании принципиально новых форм, которые способствовали бы дальнейшему развитию процесса познания и решению выдвинутой обществом проблемы. В этом случае имеет место интенсивное развитие знания. Данная форма научного знания также социально детерминирована. Эта детерминация по отношению к процессу познания носит внутренний характер.

Совокупность идеальных детерминирующих факторов, внутренне детерминирующих процесс познания, определяется той информацией, которая передается данному поколению предшествующими поколениями, "социальной памятью" /Я.К. Ребана/. С нашей точки зрения, понятие социальной памяти, включающей в себя социально-культурные средства передачи информации, оказывается весьма эффективным для исследования типов и видов детерминации научного познания.

Для гносеологического анализа детерминации научного познания, как показано Я.К. Ребана, определяющее значение имеют три основных группы детерминирующих факторов: 1. собственно накопленные знания, 2. категориально-логическая структура мышления и 3. господствующие в обществе ценности. Все эти факторы образуют в совокупности своеобразную "парадигму", являющуюся базой, отправным пунктом исследования, "парадигму", задающую одновременно и рамки, границы научного исследования. Указанные детерминирующие факторы определяют как поле чувственного восприятия, так и поле рационального мышления в каждую конкретно-историческую эпоху.

Поле чувственного восприятия познающего субъекта детерминируется интересом субъекта, сообщающего сознанию определенную направленность. В свою очередь интерес формируется под воздействием целой группы факторов, среди которых на уровне чувственного познания не последнюю роль играет социальная психика.

Поле рационального познания детерминируется /1/ категориально-логической структурой мышления, определяемой спецификой конкретно-исторической деятельности, и /2/ материалом чувственного познания. Категориально-логическая структура мышления формируется специфической материально-предметной деятельностью, присущей данной исторической эпохе. Согласно К. Марксу, "даже самые абстрактные категории, несмотря на то, что они - именно благодаря своей абстрактности - имеют силу для всех эпох, в самой определенности этой абстрактности представляют собой в такой же мере и продукт исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и в их пределах." /2, с.42/.

Границы научно-познавательной деятельности обусловлены

материально-практической деятельностью людей данной эпохи. В процессе материально-практической деятельности происходит овеществление разума, именно поэтому она играет определяющую роль в процессе развития человеческого познания. Продукт труда, в котором находит свое объективное существование сознание субъекта, позволяет последнему преодолеть свое ограниченное существование, является главным стимулом его познавательной деятельности.

Л и т е р а т у р а

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.20.

2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.46, ч.1.

СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ОТРАЖЕНИЯ

Э.Д. Чукуров, В.К. Нишанов /Фрунзе/

1. Познание можно рассматривать как социально обусловленное и ориентированное отражение и часть регуляторного механизма поведения индивида и социума. В более общем плане адекватность поведения существенно зависит от полноты и достоверности отражения действительности. Эта способность присуща развитым, сложным формам отражения, но возникла она не сразу, а в результате длительной эволюции, в которой можно выделить несколько критических моментов, характеризующихся обострением противоречий между уровнем организации регуляторных механизмов и развитием сложных форм поведения.

2. В эволюции можно выделить следующие уровни отражения и соответствующие им уровни регуляции поведения: физиологический, психический и социальный. Каждый последующий уровень не отменяет предыдущие, но включает в себя в качестве подчиненного и в качестве субстрата.

3. Физиологический уровень первоначально исчерпывается врожденными реакциями, набор которых неизбежно резко ограничен. Соответственно чрезвычайно примитивно и поведение, которое в объективно сложном континууме среды может быть адекватным только у ничтожного количества особей. Однако уже на

этом уровне образование анализаторов /рецепторов/ и ЦНС создает предпосылки для развития в дальнейшем зачатков анализа, синтеза, индукции и дедукции.

4. Сложность среды требует и сложных поведенческих реакций, многие из которых значимы для жизни особи, но не находят воплощения в соответствующем наборе наследственных стереотипов поведения. Общее не исчерпывает индивидуального. Противоречие между общим характером наследственно закрепленных реакций и разнообразием индивидуально переживаемых ситуаций разрешается образованием условных рефлексов. С методической точки зрения следует отметить, что условные рефлексы устанавливают связи между объектами действительности, которые не обязательно находятся в непосредственной связи друг с другом и не всегда имеют биологическое значение. С этого момента возникают предпосылки к тому, чтобы потенциально значимой для организма могла стать вся воздействующая на него действительность. Диалектика такова, что расширение значимости происходит через расширение "обезразличивания". По отношению к условному рефлексу конкретное воздействие первоначально безразлично. Оно получает определенную модальность лишь после включения в цепь рефлекса. Это обстоятельство чрезвычайно существенно для понимания особенностей освоения действительности при помощи мышления.

5. Объективное противоречие между сравнительно ограниченным набором врожденных или приобретенных стереотипов поведения и необходимостью целесообразно реагировать на уникальные стечения обстоятельств, поскольку они могут оказаться жизненно значимыми, послужило причиной второго кризиса в регуляции поведения. Примечательно, что совершенствование отражательной способности, на основе которой было преодолено данное противоречие, развивалось именно в русле "обезразличивания", достигшего логического завершения в механизмах мышления. Раз сформировавшийся рефлекс привязан к определенной ситуации, являясь конкретным отражением конкретной ситуации. Условно-рефлекторные шаблоны поведения являются индивидуальным дополнением к набору видовых наследственных шаблонов. Сравнительная сложность и инерционность образования и протекания условно-рефлекторных связей делают невозможным их использование для нешаблонных ситуаций. Мышление становится

тем механизмом, который преодолевает эти ограничения благодаря своей лабильности и относительной независимости как от конкретных элементов среды, так и от конкретных форм поведения.

6. Мышление является высшей формой регуляции индивидуального поведения. Наличие коммуникации в животном мире не меняет этого положения, поскольку достижения мышления отдельной особи по существу терялись из-за отсутствия адекватных способов их передачи. Мышление уже было оторвано от ситуации, а общение животных полностью слито с ситуацией. Противоречие между индивидуальным опытом и неразрывностью средств общения явилось содержанием третьего кризиса. Это обстоятельство в значительной мере снижало эффективность мышления, поскольку каждый индивид и каждое поколение вынуждены были порознь начинать освоение действительности с нуля. Выход из данного кризиса становится возможным лишь с появлением человека, общества и языка.

В языке накапливается опыт мышления, внешний по отношению к индивиду и внутренний по отношению к социуму. Это становится возможным благодаря независимости языка от конкретной ситуации и от конкретного индивида. Первая особенность делает его адекватным репрезентантом мышления, а вторая позволяет индивидуальный опыт делать общественным. Языковое мышление знаменует переход от физиологической и психологической детерминации к социальной детерминации поведения, к появлению сознания как нового регулятора поведения.

7. Управление поведением на уровне языкового мышления достаточно лишь для примитивных обществ, в которых отсутствует разделение труда. С разделением труда появляется потребность в специальном знании, которая не могла быть удовлетворена без специальной деятельности, противостоящей внутренне присущему языку и мышлению "обезразличиванию". Содержательность человеческой жизни входит в противоречие с бессодержательностью механизмов языкового мышления: Преодоление его стало возможным с появлением познания. Познание с самого начала - ориентированный, модальный содержательный процесс, изначально детерминированный социальными потребностями. Оно сразу же разбивается на два русла, каждое из которых по свое-

му восполняет "бессодержательность" языка и мышления. Одно из них - обыденное познание - направлено на решение практических нужд, второе - художественное освоение действительности-наполняется чувственно эмоциональным содержанием.

8. Усложнение общественной практики и производства повысило требовательность к точности и однозначности отражения, что вошло в противоречие с познанием, оперирующим языковыми значениями, которые неизбежно текучи, неустойчивы и включают наряду с необходимыми свойствами и отношениями - случайные. Преодоление этого противоречия становится возможным благодаря формированию инструментов познания, относительно независимых от языка. Такими инструментами стали понятия. Понятийное мышление явилось необходимой предпосылкой возникновения научного познания с одной стороны, а с другой - развития сознания до уровня самосознания, рефлексии.

9. Однако понятийное мышление имеет свои ограничения. Во-первых, оно охватывает лишь часть действительности, воспроизводя ее лишь грубо, приблизительно. Во-вторых, оно ограничено конкретными социально-историческими условиями. Поэтому само по себе оно не более чем предпосылка адекватного отражения действительности. Неадекватные понятия даже при самых правильных мыслительных операциях не могут привести к истинным выводам. Отсюда устойчивость различного рода заблуждений, причиной которых является ложно ориентированное сознание. Это обстоятельство, наряду с другими соображениями, требует проводить четкую грань между сознанием и мышлением.

10. Противоречие между особым в социальной детерминации содержанием понятий и всеобщим характером научного познания находит решение в формировании диалектической логики как основы для нового этапа развития познания.

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ "УЧЕБНОГО" ЗНАНИЯ И ЕГО МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ

В.В. Зибен /Тарту/

1. Проблема мировоззренческой функциональности учебного

знания имеет крупное значение, однако, она является наименее разработанной в современном учебно-воспитательном процессе в вузе.

2. Опираясь на идею детерминированности учебного знания /познания/ производственно-практическими потребностями и социально-классовой структурой общества, можно выделить ряд оценочных/ценностных/ критериев, которым должно удовлетворять учебное знание. В социалистическом обществе среди этих критериев важная роль принадлежит их значимости в деле формирования научного мировоззрения, научной картины мира и научного мышления обучаемых. Мировоззренческий аспект органически связан с социально-профессиональной значимостью знаний /функциональное значение научного мировоззрения и научной картины мира/ и умений /научное мышление/, так как наивысшим уровнем социально-профессиональной значимости знаний является: а/ достижение способности интерпретации фактов на уровне научной концепции; б/ выбор оптимального способа деятельности на основе творческого применения знаний; в/ умение дать необходимую мировоззренческую оценку соответствующих явлений. Сама система образования приобретает социальную значимость прежде всего посредством того, что она дает образование и воспитывает социально-активного гражданина общества.

3. При рассмотрении вузовского образования следует иметь в виду, что учебное знание обладает для студента определенной социальной значимостью, а деятельность по усвоению этих знаний наиболее эффективна тогда, когда она выступает как осознанная необходимость. Этот процесс должен быть управляемым. Профессиональный интерес студента необходимо стимулировать таким образом, чтобы он сам видел связь между наукой, мировоззрением и жизнью. В связи с этим очень актуальна проблема функциональной значимости приобретаемых студентами знаний. В учебном процессе функциональная значимость приобретаемых знаний выявляется, как правило, на основе конкретных задач в рамках соответствующих учебных дисциплин.

4. Содержание вузовского учебного знания отражено в учебных программах специальности. В настоящее время в теории педагогики нет общепринятых критериев разработки объема и

содержания отдельных учебных дисциплин, методов их построения и т.д. Является ли это только следствием отсутствия общей научной теории обучения, как полагают многие представители педагогической науки? Оставив открытым вопрос о том, возможна ли вообще "общая теория обучения", отметим, что на наш взгляд, каждый, кто хочет конструктивно говорить в данном случае о проблемах педагогики или дидактики, должен заняться конкретным анализом концептуально-логических, психолого-педагогических, педагогико-организационных и социально-профессиональных проблем обучения, от которых зависит содержание учебного курса /учебного процесса вообще//2/.

5. Об "учебном" знании как сконцентрированном отражении единого научного знания на уровне потенциальных учебных возможностей обучаемых /школьник, студент/ можно пока лишь мечтать. Для построения единого учебного знания автор предлагает использовать "принцип "двух зеркал""/3/, который позволяет осуществлять анализ знания как бы на двух уровнях: а/ на уровне исторически развивающейся научной картины мира /междисциплинарные взаимосвязи в науке/ и б/ на уровне учебного процесса /междисциплинарные учебные взаимосвязи/. Например, в отношении физического образования, а именно курса общей физики для университетов можно сказать следующее: в историческом плане /автором проведен анализ учебников 18 в. - первая половина 20 века /4// курс общей физики утрачивает статус фундаментальности, в нем уменьшается мировоззренческая проблематика, повышается абстрактность содержания учебников /в настоящее время наблюдается чрезмерная формализация/. Именно здесь с особой актуальностью встает вопрос о мировоззренческой функциональности, т.е. интегративном параметре более высокого порядка, и её анализ во многом приобретает философско-методологический характер.

6. Исходя из вышесказанного, мы считаем целесообразным при анализе мировоззренческой функциональности учебного знания исходить из следующих предпосылок. Необходим целостный, многоаспектный подход к формированию учебного знания. Методологическими основами такого подхода могут быть,

например : а/ концепция социальной детерминации познания /А.Н.Леонтьев, П.В.Копнин, Я.К.Рибане/ в контексте социаль-

ной детерминированности учебного знания, включая аспект социальной детерминированности института высшего образования; б/ идея "социальной памяти" /Я.К. Ребане, /I//, где отражаются вопросы научно-прикладной направленности и социально-культурной обусловленности осмысления достижений науки, техники и общественного производства через систему образования, детерминации содержания образования культурным фоном /включающим господствующее мировоззрение соответствующей эпохи/.

7. В организации самого учебного знания /мы на это обратили внимание в связи с курсом общей физики/ мировоззренческая функциональность проявляется: а/ как связь данной учебной дисциплины с общей научной картиной мира и основными принципами диалектико-материалистического мышления; б/ как многоплановая взаимосвязь с фундаментальными данными других учебных дисциплин /междисциплинарные учебные взаимосвязи/ ; в/ как умение самостоятельно, творчески применять полученные знания в самых различных сферах практической деятельности. Эти моменты в историческом развитии науки и педагогической практики постоянно изменяются. Задача педагогики в области составления учебных программ и учебников - находить оптимальные варианты их решения. Нахождению таких решений во многом может содействовать общее марксистско-ленинское учение о социально-исторической /социально-классовой и социально-культурной/ обусловленности человеческого познания.

Л и т е р а т у р а

1. Ребане Я.К. Принцип социальной памяти. - Философские науки, 1977, № 5, с.94-104.
2. Зибен В.В. Аспекты установления междисциплинарных учебных взаимосвязей. - Проблемы высшей школы. Тарту, 1978, вып. II, с.103 -115.
3. Зибен В.В. Взаимосвязь физики и философии в формировании мировоззрения студентов. - Автореф.дисс. на соискание учен. степени канд.пед.наук. М., 1980, 14 с.
4. Зибен В.В. Некоторые исторические тенденции развития университетского курса /общей/ физики. - Проблемы высшей школы. Тарту, 1979, вып. III, с.107-124.

МЕХАНИЗМ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ КУЛЬТУРЫ И МЕТОДО- ЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ

Н.А. Венедиктов /Горький/

1. Идея о социальной детерминации культуры и познания сегодня в принципе общепризнана. В марксизме эта идея признается принципиальной исходной позицией, в буржуазной философии эта идея в искаженном виде также присутствует /напомним хотя бы концепцию "парадигмального" развития науки Куна/. Однако недостаточная разработка проблемы не позволяет достаточно определенно показывать социальную детерминацию не только науки, но и других сфер общественного сознания. В результате искусствоведы чаще говорят об искусстве "эпохи феодализма" нежели о "феодальном" искусстве. Ясно, однако, что в искусство "эпохи буржуазной" могут входить совершенно небуржуазные творения, например, гимн "Интернационал". Дальнейшее исследование, на наш взгляд, прямо упирается в раскрытие механизма социальной детерминации культуры.

2. Благоприятным материалом для анализа механизма социальной детерминации являются те открытия и изобретения, которые человечеству пришлось делать неоднократно. Возьмем два из них: открытие паровой машины или прототипа ее Героном Александрийским в I в.н.э., Ползуновым и Уаттом в XVIII в.; открытие исторической сущности семьи С.Десницким в XVIII в. и Бахофеном в XIX в. Эти примеры показывают неритмичность работы внутренней логики развития различных отраслей культуры, застои в этом развитии на сотни, а то и на тысячи лет. Объяснить ритм из самой внутренней логики не удастся. Серьезнейшим фактором является историческая избирательность общества. Так, для машин Герона Александрийского и Ползунова не было социального заказа и социальной почвы в феодальном и в рабовладельческом обществе. Поэтому они практически не оказали влияния на развитие общества, зато машина Уатта в силу благоприятных условий буквально перевернула мир, совершила энергетическую революцию. Таким же образом можно объяснить различие судеб теорий Десницкого и Бахофена. Для XVIII века - века Просвещения - проблема истории еще не была поставлена, мир представлялся сотворенным раз и навсегда, не было проблемы целостности мира, человек казался естественным и неиз-

менным, семья также казалась неизменяемой. Десницкого в XVIII веке не поняли в России, но не поняли его и в Европе. Другое дело - середина XIX в., когда появляется работа Бахофена, тогда идея развития стоит в порядке дня и идея появляется вовремя, ее понимают, и социальное значение теории велико для всего человечества. Итак, анализ показывает необходимость выделения в механизме социальной детерминации общественным бытием общественного сознания а/ производственных отношений /это и есть социальный заказ и социальная почва/, б/ духа эпохи, типа мышления.

3. История марксизма показывает необходимость выделения этапов становления и развития как производственных отношений, так и духа эпохи. Социальная детерминация видна жестко и очевидно. Понять историческую ограниченность капитализма, его смысл можно лишь тогда, когда они проявились в зрелом капитализме. Это - 1825 г., первый промышленный кризис перепроизводства, ясно, что в первую очередь он бил не по классам феодализма /ибо они базируются в основном на натуральном хозяйстве/, а по классам буржуазии и пролетариата. Понятно, что пролетариату хуже всех. От бедствий появляется и особая точка зрения рабочего класса - могильщика буржуазии /1831 - 34, 1844 гг. и т.п./. Если в данном срезе все ясно, то весьма часто путают и преувеличивают естественнонаучные предпосылки. Три великих открытия - дарвинизм, клеточная теория и закон сохранения и превращения энергии сами по себе никакого влияния на революцию в философии /появление марксизма/ не имели. Маркс узнал о двух открытиях из письма Энгельса 14.07.1858г., а дарвинизм появился в 1859 г. Естественно-научные предпосылки, т.е. новый тип упорядочивающей науки, лишь постольку имели влияние на революцию в философии, поскольку входили в дух эпохи, новый тип мышления и мироощущения. Итак, важно выделять этапы и соразмерность в каждом этапе производственных отношений и духа эпохи.

4. В методологическом плане, на наш взгляд, механизм социальной детерминации оборачивается философскими принципами познания. На наш взгляд, это проблемы соотношения 1/практики, 2/принципа партийности, "анатомической" формулы истории Маркса, других философских принципов и 3/научных принци-

пов. Это отражение трех этажей механизма социальной детерминации мышления и культуры-практики, мировоззрения как духа эпохи и частно-научных принципов. Как они соединяются? Из практики исходит принцип партийности, и формализацией этого принципа является "анатомическая" формула истории. Первый этап: "практика должна войти в полное определение предмета и как критерий истины, и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку" /1, 290/. Из этого - "что нужно человеку" - появляется "программа будущего", ибо всегда важно оценивать любое развитие с точки зрения конечной цели, с точки зрения будущего /2, 28/. Это и есть второй этап: "анатомия человека - ключ к анатомии обезьяны", как писал К. Маркс. Только через практику мы получаем ориентир будущего, а затем по "человеку" - ориентиру будущего - выверяем движение к нему "обезьяны" - прошлого. Это дает нам возможность быть объективнее объективиста /3, 418/. Этот третий этап включает всю мощь философских принципов - противоречия, историзма, системности и т.п. Сказанное дает возможность использовать должным образом философски нейтральные методы математики, экстраполяцию, структурный подход и т.п.

5. Потребности практики вынуждают буржуазных философов и социологов заниматься глобальными моделями мира /доклады Римского клуба/, прогнозами будущего /футурология/, человеком /философская антропология/. Эти последние обозначают попытку оторвать и противопоставить научные /философски-нейтральные/ методы и философские, ограничив тем самым их социальную детерминацию. Эта идеологическая сторона проблемы подчеркивает необходимость разработки проблемы механизма социальной детерминации культуры и познания.

Л и т е р а т у р а

1. Ленин В.И. Полн.собр. соч., т.42.
2. Ленин В.И. Полн.собр. соч., т.13.
3. Ленин В.И. Полн.собр. соч., т.1.

Э.ГУССЕРЛЬ О ЗНАЧЕНИИ КАТЕГОРИАЛЬНОГО СОЗЕР- ЦАНИЯ В КОНСТИТУЦИИ ПОЗНАНИЯ.

Ю.И. Матьяс /Тарту/

1. Как известно, Э.Гуссерль высоко ценил свое учение о категориальном созерцании. Открытие различия между чувственным и категориальным созерцанием характеризовалось им в качестве "фундаментального для любой теории разума" (4, IV-Y). Здесь рассматривается понимание самим Э.Гуссерлем своего учения о категориальном созерцании по отношению к учению о сознании и познании вообще.

2. Э.Гуссерль понимает сознание в качестве (психических) актов, или (интенциональных) переживаний (см. 3, 346), т.е. всегда в качестве потока, "течения". Притом его интересует сознание только с одной стороны, со стороны "логики", т.е. того, что в сознании постоянно, вечно (например, интенциональность, *a priori* и т.д.). Его основной предмет — структура акта (или переживания). Акт (или переживание) прежде всего включает в себе представление (*Vorstellung*), в сознании всегда что-то представляется в смысле интенциональности, интенционального представления. С точки зрения выражения, т.е. слова или предложения, Э.Гуссерль различал два вида актов: 1) придающие смысл (*sinngebende*), одолажающие значение (*bedeutungsverleihende*), или просто интенции значения (*Bedeutungsintentionen*); 2) акты наполнения значения (*bedeutungserfüllende Akte*). Общим для этих двух связанных между собой видов актов является интенция значения, превращающая все сознание — в интенциональное, предметное. Благодаря такой связи возможно вообще познание, которое представляет собой наполнение интенции значения, существовавшей в первом акте только как мыслимая, "символическая", в качестве полагания. Со стороны познания различие между "выраженческими" актами соответствует различие между сигнификацией и интуицией, или "мышлением" (так только — мышлением, иногда — символическим мышлением, только сигнификативным полаганием) и созерцанием. В принципе существуют эти два акта, но познание не возможно без второго, т.е. созерцания, или интуиции (в первоначальном значении слова). Созерцание может быть или чув-

ственным, или категориальным, основанным на чувственном. Далее, оно может характеризоваться как адекватное или неадекватное по отношению к значению, как перцептивное или иматинативное, как индивидуальное или общее (см.4, 201-202).

3. Сознание как акт, или переживание, рассматривается Э. Гуссерлем главным образом с точки зрения созерцания, с целью таким путем раскрыть "низшие и первые по своей природе основания критики познания" (4, 7). Исходя из рассмотрения чувственного созерцания (восприятия, видения), Э.Гуссерль (феноmeno)логически последовательным образом доходит до утверждения, что существует категориальное созерцание, признание которого разрешает самые сложные фундаментальные проблемы теории познания. То, что "категориальные формы", точнее, их значения наполняются, может означать только то, что эти категориальные формы не только "мыслятся", не только полагаются, но также созерцаются, воспринимаются, видятся (см.4,143) Чувственное и категориальное созерцание вместе охватываются большим классом актов, специфически характеризующихся "действительной" самоданностью чего-то, появляющегося в них. Не только чувственное, но также сверхчувственное дается "действительно", созерцается в качестве феномена сознания. Учение о категориальном созерцании, таким образом, действительно представляет собой, по словам М.Хайдеггера, "фокус гуссерлевского мышления" (I, III), основу дальнейшего развития феноменологии и феноменологической философии.

4. Э.Гуссерль в "Логических исследованиях" в особенности занимала проблема рассудка, соотношения чувственности и рассудка. Рассудок, в противоположность чувственности, определяется им как "способность категориальных актов" (4,197). Но нельзя забывать о том, что "... в конечном счете, все категориальное основывается на чувственном созерцании, и что категориальное созерцание, т.е. рассудочное видение, мышление в высшем смысле, без основывающей чувственности является противоречием" (4,183). Далее вводится подлинного, отвечающего своему понятию, и неподлинного мышления: первое отождествляется с актами категориального наполнения, второе - с актами сигнификации. Категориальное наполнение, которому присваивается вся познавательная ценность, характеризуется феноменаль-

ной "действительной" самоданностью идеальных истин и т.п. по идеальным законам. Происхождение нового знания, образование нового понятия, по Э.Гуссерлю, ничто другое, как реализация идеальной истины и т.п. как возможности (см. 3,104). Если истины и т.п., а также законы созерцания этих истин и т.п. идеальны, тогда рассудок непременно представляется в качестве некоторого рассудка вообще, а не только человеческого. Такова первоначальная программа Э.Гуссерля против психологизма в логике, заключающая в то же время уже все основные элементы феноменологического мышления.

5. В "Логических исследованиях" рядом с критикой современного психологизма в логике более или менее заметно присутствует критика психологистских тенденций И.Канта. Основное заблуждение в том, что "... Кант никогда не разъяснил себе специфику чистой "идеации", адекватного узрения понятийных сущностей и всеобщей значимости законов сущности, что у него, следовательно, отсутствовало феноменологически подлинное понятие априори." (4,203) Вместо того, чтобы заняться "...просвещающим анализом сущности и критикой познания как таковой, всей сферой актов, в которых совершается дологическая объективация и логическое мышление, вместо того чтобы редуцировать простые логические понятия и законы к их феноменологическому происхождению, он попал в русло метафизической теории познания" (4,203). К тому же ему были совершенно нужны упомянутые выше различия противоположностей в сознании, усмотренные Э.Гуссерлем. Роковым, по Э.Гуссерлю, оказалось то, что И.Кант 1) отделался от области чистой логики лишь замечанием, что она стоит под принципом противоречия; 2) не видел, сколь мало со ссылкой на этот же принцип аналитических положений сделано для просвещения способности аналитического мышления; 3) не заметил, сколь мало законы логики всюду имеют характер аналитических положений в том смысле, который он сам дефинитивно установил (см. 4,203). В нашем толковании здесь речь идет о трех разных, но связанных между собой вещах: 1) область чистой логики с ее законами, 2) аналитические положения (суждения, законы), 3) способность аналитического мышления. Центром рассуждения представляется специфика аналитических положений, которые характеризуются И.Кантом 1)

законом или принципом противоречия, 2) как поясняющие, не предоставляющие нового знания. Тем самым И.Кант, во-первых, не смог ничего существенного, именно положительного, сказать о способности логического мышления, хотя, по Э.Гуссерлю, именно подлинное "логическое мышление" в качестве категориального созерцания предоставляет новые знания. Во-вторых, И.Кант, следовательно, не смог ничего существенного, положительного, сказать также об области чистой логики. У него нет свободно-го взгляда для созерцания сущего, для выражения созерцаемого в аналитических положениях. В своей оторванности от "действительной" самоданности мира, следовательно, в зависимости от "метафизической теории познания", основываясь на эмпирико-психологическом опыте индивидуального человека, И.Кант утверждает принципиальную непознаваемость мира, а также способность соответствующего самопонимания, т.е. разум. В поисках источника нового знания И.Кант утверждает трансцендентальную апперцепцию как возможность, или условие возможности рассудка, "положительной" способности познания. Рассудок и разум в трактовке И.Канта характеризуются Э.Гуссерлем иронически в качестве "мифических" способностей души (см. 2, 214). У него самого нет надобности открывать тайны познания в духе теории причинности, изобретая соответствующие способности души, его удовлетворяет "действительная" самоданность в категориальном созерцании, выражаемая в аналитических положениях. Эти последние, в противоположность кантовскому пониманию, имеют большую познавательную ценность, поскольку они безусловно общие, необходимые, полностью формализованные (см. 3, 254-255). Если все дается само, или, лучше, если все дано само в смысле открытости сознанию, то вся данность извещается аналитическими положениями как известная, т.е. вся новосты заключалась в "первом" положении об этой данности. Тем самым аналитические положения могут характеризоваться - в духе феноменологического познания - в качестве принципиально тавтологических. А само познание, основой которого является категориальное созерцание, в таком понимании представляется в действительности лишь потоком трансформационных действий. Таким образом, уже в "Логических исследованиях" скрываются основы тавтологического мышления, первоначального смысла

феноменологии в толковании М.Хайдеггера (см. I, 137). В принципе область чистой логики выражается аналитическими положениями, обращение к синтетическим свидетельствам было бы только об отсутствии подлинного априори. Очевидно, именно поэтому Э.Гуссерль относится столь иронически к характеристике И. Кантом своей теории аналитических и синтетических положений (суждений) как "классической" (3, 256).

6. Э.Гуссерль, решая кантовскую проблему теории познания, точнее, теории происхождения нового знания принципиально новым, некантовским образом, совершает в то же время, с точки зрения марксистской философии, все ту же кантовскую ошибку, заключающуюся в принципиальном исключении роли социально-исторической практики в познании. Все попытки социальной детерминации логики познания как "чистой логики" должны быть, по Э.Гуссерлю, отвергнуты в качестве антропологических т.е. субъективистских и релятивистских. Следовательно, марксистская критика философии Э.Гуссерля существенна не только с точки зрения критики этой философии как идеалистической, но также с точки зрения понимания внутренней дифференциации современной идеалистической философии вообще.

Л и т е р а т у р а

1. Heidegger, M., Vier Seminare. Le Thor 1966 1968 1969 Zähringen 1973, Frankfurt am Main, (1977).
2. Husserl, E., Logische Untersuchungen, Bd.1, Halle an der Saale, 1913.
3. Husserl, E., Logische Untersuchungen, Bd.2, Teil 1, Halle an der Saale, 1913.
4. Husserl, E., Logische Untersuchungen, Bd.2, Teil 2, Halle an der Saale, 1921.

КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ПОЗНАНИЯ И СО-
ЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ МОЛОДЕЖИ

П.О. Кенкманн /Тарту/

В социологических исследованиях личности, молодежи, об-

разования и т.д. возрос интерес к более целостному анализу формирования социальных характеристик нового поколения. Традиционно эти вопросы рассматриваются в рамках концепции социализации. Представляется, что в целях развития марксистской концепции социализации плодотворным является использование некоторых положений, разработанных при изучении социальной детерминации познания и сознания (1).

1. Социологический анализ формирования личности или становления социального облика молодежи требует характеристики и структурирования того социального, что выработано в обществе и передается новому поколению. Информационный подход к социальной детерминации познания (2) позволил обосновать целесообразность и правомерность таких понятий, как социальный опыт, социальная память. Социальный опыт накапливается и функционирует в социальной памяти в различных формах. Это определенные результаты человеческой деятельности (материальная культура), формы общения и социальная структура, язык и другие знаковые системы, сформировавшиеся в данном обществе типы личностей. Преимущество такого выделения структуры социального опыта в том, что отсюда можно перейти к построению стратегии конкретного исследования названных форм социального опыта, с точки зрения присвоения его новым поколением.

2. Важное значение для методологии исследования вышеуказанной проблематики имеет представление о п р о ц е с с е передачи социального опыта. Этот вопрос актуален по двум причинам. Во-первых, в современных условиях данный процесс приобретает ряд новых черт, поскольку изменяются связи подрастающего поколения с предыдущими, личности и общества. Во-вторых, в вопросе о характере процесса присвоения и передачи социального опыта четко противопоставляются как марксистский подход и немарксистские концепции социализации, так и различные взгляды на понятие и концепцию социализации в советской философско-социологической литературе.

Анализ процесса передачи социального опыта может быть построен аналогично тому, как при рассмотрении социальной детерминации сознания и познания ставится и решается вопрос об активности субъекта познания. Отсюда — требование подхо-

дить к формированию социального облика молодежи через активность самой молодежи в процессе приобретения ею социального опыта. В этой активности ведущей является практическая деятельность как основа социальной интеграции молодежи (3).

Л и т е р а т у р а

1. Я.К.Рибане. О комплексном изучении социальной детерминации познания. — Социальная природа познания. Вып. I. М., 1973.
2. Я.К.Рибане. Принцип социальной памяти. — "Философские науки", 1977, № 5, с. 97 и сл.
3. П.-Е.Митев. Социалната активност на младежта и науката. София, 1980, с. 9-16.

К КРИТИКЕ ИДЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ТРАКТОВКИ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ СОЗНАНИЯ ИНДИВИДА

В.В.Парве /Тарту/

1. Современными идеалистами, среди которых встречаются и респектабельные ученые-специалисты, в возрастающей мере используются фактические данные физиологических и психологических исследований о периоде исчезновения сознания, а иногда и его восстановления, включительно на смертном одре, с целью доказать существование загробной жизни, бессмертие души и т.д., трансцендентальную сущность сознания, самосознания или Я. Дж.К.Экклз, лауреат Нобелевской премии по физиологии, имея в виду феномен смерти, заявил: "Себя сознающий ум, который располагал автономным существованием в смысле Мира 2 (см. схему К.Р.Поплера о трех мирах /8, с. 36-37/-В.П.), обнаруживает, что его мозг, так умело и эффективно сканируемый, испытываемый и контролируемый им в течение всей жизни, теперь лишен способности давать какие-либо сигналы. То, что теперь происходит, является предельным вопросом." (8, с. 372).

2. Однако, если Дж.Экклз в плане научного обоснования своей гипотезы опирается лишь на некоторые относительно новые и в связи с этим до сих пор спорно трактуемые результаты исследования пациентов после разъединяющей мозговые полушария операции, то психологи Э.Кюблер-Росс (3), Р.Мууди (4), К.

Осис и Э.Харалдссон (6,7) стараются доказать существование загробной жизни на основе анализа субъективных явлений пациентов на смертном одре. К.Осис и Э.Харалдссон, авторы книги "В час смерти" (7), ссылаются на 35 000 описаний процесса умирания, полученных от 640 медиков в виде интервью и письменных сообщений (7, с.27). Вначале они выдвинули две гипотезы: во-первых, смерть является переходом человеческой личности в иной способ существования и, во-вторых, она является необратимой деструкцией личности, подобно тому, как разрушается телесный организм (7, с.46-47). В результате своего исследования они последовательно отвергают вторую гипотезу и разрешают вопрос о "паранормальных" психических явлениях на смертном одре с позиции открытого спиритуализма (7, с.56-57).

3. Вопросы, связанные с "паранормальными" психическими явлениями, наблюдаемыми непосредственно перед смертью, не поддаются разрешению в пределах только самих рассматриваемых феноменов. Для этого необходим их анализ в более широком контексте, где исследование клинической смерти выступает в качестве ключа для "расшифровки" психики того, кто действительно умирает. Исследование субъективных переживаний у переживших клиническую смерть имеется, например, в работах Р.Нойеса и Р.Клетти (5), а также Р.Уайта и С.Лиддона (9). Критическая интерпретация их данных позволяет причислить соответствующие переживания к искривленным манифестациям следов памяти, т.е. к иллюзиям или галлюцинациям.

4. Недавно в "Философских науках" появилась статья академика АМН СССР А.В.Неговского (2), посвященная критике некоторых концепций идеалистических психологов (3,4). Однако необходимо указать и на ту сторону возможной критики, которая не была затронута академиком. А именно, К.Осис и Э.Харалдссон провели объемные сравнительные исследования в США и в Индии и в дальнейшем сложный компьютерный анализ данных с основной целью элиминировать то содержание субъективных переживаний умирающих, которое детерминировано религией, образованием, профессией и т.п. факторами культуры, а также полом и возрастом умирающих. Исходя из историко-материалистической методологической основы, их постановка вопроса в корне не-правильна. Поскольку психика и сознание — это отражение об-

ективно существующего материального мира в мозгу индивида, постольку сознание общественного человека неизбежно детерминировано объективно существующими социальными явлениями. Инварианты, независимые от социальной детерминации и выражаемые в таких категориях, как "прикосновение", "боль", "время", "пространство", "тождественность", "эквивалентность" и т.п. несомненно существуют. Однако они относятся к досознательно-му уровню психического (I,с.I7). Сознательное их переживание возможно только в конкретно-содержательной форме, насыщенной именно социально детерминированным содержанием.

Л и т е р а т у р а

1. Дж.Брунер. Психология познания.- М.: Прогресс, 1977.
2. В.А.Неговский. Об одной идеалистической концепции клинической смерти.- Философские науки, 1981, № 4, с.50-55.
3. E.Kübler-Ross Questions and answers on death and dying.- N.Y.Macmillan, 1974
4. R.A.Moody. Life after life.- Atlanta. Moddingbird Bks.1975.
5. R.Noyes Jr., R.Klettli. Deperzonalisation in the Face of Life-Threatening Danger: a Description.- Psychiatry, 1976 v.39, pp.19-27.
6. K.Osis, E.Haraldsson Deathbed Observations by physicians and Nurses: a Cross-Cultural Survey.-J. of Amer.Society for Psychical Research, 1977, v.71, pp.237-259.
7. K.Osis, E.Haraldsson. At the Hour of Death.- N.Y.,avon Bks 1977
8. K.Popper, J.Eccels. The Self and it's Brain.-N.Y.,Heidelberg, Berlin, Springer-International, 1977.
9. R.White, S.Liddon. Ten Survivors of Cardiac Arrest.- Psychiatry in medicine, 1972, v.3, pp.219-225.

ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Е.А. Мамчур /Москва/

Вопрос о ценностной детерминации естественнонаучного знания (в дальнейшем для краткости ЦД) не совпадает по своему содержанию с вопросом о его социальной детерминации. Под социальной детерминацией обычно понимают детерминацию научного знания общественным бытием, под ЦД — его детерминацию другими формами общественного сознания — политическими, идеологическими, этическими, эстетическими и др. взглядами и представлениями общества, несущими в себе оценочный момент.

Проблема ЦД естественнонаучного знания предполагает выяснение следующих вопросов.

1. Насколько глубоким является воздействие ценностей на научное знание; идет ли речь лишь о влиянии их на выбор направления исследования и общие параметры науки или же можно говорить о воздействии ценностей на содержание научных идей. Если определить ЦД именно в последнем смысле, то сформулированный вопрос — это вопрос о самом существовании ЦД.

2. Если ЦД естественнонаучного знания существует, каков характер, тип связи между знанием и ценностями: является ли она каузальной или же в данном случае речь может идти лишь о другом типе отношений.

3. Каковы возможные способы трансформации содержания ценностных факторов в содержание научных теорий? Как объяснить саму возможность ЦД, не впадая "в грех" вульгарного социологизма.

1. Ответ на первый вопрос требует уточнения некоторых моментов. а) В нашей литературе тезис о ЦД (и социальной детерминации) нередко смешивается с тезисом о его социально-исторической обусловленности. Некоторые авторы полагают, что поскольку любой вид познания имеет социальную природу, оно обязательно и социально (ценностно) детерминировано. Такое утверждение представляется неправомерным. Тезис о ценностной детерминации не совпадает с тезисом о социально-исторической

обусловленности познания. Он является более узким, но и более сильным. Его суть — в утверждении, что на фоне обязательной для всех видов познавательной деятельности общественно-исторической обусловленности познавательного процесса существует и самостоятельное, дополнительное воздействие на научное знание ценностных факторов, накладывающих отпечаток на его содержание. Нет сомнений в том, что естественнонаучное знание социально обусловленно, но существование и социальной детерминации, и ЦД еще нужно доказать.

б) Некоторые авторы полагают, что если ограничить функцию ценностных факторов способностью обуславливать появление новых идей в науке (не определяя их содержания), то появляется возможность безоговорочного признания существования ЦД. Такое мнение представляется, однако, ошибочным: и в своей только "обуславливающей" функции безусловно справедливым тезис о ЦД будет только, если иметь в виду историю изобретений или прикладных исследований.

2. История развития естественнонаучного знания дает богатый материал для утверждения существования связи между господствующими в обществе духовными ценностями и научными идеями. Возникает, однако, вопрос, какой характер носит эта связь. Является ли она необходимой или носит случайный характер? История дискуссий, ведущихся вокруг проблемы, позволяет сделать вывод, что доказать необходимый характер связи обычно не удастся и даже после тщательного анализа соответствующих ситуаций вопрос остается неопределенным. Со всей определенностью можно утверждать лишь одно: во всех рассмотренных ситуациях такого рода существует параллелизм в содержании политических, идеологических, этических и т.п. доктрин и научных теорий. Утверждать, что этот параллелизм является выражением необходимой связи, нет оснований. В этой связи можно предположить, что рассматриваемые трудности возникают потому, что исследуя складывающиеся между знанием и ценностями отношения, непременно ищут каузальную связь, в то время как в данном случае существует принципиально иной тип отношений. В поисках подходящего типа связи в сообщении обращается внимание на идеи К.Юнга об отношении "синхронизации" (психология); отношение когерентности явлений (физика) и т.п.

3. Ответ на вопрос о способах трансформации содержания политических, идеологических и т.п. доктрин в содержание научных теорий может быть получен, как представляется, при обращении к некоторым идеям и категориям социальной психологии. В этой связи обращается внимание на такое понятие социальной психологии, как "общности по настроению". Адекватно понять механизмы ценностной детерминации можно в том случае, если рассматривать ученого, генерирующего новые идеи, в качестве члена социо-психологической общности исследователей-представителей самых различных областей человеческой культуры, интегрирующим фактором которых является общность эмоционального настроения. Фактор настроенности членов таких общностей на одну и ту же эмоциональную волну помогает понять, каким образом столь в общем-то далекие от науки формы общественного сознания, как политика, идеология могут влиять на содержание научных идей.

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ И НАДИНДИВИДУАЛЬНОЕ В СОЦИАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ

И.С. Алексеев /Москва/

Очень часто при обсуждении социальной детерминации научного познания в нашей философской литературе под социальной понимается исключительно безлично-социальное, надиндивидуальное. Олицетворением такого рода безличной социальной выступает либо общество в целом, либо его отдельные сферы — производство, политика, искусство и т.п. Иногда обсуждение всецело остается в надиндивидуальном плане — когда, например, исследуют проблемы влияния потребностей практики на развитие науки или проблемы взаимного влияния науки и нравственности. Иногда в качестве социально детерминируемой стороны при рассмотрении аналогичных проблем берется (обычно достаточно знаменитая) индивидуальность — когда, например, прослеживаются социальные факторы, повлиявшие на формирование мировоззрения Эйнштейна.

Между тем, Маркс неоднократно предупреждал о недопустимости противопоставления общества индивиду, указывая, что даже когда человек занимается научной работой по-видимости в

одиночку, то и тогда он "занят общественной деятельностью" /К.Маркс, Ф.Энгельс. Соч., т.42, с.118/. С этой точки зрения, человек-индивид выступает как концентрат общества, фокусирующий в себе других людей, а само общество представляет собой не что иное, как общение индивидов, почти всегда опосредствованное разнообразными посредниками — языком, приборами, орудиями труда, деньгами и т.п. Само надьиндивидуальное в таком случае может существовать исключительно как межиндивидуальное, разделяемое многими индивидами, общее им.

Второй характерной особенностью обсуждения социальной детерминации научного познания является почти безраздельно господствующее понимание детерминации как стимулирующей, активно содействующей возникновению того, что она детерминирует. Между тем, уже очень давно в термин "детерминация" ("определение") начал вкладываться и другой, ныне почти забытый, смысл — как ограничения свободы действий, установление границ, пределов для свободы целеполагания и, что самое главное, для целеосуществления. В этом смысле детерминация, очевидно, носит пассивный характер.

В докладе будет сделана попытка учесть оба вида социальной детерминации развития науки при рассмотрении как самой науки, так и ее социальных детерминант в плане общностей индивидов. Ключевым методологическим принципом анализа будет служить третий тезис Маркса о Фейербахе. Наряду с механизмами социализации знания (от индивидуального достояния первооткрывателя через межиндивидуальное к надьиндивидуальному) будут рассмотрены некоторые проблемы научного творчества в плане полемики с основными положениями статьи М.А.Розова /Вопросы философии, 1981, № 8/. Отдельное место будет посвящено постановке и предварительному обсуждению проблемы индивидуальной детерминации социального в развитии науки.

ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ
ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ В АСПЕКТАХ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО
И ТЕМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
И.Б. Крикштопайтис /Вильнюс/

Научное сообщество, создающее систему познавательных

средств, должно обеспечить необходимые условия для самовыражения ученого как личности, ибо последний является автором творческого акта в общем потоке познавательного движения. Именно через совокупность отдельных личностей сообщество реализует себя в качестве функционирующей системы.

Характер функционирования сообщества ученых дает повод для сопоставления его с поведением вида в экосистеме. Такое сопоставление предполагает весьма нетривиальные следствия. Однако, не углубляясь здесь в эту проблему, скажем следующее.

Акт выдвижения новой научной темы (здесь "тема" в терминах Дж. Холтона), создания нового научного направления служит в определенной мере сигналом появления "экологической ниши", в которую устремляются ученые, желающие проявить себя и компенсировать свой "комплекс неполноценности", приобретенный в "перенаселенном" ареале тружеников науки. Так новая научная тема способствует образованию еще одного подвидового научного сообщества.

Научное сообщество, выработавшее специальную терминологию, правила выражения, создает специальный язык, обеспечивающий своих членов эффективной коммуникацией. Более того, условия нормального функционирования выполняются только в том случае, если научное сообщество поддерживает непрерывную двухстороннюю связь со всем обществом, незамедлительно реагируя на изменения в нем, на ситуации в социальной системе. Таким образом, научное сообщество является посредником между познавательным процессом (наукой) и обществом, неким активным звеном в процессе социальной детерминации. Роль конкретных средств, реализующих функции этого звена, выполняют научные абстракции, постепенно образующие концептуальные системы.

Теперь направим внимание на идею тематического анализа Холтона, учитывая при этом то, о чем было сказано выше.

Идея тематического анализа исходит из попытки установить каузальную связь между инвариантными компонентами развивающейся науки и особенностью, неповторяемостью личного творчества ученого. Внимание здесь обращено на имманентность индивидуальности, на мотивацию ее действий. Метод тематического анализа старается найти структуру в гносеологической

проблеме субъект-объект, вычленив при этом момент индивидуальной обусловленности. Признавая оригинальность холтоновской идеи, нельзя не заметить недостаточную ее связь с историческим моментом в познавательном процессе, учитывающем социальный фактор.

Накопленный естествознанием материал дает повод предполагать, что образование представлений об объектах, развитие конкретных их понятий идет по определенным направлениям, по отдельным руслам познавательного процесса. Назовем условно эти русла концептуальными линиями. Легко убедиться, что концептуальные линии проходят через многие теории, проблемы, научные программы, прорываясь через революционные переломы в научной картине мира. Сами понятия, образуя устойчивые структуры, развивают и углубляют свое содержание. При этом они изменяются качественно. Так, например, древнейшее представление о первооснове мироздания и бытия, пронизывая все учения (даже несовместимые), постепенно становилось философской категорией материи. От нее, по мере приобретения конкретных данных о природе вещей, отграничивались "субстанциональные образы", составившие то смысловое содержание, которое вошло в развиваемое понятие вещества (а несколько позднее и силового поля). По своим собственным концептуальным линиям прошли эволюцию понятия, связанные с вещественными предметами, такие, как атом, действие, стабильность и другие.

С первого взгляда понятие концептуальных линий близко стоит к идее о тематическом анализе. Но различие их все же значительное.

Для примера вспомним несколько понятий, таких, как элементарность, кратность (целочисленность), стабильность, симметрия, движение, сохранение. В познавательном наследии нашей культуры все они имеют глубокие корни, на которых выросли многие темы.

Если проследить концептуальные линии развития, скажем, понятия атома, то обнаружится, как линия атома пронизывает темы, выдвинутые вышеперечисленными понятиями. Понятие атома, при этом обогащаясь новыми аспектами, теряло лишнее. (Кстати, от этого понятия в определенные моменты отграничивались бо-

ковые линии понятий молекулы, электрона, частицы, кванта и др.).

Абстрактность, полиморфность, "диффузность" суть признаки тематических, с большими объемами понятий. Разумеется, не все понятия являются "тематичными", т.е. способными возбуждать самостоятельные научные темы. Более того, не на всех этапах своего развития понятия обладают названным признаком. Те понятия, которые в своем развитии приобрели конкретность (атом, электрон и др.), описываемую устойчивыми и количественными характеристиками, постепенно теряли "тематическую" возможность. Однако все понятия, будучи обобщением познания определенных объектов, имеют свои концептуальные линии, выделяющие момент историзма и указывающие их направленность на определенный фрагмент познавательного рубежа. При этом предполагается, что в концептуальных линиях заключена как интерполяционная, так и экстраполяционная возможность.

Концептуальные линии, в сущности являясь выражением принципа единства знания, его конкретным воплощением в историческом контексте, выделяют направленность развития данного понятия и попутно с ним связанных семантических построений. Концептуальные линии как бы образуют "вихревой стержень", внутри которого вовлекается материал, селективно отобранный из понятийного многообразия, представляемого всей совокупностью знания. Понятие концептуальных линий является плодотворным при изучении взаимодействия разных областей знания, ибо оно предполагает "сквозную диффузию" линий через все теории, учения, программы.

Бесспорно, идея тематического анализа содействует выявлению индивидуальной обусловленности познавательного процесса на уровне элементарных творческих актов, непрерывно происходящих в глубинах социального феномена, именуемого наукой. С другой стороны, положение о концептуальных линиях, акцентирующее дискурсивный момент науки и эволюционную направленность в создании понятийного арсенала, устанавливает рефлексивную связь между обществом и познаваемой действительностью. Она функционирует в виде теоретических, абстрактных конструкций, создавая концептуальные системы, в содержании которых фокусируется весь опыт цивилизации.

К ПРОБЛЕМЕ ФИЛОСОФСКО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ
ДЕТЕРМИНАЦИИ ИСТОРИКО-НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
(Критический обзор зарубежных
концепций)

Л.М. Косарева /Москва/

1. Интерес философов и историков науки к проблеме социо-культурной детерминации познания нашел, в частности, свое отражение в усилении интереса к проблеме философской детерминированности историко-научного исследования.

В целом ряде работ Дж.Агасси, М.Вартофского, Т.Куна, И.Лакатоса, К.Поппера, П.Фейерабенда, Н.Хэнсона и др. было сформулировано утверждение о том, что не существует защищаемого позитивистами теоретически нейтрального языка наблюдений, что любой научный факт несет теоретическую нагрузку. Из этого общего утверждения автоматически вытекало частное, согласно которому любое историко-научное фактуальное суждение (историко-научный факт) также "нагружено" теоретическими представлениями того или иного историка науки. Это следствие в целом и определило характер решения указанными философами проблемы взаимоотношения философии науки и истории науки. И действительно, параллельно или вслед за работами, в которых была сформулирована та или иная философско-методологическая концепция или теория рациональности, часто появлялись специальные работы по историографическим проблемам науки.

2. Отправной точкой ряда историко-научных концепций явилась методологическая позиция К.Поппера. В чистом виде она легла в основу историографических работ английского философа Д.Уоткинса (1) и американского методолога Дж.Агасси (2), в отношении других исследователей (например, И.Лакатоса, Э.Захара, И.Элканы, П.Фейерабенда и др.) (3-6) можно говорить о различной степени влияния на них попперовских идей. Для их работ характерно утверждение, что в историко-научном исследовании явно или неявно используются философские предпосылки, что не существует философски-нейтрального историко-научного факта.

Наиболее уязвимым пунктом этой позиции, на который обрушились критики и который отмечают также и ее последовате-

ли, является возможность ее интерпретации в духе порочного круга: философия науки определяет собою построение истории науки, будучи в свою очередь сама определяемой нормативно интерпретированной историей науки.

3. В этой связи необходимо отметить достаточно необычную позицию Т.Куна. Принадлежа к плеяде философов науки, провозгласивших тезис о полной теоретической детерминированности научного факта, Т.Кун, в отличие от большинства из них, не распространил этот тезис на область историко-научных исследований. Отвергая идею полной философской детерминированности историко-научного факта, Т.Кун настаивает на автономности исторического метода, защищая тем самым концепцию дополнителности философии и истории науки. Вместе с Т.Куном ее разделяют И.Б.Коэн, Ф.Руссо, М.Финокьяро (7-9).

Такого рода двойственность позиции Т.Куна создает известную путаницу в оценке его методологии. Чаще всего критики, упрекающие его вместе с Н.Хэнсоном, П.Фейерабендом, И.Лакатосом в крайней жесткости выдвинутого ими тезиса о теоретической нагруженности факта, ссылаются на его наиболее популярную работу "Структура научных революций" (10), игнорируя другие, в которых он выступает как историк науки, близкий к герменевтическому направлению. (Например, позиция И.Лакатоса в вопросе философской детерминации историко-научного исследования подвергается критике в его работах (11-13).) В этом плане характерно появление его статьи "Взаимоотношения между общей историей и историей науки" в сборнике работ представителей герменевтики "Интерпретативная социальная наука" (14).

4. Значительно большее число философов науки (Дж. Агасси, П.Ачинстайн, Р.Буриан, М.Вартофский, А.Гринбаум, Э.Захар, С.Кларк, И.Лакатос, Л.Лаудан, В.Лепенис, Э.Макмаллин, А.Масгрейв, Ю.Миттельштрасс, С.Тулмин, Д.Уоррел, Дж.Уоткинс, П.Фейерабенд, Н.Хэнсон, И.Элкана) защищают концепцию неразрывной связи философии науки и истории науки, концепцию философско-методологической детерминации историко-научного исследования. Наиболее радикальные представители этой точки зрения (М.Вартофский, В.Лепенис, Ю.Миттельштрасс) считают, что вообще необходимо слить воедино философию и историю нау-

ки, что должна существовать единая отрасль знания.

5. Рассмотренные нами работы по проблеме взаимоотношения философии и истории науки показывают, что за последние два десятилетия среди исследователей науки и ее истории резко возрос интерес к проблеме методологической активности субъекта историко-научного познания. Разработанная впервые в диалектико-материалистическом ключе К.Марксом, концепция активности субъекта историко-научного познания стала достоянием философской мысли XIX-XX вв.

Позитивизм, господствовавший в западной философии науки до середины XX в., способствовал "забвению" этой концепции. "Историческое направление" в современной философии науки, утвердившееся в ходе борьбы с позитивизмом, в форме тезиса о теоретической (методологической) нагруженности научных (историко-научных) фактуальных суждений снова "возрождает" по-своему интерпретированную концепцию активности субъекта научного (историко-научного) познания.

Л и т е р а т у р а

1. Watkins J. Metaphysics and the advancement of science. - Brit. j. for the philosophy of science, L., 1975, vol. 26, N 2, p.91-121.
2. Agassi J. Towards a historiography of science. - The Hague, 1963, 117p.
3. Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции. - В кн.: Структура и развитие науки: Из Бостонских исследований по философии науки. М., 1978, с.203-269.
4. Zahar E. Why did Einstein's programme supersede Lorentz's? - Brit. j. for the philosophy of science, Aberdeen, 1973, vol. 24, N 2, p.95-123; N 3, p.233-262.
5. Elkana Y. Boltzmann's scientific research programme and its alternatives. - In: The interaction between science and philosophy. Atlantic Highlands (N.J.), 1974, p.242-297.
6. Feysabend P. Consolations for the specialist. - In: Criticism and growth of knowledge. Cambridge, 1970, p.

197-230.

7. Cohen I.B. History and the philosophy of science. - In: The structure of scientific theories. Urbana, 1974, p. 308-349.
8. Russo F. Epistemologie et histoire des sciences. - Arch. de philosophie, P., 1974, t. 31, cah. 4, p.617-657.
9. Finocchiaro M.A. History of science as explanation. - Detroit: Wayne state univ. press, 1973.-286 p.
10. Кун Т. Структура научных революций. - М.: Наука. 1975.- 390 с.
11. Кун Т. Замечания на статью И.Лакатоса. - В кн.: Структура и развитие науки. - М., 1978, с.270-283.
12. Kuhn Th.S. Relations between the history and the philosophy of science. - In: Kuhn Th.S. The essential tension: Selected studies in scientific tradition and change. Chicago; London, 1977, p.13-21.
13. Kuhn Th.S. The halt and the blind: philosophy and history of science. - Brit. j. for the philosophy of science, Aberdeen, 1980, vol.31, N 2, p.181-192.
14. Kuhn Th.S. The relations between history and history of science. - In: Interpretive social science: A reader. - Berkeley etc., 1979, p.267-300.

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО ФАКТОРА В МЕТОДОЛОГИИ "ИСТОРИЧЕСКОГО" НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ФИЛОСОФИИ НАУКИ.

О.А. Подлишевский /Таллин/

В "историческом" направлении современной зарубежной философии науки учитывается наряду с другими факторами и действие социального фактора, т.е. значительное место уделяется в общей панораме методологических исследований выявлению конкретной социальнокультурной среды, в которой находится ученый, а также влиянию этой среды на результаты познавательной деятельности. Учитываются также и психологические причины, приводящие ученых к определенным результатам. Как сам термин "социальный" (или "социологический", часто используемый совместно с термином "психологический"), так и его

значимость в общей картине методологических построений трактуется представителями "исторического" направления неоднозначным образом.

При создании методологии научно-исследовательских программ Лакатос, как и ряд его последователей, проводят разделение между "внутренней" (интерналистской) и "внешней" (экстерналистской) историей естествознания, относя ко второму виду истории главным образом факторы социально-психологического порядка, влияющие на научную деятельность. При этом основные закономерности становления структуры и изменения научного знания, по мнению многих сторонников методологии научно-исследовательских программ, могут быть выяснены в анализе "внутренней" истории, в которой преобладающая роль отводится объективно-логическим основаниям, детерминирующим формирование и изменение концептуального аппарата научного познания. Характер социально-психологических причин, которые оказывают влияние на научную деятельность, признается также необходимым учитывать для понимания и объяснения целостной картины науки и ее методологии. Однако, устанавливаемые при этом факторы относятся в общем к второстепенным, способствующим пониманию некоторых обстоятельств; однако, в целом их влияние считается несущественным.

К заслуге исследований Лакатоса по данной проблеме можно отнести установление факта "превращения" в отдельных случаях социально-психологических факторов, относящихся к "внешней" истории, во "внутренние", т.е. в общей картине взаимодействия внутренних и внешних причин, способствующих или тормозящих развитие научного познания, подмечается диалектичность перехода от одних факторов к другим, хотя эта особенность изменения науки раскрывается довольно бегло.

В методологических исследованиях Куна, как он сам неоднократно подчеркивает, основное внимание уделяется историческим и социологическим аспектам (социологическо-психологическим) изменения науки. По его мнению, чтобы получить наиболее адекватное представление о природе научного познания и результатах познания, необходимо в первую очередь обратиться к анализу деятельности научных групп или сообществ и проследить изменение статуса научных институтов и организаций в

процессе изменения социальной структуры других общественных организаций.

При анализе методологической концепции Куна нельзя не учитывать и его специфическое понимание термина "социологический". Как следует из определения парадигмы, под социологическим (или социологическо-психологическим) подходом имеется в виду не проведение исследований в традиционном смысле данных понятий, когда объектом анализа становится социальный статус научных сообществ, а речь идет главным образом об изучении результатов исследований научных сообществ и той системы оценок, которой они пользуются в своей деятельности. В этом анализе учитываются социологическо-психологические причины, приводящие ученых к введению конкретных форм теоретического знания, а также к их изменению. Показательно в этом плане куновское понимание "внутренней" истории изменения научного знания, которую он трактует как исследование профессиональной деятельности членов научных сообществ, т.е., если, например, Лакатос относит исследования, связанные с изучением членов научных сообществ как представителей определенных организаций, к внешней истории, то Кун включает их во внутреннюю.

П.Фейерабенд в явном виде не формулирует своего отношения к воздействию социального фактора на научную деятельность, однако, как можно прийти к заключению из контекста работ, его позиция по рассматриваемой проблеме в ряде случаев близка к куновской (это не исключает их взаимную критику). Так же как и Кун, он при объяснении причин, оказывающих влияние на формирование теоретического знания и их изменение, большое внимание уделяет выяснению психологических причин и анализу конкретной социальной обстановки, в которой протекала деятельность ученых той или иной эпохи.

В критическом анализе как методологических идей Куна, так и Фейерабенда многие исследователи справедливо обращают внимание на принижение роли объективных критериев, определяющих изменение концептуального аппарата науки. Это приводит к введению в их концепции ряда иррациональных элементов, хотя они сами и склонны отрицать такого рода оценку своих идей.

С.Тулмин отстаивает по рассматриваемой проблеме своего рода промежуточную позицию, пытаясь избежать крайностей как концепции Лакатоса, так и позиции Куна и Фейерабенда. Согласно его мнению, науку или научную деятельность следует рассматривать в виде особого "человеческого предприятия", имеющего две основные черты или лица. Обе черты подвергаются исследованию относительно независимым друг от друга способом: в одном случае наука признается некоторой интеллектуальной дисциплиной, в другом — институционализированной профессией. С точки зрения первого подхода, методолог или философ будет подвергать анализу научную деятельность в виде некоторой непрерывной последовательности истории научных идей, как процесс смены или изменения отдельных компонентов концептуального аппарата науки. При втором подходе в центре внимания находится деятельность профессиональных групп ученых, например, исследуется, каким образом происходит смена одних общепризнанных авторитетных групп другими. Тем самым Тулмин пытается "смягчить", по его собственным словам, абсолютизацию "внутренних" факторов, имеющих место в интерналистском и экстерналистском направлениях истории и методологии науки.

К слабой стороне решения проблемы выявления роли социальных факторов и социологических исследований в общей картине методологических построений основных представителей "исторического" направления зарубежной философии науки может быть отнесен тот факт, что в их исследованиях не учитывается все многообразие форм социальной детерминации научной деятельности, в частности, почти совсем не затрагивается действие социально-экономических причин.

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ НАУКИ И ФЕНОМЕН "ФИНАЛИЗАЦИИ".

Филатов В.П. /Москва/

Цель данных тезисов — критически рассмотреть понятие "финализации", предложенное Г.Бёме, В.ван ден Дaeле, В.Кроном (1,2) — представителями "когнитивного направления" в социологии науки, членами Штарнбергской группы социологов нау-

ки (Институт Макса Планка, ФРГ). Это понятие используется ими для уточнения и переосмысления куновской модели роста знания и для объяснения механизмов социальной детерминации научного познания.

Основу концепции "финализации" составляет модель роста знания, включающая три основных стадии развития научной дисциплины или специальности: (1) исследовательскую фазу, которая характеризуется теоретическим плюрализмом, т.е. отсутствием общепринятой теории или парадигмы, (2) фазу теоретического развития-постепенного формирования парадигмы и ее дальнейшей артикуляции и использования для объяснения фактов, (3) постпарадигмальную фазу, где устойчивая универсальная парадигма является основой для проведения частных исследований и где "фундаментальная теория конкретизируется, дифференцируется и модифицируется с целью расширения своей сферы приложения" (1, р.315). Примером последней фазы может быть разработка в рамках общей ньютоновской механики теории планетарного движения, гидро- и аэродинамики и т.д.

На первый взгляд данная модель весьма близка к концепции Т.Куна. Однако немецкие социологи науки подчеркивают следующие различия. Во-первых, анализ Куна, по их мнению, не дает объяснения реальной стабильности развития теории и процессу объединения научной специальности. Во-вторых, они доказывают, что в научной революции сохраняется гораздо больше, чем это полагал Кун. Ученые дольше и в большей степени придерживаются старых понятий и концепций, чем это следует из модели резкой смены парадигм.

В объяснении процесса стабилизации научной дисциплины, т.е. того факта, что ученые рассматривают основные теоретические результаты дисциплины как важные и для будущего развития их области исследований, Штарнбергская группа опирается на понятие "замкнутой теории", предложенное В.Гейзенбергом (3), в известной мере в противовес взглядам Куна. Примерами таких теорий являются классическая механика, классическая электродинамика, специальная теория относительности, квантовая механика. Оценивая эти теории, Гейзенберг утверждает, что "замкнутая теория не теряет своей силы никогда; всякий раз, когда опыт может быть описан в терминах этой

теории, будь это даже в отдаленнейшем будущем, ее законы всегда окажутся справедливыми" (3, с.93).

Штарнбергская группа особое внимание обращает на достижение научной дисциплиной постпарадигмальной стадии, характеризующейся наличием зрелой, "замкнутой" теории, поскольку это позволяет понять, с одной стороны, автономность и стабильность науки, а с другой — связь роста знания с социальными целями. На исследовательской стадии возможно лишь весьма ограниченное социальное влияние на направление работы ученых, стремящихся к открытию некоторых фундаментальных закономерностей изучаемой реальности. Еще более невосприимчива к внешним влияниям, в частности к планированию, научная дисциплина на стадии теоретического роста.

Планирование и другие виды социальной детерминации становятся возможными только на третьей, постпарадигмальной стадии развития, когда потенции внутреннего теоретического роста исчерпываются. Здесь уже возможно преобразование социальных запросов в исследовательские стратегии, появление новых специальностей непосредственно для решения проблем, задаваемых извне. Именно на этой стадии и возникает феномен "финализации".

Бёме и др. определяют "финализацию" как "процесс, посредством которого внешние для науки цели становятся ориентирами для развития самой научной теории" (I, р.307). Понятие "финализации", таким образом, фиксирует связь развития знания с социальными, экономическими, культурными задачами. Вместе с тем, авторы концепции подчеркивают, что финализация не тождественна тому, что традиционно описывалось понятием "прикладные исследования". Фундаментальная теория здесь не просто прилагается к решению технических проблем, но и самым существенным образом развивается. Типичными примерами финализации, на которых демонстрируются все отмеченные черты, служат такие дисциплины, как акустика, оптика, теория термоядерного синтеза, физика твердого тела.

Какова может быть критическая оценка концепции финализации? (I) Следует отметить, что понятие финализации позволяет понять некоторые реальные особенности значительной области современных научных исследований. В самом деле, вся

огромная область современной макрофизики развивается на основе стабильных общих теорий. Например, физика плазмы опирается на общие уравнения движения классической механики и классической электродинамики; оптика, физика твердого тела основываются на квантовой механике и т.п. Подобные "постпарадигмальные" исследования преобладают не только в физике, но и в современной химии, биологии. Однако интуитивно ясно, что между классическими механикой и электродинамикой и современной теорией плазмы лежит существенный процесс теоретического развития. Какова его природа? Есть ли это просто "приложение" общих теорий? Видимо нет, и этот факт хотя бы подчеркнуть авторы тезиса "финализации". Таким образом, данная концепция направлена на анализ достаточно серьезного и современного феномена.

(2) Но убедительны ли допущения, лежащие в основе этого тезиса? Во-первых, хотя понятие "замкнутой" теории, введенное Гейзенбергом, отражает устойчивость определенных теорий и их особое положение в науке, можем ли мы считать, что внутри них импульсы к появлению новых проблем могут полностью исчерпаться? На наш взгляд, в любой теории всегда существуют открытие проблемы, и теоретическую стабильность следует объяснять не отсутствием внутренних нерешенных проблем, а, скажем, их сложностью, невозможностью в данное время осуществить необходимые эксперименты и т.п.

Во-вторых, Штарнбергская группа утверждает, что социально-практические цели переходят в цели самого исследования лишь на постпарадигмальной стадии. Между тем известно, что практические нужды ориентировали науку и на ранних стадиях ее развития (маятниковые часы, паровая машина и т.п.).

В-третьих, наиболее существенным и в то же время спорным вопросом является отделение финализации от прикладных исследований. Действительно ли, как это утверждают авторы тезиса, внешние социальные цели и запросы ведут не просто к отбору проблем и приложению к ним неизменной теории, но к существенному развитию самой теории, к изменению типа теоретизирования? То есть фиксирует ли понятие "финализации" методологически значимый механизм роста знания? Можно ли рассматривать "финализированную" дисциплину как фундаментальную? На

эти вопросы, по нашему мнению, нельзя пока дать однозначные ответы. С одной стороны, развитие физики плазмы (направляемое социально-практической целью — получением управляемой термоядерной реакции), например, показывает, что приложение общей парадигмальной теории является процессом нетривиального теоретического конструирования и развития. С другой стороны, модельные представления некоторых специализированных теорий имеют некоторое сходство с чисто прикладными теориями. Так, представления плазмы в виде особого рода жидкости сходно с представлением вещества как сплошной среды, характеризующейся различными коэффициентами (упругости и т.п.) в теории сопротивления материалов. Таким образом, развитие не всегда происходит на фундаментальном уровне, на уровне общей теории.

В-четвертых, и в "зрелой" науке, видимо, не наступает автоматической гармонии внутренних и внешних целей, о которой говорят сторонники тезиса финализации. Понятие "замкнутой" теории Гейзенберга, в частности, подчеркивает скорее автономность развития науки. В целом тезис финализации представляет определенный интерес, однако модель, лежащая в его основе, представляется слишком абстрактной и еще недостаточно разработанной для решения тех задач, которые ставят перед собой его авторы.

Л и т е р а т у р а

1. Böme G., Daele W. van den, Krohn W. Finalization in science. — "Social Science Information", 1976, vol.15, N 2/3, p.307-330.
2. Daele W. van den. Scientific development and external goals. — In: Proceeding of the international seminar on science studies. Helsinki, 1977, p.139-165.
3. Heisenberg W. Der Begriff abgeschlossene Theorie. — In: Schrifte über Grenzen. München, 1971, S.91-94.

ОБОСНОВАНИЕ И ПОЛУЧЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТА В
НАУЧНОМ ИССЛЕДОВАНИИ (в связи с их
социокультурными функциями).

А.А. Печёнкин /Москва/

В нашей литературе выделялись такие направления исследования, как теоретизирование и эксперимент, объяснение и предсказание, формализация и интерпретация и т.д. Имеет смысл остановиться и на таких "координатах", как обоснование и получение результата. Под обоснованием будем понимать процедуру, состоящую из двух стадий, из которых первая — выявление исходных предпосылок теории, а вторая — дедуктивное развитие теории, исходя из выявленных предпосылок. Первая стадия в сущности критическая: чтобы выявить исходные предпосылки, мы подвергаем критике сложившуюся структуру знания, в которой производное и даже просто вспомогательное порой принимается за исходное. Как правило, на роль исходных посылок в необоснованном знании претендуют положения, близкие житейскому здравому смыслу, исторически первичные, отражающие некоторые общенаучные традиции.

Под научным результатом мы будем иметь в виду любое приращение знания. Не следует любой научный результат связывать с выходом в практику, в производство. Существуют результаты, имеющие лишь внутринаучное значение. Научным результатом может быть как интересное объяснение, так и неожиданное предсказание. Научный результат оценивается с точки зрения оригинальности, общности, смелости, предсказательной способности. Но он не оценивается с точки зрения обоснованности, т.е. выявленности его исходных предпосылок и дедуцированности из этих предпосылок.

Социокультурные функции научного результата достаточно ясны: если даже результат не находит непосредственного практического применения, он свидетельствует о новом рубеже в превращении незнания в знание. Каково же социокультурное значение процедуры обоснования? Факт обоснования доказывает направленность науки к объективной истине, т.е. такому содержанию знания, которое "не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества". Разумеется, чтобы дос-

тичь истинного знания, мы должны иметь дело с эмпирической проверкой и практическим внедрением. Этого, однако, мало. Эмпирическая подтвержденность, как и практическая значимость не синонимичны объективной истинности. Приближение к объективной истине должно быть опосредствовано критикой, которая свойственна процедуре обоснования. Это приближение идет по линии элиминации антропоморфных моментов в научном знании, а именно: житейского здравого смысла, подмены логического историческим, некоторого общенаучного "здравого смысла" — общенаучных стереотипов, вошедших в плоть и кровь исследования.

Научный результат всегда ситуативен. Получение результата обусловлено проблемной ситуацией, которая характеризует не только гносеологическую, но и социальнопсихологическую расстановку сил в науке. Проблемная ситуация обнаруживается в тех задачах, которые общество ставит перед наукой, наука перед научной дисциплиной, дисциплина перед научным коллективом, коллектив перед исследователем, исследователь перед собой. Обоснование тоже, конечно, зависит от социально-психологических условий исследования. Однако обоснование является имманентной исследованию процедурой, независимой от специфики тех или иных "участков" научной работы. В ходе обоснования наука освобождается от тех элементов антропоморфизма, которые входят в нее при получении результата. Мы, конечно, никогда не достигнем полного освобождения от антропоморфизма, как мы не достигнем полного постижения истины, независимой от человека и человечества. Но суть научного исследования будет утеряна, если цель такого освобождения не будет ставиться.

ПРИНЦИП НАУЧНОСТИ

(К проблеме возникновения и периодизации развития науки)

В.П. Хютт /Таллин/

I. Постановка проблемы: две точки зрения. Существуют две основные точки зрения по вопросу о времени возникновения науки:

1) наука возникла в XVI в. в связи с возникновением капиталистического способа производства и экспериментальных методов исследования. Среди эстонских советских авторов данную точку зрения обосновывает Р. Вихалемм (см. I);

2) наука возникла в Древней Греции в связи с возникновением философии (начало процесса – VII – VI вв. до н.э., завершение – система Птолемея, Аристотель, Архимед), эту точку зрения аргументирует, в частности, автор (см. 2, с. 5 – 28).

Задачей данных тезисов является обоснование второй точки зрения в виде определения и развития принципа научности как особого понимания сущности научности вообще. Подчеркнем, что речь пойдет о естествознании, т.к. невозможно отрицать, что математика как наука возникла именно в античности ("Начала" Евклида) и что именно на базе этой математики возникает новая физика в XVI веке (П.П. Гайденко справедливо видит в этом обстоятельстве аргумент против первой точки зрения (см. 3, с. 75)).

Наши основные возражения против первой точки зрения сводятся к следующему:

– возражения фактического порядка: следовало бы "отлучить" от науки не только систему Птолемея, не только "естественно-научные формы" Аристотеля, которые высоко ценил К. Маркс и которыми он пользовался при создании научной политэкономии, но даже и идеи (законы и теорию плавания) Архимеда, которые прочно вошли в современные школьные учебники;

– возражения историко-культурного порядка: пришлось бы отказаться от идеи о том, что наша "сциентистская" европейская цивилизация ведет свою родословную от "греческого чуда" (возникновение науки в античности) в противоположность возможным "несциентистским" цивилизациям, зародыши и "следы" которых можно обнаружить, например, в Древней Индии и соответствующих философских системах. Далее. Некоторые современные физики-теоретики связывают возникновение квантовомеханического типа естественнонаучного знания с таким радикальным отходом от классической физики, который по сути сравним с самим возникновением классической науки (XVI в.) и который несет известные черты аристотелевского типа знания (фон Вайц-

зеккер). Пришлось бы квантовомеханический тип знания (концепция дополнительности) квалифицировать в качестве вненаучного;

— возражения методологического порядка: непосредственно-социологическая аргументация, проводимая в работе Р. Вихалемма, представляется слишком прямолинейной. Недостаточность подобной аргументации состоит в том, что точно на тех же основаниях и таким же методом можно аргументировать и противоположную, вторую точку зрения (см. 2, с. 49–52). Социологическое обоснование должно быть гносеологически опосредовано.

2. Принцип научности. Глубинные причины движения и изменения научной деятельности обосновываются развитием идеалов и норм научного познания (см. 4). Последние погружены в культурно-исторический контекст, который в свою очередь детерминирован способом производства. Рациональное освоение действительности, обусловленное культурой и отношениями производства, выражается в идеалах и нормах. Суть этого выражения при переходе от донаучного (или преднаучного) способа освоения реальности к последующему есть принцип научности. Для определения специфики научного подхода (принципа научности) рассмотрим наиболее развитый элемент науки — современную научную теорию. Теория представляет собой систему рационального объяснения и предсказания, соответствующую эксперименту и подтверждаемому им, использующую абстрактно-математические средства для конституирования знания. Это означает, прежде всего:

(I) распадение действительности на сущность и явление. Абстрактное (логическое, математическое) движение в сфере сущности ("проигрывание" теоретической схемы на модели) должно соответствовать в результате, на выходе, эмпирии-явлению. Следовательно, предполагается также определенного рода связь явления и сущности;

(II) элементы сферы сущности не похожи на явления (например, ненаглядны) и более того — даже противоположны явлению в том смысле, что не реализуются в сфере явления (например, движение по инерции), представляют собой выявление "чистых потенций" природы в виде идеализирующих абстракций и требуют поэтому экспериментального подтверждения и абстракт-

но-математического выражения.

Наша точка зрения состоит в том, что (I) выражает суть науки как таковой (в противоположность мифологии), а (II) является собой особый тип научности — экспериментальную науку.

Итак, возникновение науки (естествознания античности) связано с I) осознанием гносеологического различия между миром рационально описываемой сущности и чувственной данностью физического мира; 2) построением особой логики движения в сфере сущности — развитие мысленного содержания и модельное "проигрывание" на теоретической схеме (модели); 3) установлением типа связи явления с сущностью с целью дедукции (объяснения) явления из сущности.

3. Почему наука не возникла ранее? Наука не возникла ни в Древней Индии, ни в Египте, ни в Китае потому, что возникающая философия находилась там в таком отношении к мифологическому способу освоения реальности, при котором рациональность не конституируется как суверенный тип освоения реальности.

4. Развитие принципа научности как основа периодизации науки. Непосредственное тождество явления и сущности служит гносеологической базой мифологического типа мышления. Установление гносеологического различия явления и сущности связано с возникновением философии, но еще не науки (естествознания). Только конкретизация типа связи сущности с явлением лежит в основе возникновения науки. Возможность и необходимость этой связи конституируют принцип научности (научность вообще), а конкретизация и последующее развитие принципа научности лежат в основе типов научности (типы естественнонаучного знания).

I тип — античная наука: сущность подобна явлению — принцип гносеологической перспективы (Анаксагор, Демокрит);

II тип — классическая наука: сущность гносеологически противоположна явлению (Коперник, Галилей);

III тип — современная наука (квантовомеханический тип знания): на основе онтологической противоположности сущности и явления последнее приобретает статус превращенной формы (см. 5) по отношению к первой.

Л и т е р а т у р а

1. Vihaletm, R. Ühe teaduse kujunemislugu. Tallinn, 1981.
2. Хутт В.П. Концепция дополнительности и проблема объективности физического знания. Таллин, 1977.
3. Гайденко П.П. Как возникла наука. - "Природа", 1977, № I, с.74-84.
4. Стёпин С.С. Идеалы и нормы в динамике научного поиска.- В сб.: "Идеалы и нормы научного исследования", Минск, 1981.
5. Мамардашвили М. Форма превращенная.- "Философская энциклопедия", т. 5, М., 1970, с.386-389.

О ВОЗНИКНОВЕНИИ ПЕРВОЙ ФОРМЫ НАУКИ И ЕЕ ВЗАИМООТНОШЕНИИ С ОБЩЕСТВОМ.

Л.Д. Потков /Москва/

1. Исторически первой формой науки были математические задачи для данного случая, задачи по вычислению площадей земли и величин ее уклонов, объемов зерновых амбаров, высоты и ширины насыпей для дамб, по вычислению количества паяк хлеба для солдат, длины весла, высоты мачты. Перечисленные задачи были связаны с ведением крупномасштабного земледелия, культивировавшегося в древности на Ближнем Востоке. Именно это земледелие и породило общественную потребность в создании особой формы труда - научной, которая была одной из ступеней отделения умственного труда от физического.

2. Ведущее значение в древних странах (Месопотамии и древнем Египте) мощных храмовых хозяйств породило в этих странах деспотии, сакрализацию царей, всесилие религии, религиозного культа и профессиональных служителей, что, в свою очередь, было причиной застойности мышления во всех областях духовной жизни общества, включая науку.

3. Суровая регламентация духовной жизни, вызванная возникновением религии во все формы общественного сознания, определением ею всех ценностей, не допускала появления какой-либо формы самостоятельного мышления. Именно поэтому на древнем Ближнем Востоке вся математика не вышла за пределы набора правил, без попытки обосновать их, без следов каких-

либо доказательств, не возникло в этой математике какой-либо формы самосознания.

4. Сакрализация всех форм общественного сознания не допустила возникновения философии, философское же мышление служит важным условием создания даже зачаточной формы научной теории.

5. Отсутствие теории в математике египтян и вавилонян может быть объяснено также и тем, что общество древнего Ближнего Востока не нуждалось ни в какой теории математики, ибо оно вполне было удовлетворено сформировавшимся уровнем знания.

6. Египетская и вавилонская математика тесно была связана с астрономическими и астрологическими вычислениями, которые тоже носили характер задач на данный случай. Астрономические наблюдения и вычисления, хотя и выполнялись с целью создания и корректировки календаря, были частью религиозного астрального культа и потому имели ритуальное значение. Ритуалы же, как известно, носят статический характер, по идее не должны меняться и потому религиозные установления строго следили за их "чистотой". Что же касается свободного осмысления и истолкования ритуалов и культа, то ближневосточные религии не допускали и речи об этом, что унаследовали у древних египтян и вавилонян иудаизм, христианство и мусульманство, тоже возникшие на Ближнем Востоке. Без свободного же осмысления и истолкования способов получения знания не может быть никакой теории.

7. Из изложенного видно, что материальные потребности жизни древних ближневосточных обществ породили первую форму научного знания, но вследствие статичности общества и статичности производительных сил эти потребности не развивались и не стимулировали развитие науки. Духовный же климат, существовавший в те времена на Ближнем Востоке, не допускал по сути дела появления теории.

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ СТАНОВЛЕНИЯ АНТИЧНОГО ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ.

И.Н. Лосева /Новочеркасск/

1. Процесс добывания и накопления знаний человечеством непрерывен и имеет тенденции к объективности. И в то же время этот процесс прерывен с точки зрения задач, которые перед ним ставит конкретная эпоха, социальных функций, которые эти знания выполняют, условий, в которых деятельность по приращению знаний протекает.

2. Социальная обусловленность функционирования знания конституирует в свою очередь предмет знания и способы его добывания, а также определенные концептуальные допущения, в частности концептуальные допущения относительно самого знания и его объектов. Эту систему допущений мы будем называть эпистемологическим полем или эпистемой.

3. Эпистемологическое поле античности детерминировано жизнедеятельностью античного общества (полиса). Начиная с этимологии греческого слова "знать", можно проследить эту детерминанту. В догомеровскую эпоху "знать" означало "слышать", "видеть" и "уметь". Вычленение познания в самостоятельный вид духовной деятельности способствовало переосмыслению *gignoskō*, означающего в новую эпоху результат познания мира явлений – "знание". Такому же переосмыслению подверглось и другое слово для обозначения знания *epistēmē*, которое в полисную эпоху стало обозначать интеллектуальную сторону всех видов деятельности.

4. Результат познавательной деятельности – истинное знание, истина (*alētheia*) мыслится в античности предметно, статуйно, как нечто застывшее, замкнутое в себе, самодовлеющее. Конечное, предельное основание всякого знания – это как бы прекрасная статуя нуса-логоса, мыслящего самого себя. Если мы отбросим мистический налет с аристотелевского ума, мыслящего самого себя, то мы предстанем перед весьма рациональной мыслью, отражающей реальные факты истории становления теоретического знания, являющегося результатом рефлексии мышления на духовную деятельность античного полиса. Основная функция этого знания, производимого в рамках института, сос-

тоит в организации духовной жизни, в рациональном обосновании политико-нравственно-религиозной регуляции античного общества.

5. Эта функция отложила отпечаток на античную эпистему, одним из допущений которой является признание познавательной деятельности как принципа добродетели. Этический интеллектуализм Сократа, унаследованный Платоном и Аристотелем, это, на наш взгляд, основная доминанта эпистемологического поля всей античной эпохи. Обосновывая бытие полиса и страстно желая для него блага, предотвращения упадка, развала, соблюдения законов, Платон, например, самое это абстрактное понятие "блага" онтологизирует, делает его основополагающим принципом всего бытия; по Платону, благо-это безыпотесное начало, единое (необходимое для всех), которое предпосылает, конституирует все бытие - космос и полис. Общеантичное стремление украшать все, даже абстрактные философские понятия, приводит Платона к тому, что он наделяет благо тремя основными атрибутами: красотой, соразмерностью и истиной. Неудивительно, что в западной традиции, в отличие, например, от арабско-мусульманской, мудрость, добродетельное поведение на основании знания, - выше, чем само знание. Знание-лишь средство для достижения мудрости. Знать, по Платону, - значит руководствоваться в своем поведении определенными принципами (методологией) по пути к достижению блага, что является добродетелью для каждого, кто занят познавательной деятельностью. Можно сказать, что истина-это не то, что соответствует действительности самой по себе, - такого представления в античности мы не фиксируем, - а то, что ведет к достижению блага, благо же - это существование полиса.

6. Раскрытие социальной детерминации функции познавательной деятельности в теоретической форме приводит нас к пересмотру тех форм античного знания, которые традиционно считаются научными. Для этого необходимо исследовать, исходя из эпистемологического контекста эпохи, ту иерархическую цепочку, на которую разлагается античное знание (*epistēmē*). Аристотель, вслед за Платоном, разграничивает знание, получаемое в результате трех видов деятельности: практики, творчества и созерцания, из которых последнее считается наиболее

благам и прекрасным. Созерцание как наиболее высший вид деятельности создает умозрительное знание (*theōrēthikē*), которое в свою очередь делится в соответствии со строгой иерархией на физику (*physikē*), математику (*mathematikē*) и первую философию (*prote philosophia*) или "учение о божественном" (*theologikē*). И математику, и физику Аристотель называет дословно "умозрительными философиями" (*philosophiai theōretikai*), однако их статус ниже первой философии, так как их предмет менее ценен, чем предмет последней. Будучи высшим в иерархии знания, "первая философия", имеющая своим предметом мышление, определяет всю иерархическую познавательную цепочку, откладывает отпечаток на все нижние иерархические звенья этой цепи, подчиняет их своим задачам и своему предмету. В античности нет теоретического знания, свободного от философии, даже неспекулятивные составные части физики или математики — кинетика, механика и др. — "все же сохраняли эту связь, как внешний порядок" (Гегель). Вследствие этого процент позитивного знания в пределах античной *theōrēthikē* весьма мал, в то время как этическая, логическая, эстетическая, методологическая проблематика составляет ее содержание, которое сохраняется и в современной философии и делает ее проблемы актуальными и неумиряющими и по сегодняшний день.

7. Таким образом, выполняя социальную функцию регулятора духовного производства, античное теоретическое знание выступает не в форме науки, а в единственной для того времени форме философии.

О СПЕЦИФИКЕ МАРКСИСТСКОГО АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ НАУЧНОЙ ФОРМЫ ЗНАНИЯ.

Р.А. Вихалемм /Тарту/

1. Проблема научной формы знания (научности) не сводится, конечно, просто к дефиниции термина "наука". При марксистском анализе общественно-исторических феноменов отвергается такой подход, которому "... характерны такие обороты, как: "если мы понимаем под этим то-то, то мы не понимаем под этим того-то", и *vice versa* ... Наше "понимание" не имеет

ни малейшего отношения к существенным признакам той вещи, о которой мы говорим" (I, с.166). Существенные признаки науки не могут быть найдены и с помощью формального-индуктивного "обобщения" всех тех разновидностей познавательной деятельности, которые в настоящее время причисляют к научным дисциплинам. Вместо этого следует найти такую всеобщую характеристику науки - "витающего перед нашим представлением" общественного феномена (ср.: 2, с.38) -, которая является практически истинной (мы имеем в виду концепцию Маркса о практически истинных абстракциях), существует как некоторая особенная реальность в практике познавательной деятельности современного общества. Причем следует исходить "... из первого и наиболее простого отношения, которое исторически, фактически находится перед нами..." (3, с.497).

2. Таким первым и наиболее простым отношением в познавательной деятельности является отношение между субъектом и объектом познания, в результате которого получается знание. Наука - это прежде всего производство объективно-истинного знания, т.е. знания, содержание которого "...не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества" (4, с.123). Только в науке объективность является самостоятельной всеобщей определенностью знания. В науке становится практически истинной абстракция "знание вообще" ("знание как такое", "чистое знание"), т.е. знание без определенных субъекта и объекта (не зависящее от специфики ни того ни другого). При наиболее абстрактном рассмотрении (которое, подчеркнем еще раз, соответствует практически истинной ситуации) производства научного знания, к знанию предъявляется лишь одно требование - оно должно быть объективно-истинным. Характеристика знания лишь с точки зрения его объективной истинности или ложности и является его характеристикой как "знания вообще" ("чистого знания").

3. Как же возможно реальное существование такого чистого знания, которое не "искажается" ни своим субъектом, ни объектом? Это возможно лишь при наличии таких особенных субъекта и объекта, особенность которых заключается именно в том, что они являются субъектом и объектом объективно-истинного знания, опосредованы им, т.е. определены лишь по отно-

нению к такому "знанию вообще", не содержат никакой своей (наличной, естественной, не по отношению к объективному знанию определенной) специфики, а имеют сами (в смысле практически истинной абстракции) такой же всеобщий, абстрактный характер, как практически истинная абстракция "знание вообще" .

4. Все такие практически истинные абстракции возникают на основе определенного исторического типа общественной практики, в условиях определенного способа общественного производства, в котором труд носит всеобщий характер. Маркс писал: "Всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обуславливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников" (5, с. 116). (Подробнее о характеристике науки как всеобщего труда см. : 6, с. 147-151). Такой, применяющий науку, основанный на всеобщем труде способ производства исходит из конструктивного начала, создает машинную технику. Мир приобретает "вещный" характер (см. об этом подробнее: 7). Абстракция "знание вообще" ("чистое знание") становится практически истинной благодаря тому, что деятельность человека отчуждается от человека и природы. Наука не воспроизводит естественную природу, на ее основе создается "вторая природа", основанная на машинной технике.

5. С точки зрения марксистской методологии, следует считать неверным такой, весьма распространенный, подход к истории науки, при котором отбираются из прошлых систем культуры элементы истинного, с сегодняшней точки зрения, знания, методы исследования и идеи. Напоминающие современные, с целью показать, что именно накопление таких знаний и методов познания привело к становлению науки. Прав А.С. Арсеньев, когда он пишет: "...Вести начало современной науки от античности, ссылаясь на систему Евклида, работы Архимеда и т.п..." также, на наш взгляд, неверно, как искать там же происхождения капитализма, основываясь на "фактах" существования мануфактуры, товара, денежного капитала, правовой системы и т.п." (7, с. 123). Общество рождает науку на определенном этапе своего развития. Это происходит в связи с коренными изменениями в способе производства. Знания являются важным элементом

всякой духовной и материальной деятельности, но научную форму они приобретают лишь тогда, когда возникает наука как самостоятельный общественный феномен, т.е. когда продуцирование новых объективно-истинных знаний, в принципе применяемых в материальном производстве, становится специальной формой разделения труда. В этом свете методологические критерии научности оказываются детерминированными, в конечном счете, требованиями общества к этой форме разделения труда. (При этом, конечно, методологию науки не следует понимать вульгарно-социологически. Однако опасность впадения "в грех" вульгарного социологизма нельзя и преувеличивать.)

6. Из тезиса, что наука в собственном смысле слова впервые возникает только в XVII веке (см. об этом также 8,9 и др.), не следует, что у научной формы знания нет вообще никакой преемственности с античной и средневековой формами знания (преемственность подчеркивается в работах IO, II и др.) Всякие новые общественно-исторические феномены строятся "из обломков и элементов" старых феноменов (2, с.42). Принцип социально-исторической детерминации познания требует, однако, преодоления чисто логического и телеологического (как и, разумеется, не связанного с общественным бытием) рассмотрения преемственности в развитии форм знания.

Л и т е р а т у р а

1. Маркс К. Теории прибавочной стоимости. - К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. III.
2. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов. - К. Маркс и Ф.Энгельс. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I.
3. Энгельс Ф. Карл Маркс. "К критике политической экономии" - К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч. 2-е изд., т.I3.
4. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. - Полн.собр. соч., т.I8.
5. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии, т.III.- К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч. 2-е изд., т. 25, ч.I.
6. Кедров Б.М., Огурцов А.П. Марксистская концепция истории естествознания. XIX век. М., 1978.
7. Арсеньев А.С. Наука и человек (философский аспект). - В кн.: Наука и нравственность. М., 1971.

8. Косарева Л.М. Предмет науки. Социально-философский аспект проблемы. М., 1977.
9. Лосева И.Н. Проблема генезиса науки. Изд-во Ростовского ун-та, 1979.
10. Гайденок П.П. Эволюция понятия науки. Становление и развитие первых научных программ. М., 1980.
11. Гайденок П.П. О понимании преемственности в развитии научного знания. – Вопросы истории естествознания и техники, 1981, № 3.

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ
В БИОЛОГИИ (в связи с социальной обусловлен-
ностью научного познания).

Т.В. Лойт /Тарту/

1. В отношении развития современной биологии образовалась весьма ошутимая проблемная ситуация. С одной стороны, несомненны определенные качественные трансформации в области исследования живого, в силу которых обстоятельство, что биология переживает свою "новейшую" революцию, считается установленным фактом. С другой стороны, наличие существенно различных, нередко противоположных мнений в отношении сущности этой революции.

2. Подобная ситуация обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых тем, что революция в современной биологии еще далеко не завершена. Больше того, и сейчас можно сказать, что она даже не достигла своей кульминации. Она возникла и разворачивается до сих пор в основном на эмпирическом уровне исследования. Поэтому всестороннее осмысление ее содержания и сущности во многом еще дело будущего.

Во-вторых, проблемность интерпретации сущности революционных свершений в современной биологии обусловлена еще тем, что ни современная история науки, ни методология науки, науковедение вообще не могли пока разработать удовлетворительную общую концепцию научных революций. Хотя советскими исследователями проделана в этой области значительная работа, все же следует констатировать наличие весьма различных точек зрения на определяющие признаки научной революции (см.,

напр., I).

В-третьих, механический перенос общих представлений о научной революции, существующих в современной истории науки, методологии и философии, но, как правило, выдвинутых в основном не на основе развития биологии, в область развития биологии. Отсюда их абстрактный характер, неадекватность по отношению к действительному развитию биологии в качестве специфической области научного познания. Нельзя скрывать, что при этом нередко обнаруживается просто незнание или непонимание биологического материала: понятий, принципов, концепций и теорий, разработанных биологией в её историко-логическом развитии.

3. Проблема не заключается в конкретном специально-научном содержании современной биологической революции, которое, по общему мнению, составляет совокупность успехов и достижений молекулярной биологии (см. напр., 2, с. II-I5; 3, с. 26; 4, с. 132 и др.). Однако, как обоснованно отмечено, суть дела заключается в тех качественных изменениях, которые вследствие "молекулярного переворота" произошли и происходят в характере биологического познания вообще, в области его методологических принципов, теоретико-концептуальных схем, логико-гносеологических выводах и т.п. (5, с. 341-356; 7, с. 207; 8, с. 4-5).

Основание говорить о революции в науке дают, используя терминологию Т. Куна, всё же существенные изменения в её парадигме. Именно здесь находится проблема современной биологической революции.

4. Несмотря на отсутствие единого взгляда на сущность научных революций, следует в то же время отметить, что образовался некоторый стандарт критериев, считаемый обязательным включить почти в каждое определение научной революции. Одним из таких является утверждение, что научная революция связана с коренной ломкой господствующих старых понятий, методологических установок, фундаментальных теорий и заменой их новыми. И когда речь идет о революции в современной биологии, то в большинстве случаев считается обязательным декларировать, что, как в ходе революции в других науках, современная биологическая революция также сопровождается корен-

ной ломкой старой методологической и теоретико-концептуальной системы, основных понятий, всей сферы теоретического мышления в биологии (см, напр., 8, с.32; 9, с.223). Однако следует констатировать, что это не совсем так.

5. Переход на молекулярный уровень исследования действительно вызвал в биологии существенные парадигмальные изменения. Но эти изменения не принесли с собой ломку в системе функциональных методологических и теоретико-концептуальных основ биологической науки, её фундаментальных понятий и теорий, создаваемой ею научной биологической реальности, если угодно, существующей биологической картины мира. Скорее наоборот (см, напр, 10). Суть современной революции в биологии в общепознавательном ракурсе заключается, видимо, 1) в резком расширении логико-методологического и теоретико-концептуального базиса биологического познания и увеличении его многообразия в результате экспликации ряда существенных для познания живого принципов, подходов, модельных ситуаций, типов решения задач, форм организации знания и т.п., таких, как, например, идея иерархического строения живого, принцип системности, т.н. популяционный стиль мышления и т.д. Этот процесс увеличения разнообразия биологического познания (феномен политеоретичности) и знания охватывает не только появление новых подходов, методов, нового типа знания. Многоуровневыми и разнообразными, политеоретичными стали также существующие т.н. классические отрасли биологической науки. 2) В широком внедрении в биологию схемы количественных изменений. Словом, в логико-методологической и теоретико-концептуальной системе биологии (если угодно, в ее парадигме) образовались новые "идейные" центры.

Революция в биологии в наше время имеет, таким образом, свою специфику. Политеоретичность следует рассматривать как принципиальную особенность биологии, в основе которой лежит специфическое отношение познавательных и конструктивных функции биологической науки в качестве социально детерминированной области познания.

Л и т е р а т у р а

1. Акимов Р.А., Илларионов С.В. Научные революции и философская мысль. - "Философские науки", 1979, № 1.
2. Кендрю Дж. Нить жизни. Перевод с английского. М., 1968.
3. Энгельгардт В.А. Часть и целое в биологических системах. - "Природа", 1971, № 1.
4. Бернал Дж.Д. Молекулярная структура, биологическая функция и эволюция. - В кн.: Теоретическая и математическая биология. Перевод с английского. М., 1968, с.110-153.
5. Депенчук Н.П. Характер включенности биологии в естественнонаучную картину мира. - В кн.: Диалектический материализм и естественнонаучная картина мира. Киев, 1976.
6. Фролов И.Т. Методологические принципы теоретической биологии. М., 1973.
7. Лойт Т.В. Проблема перестройки концептуального базиса современного биологического знания и выявления теоретико-методологической сущности эволюционной идеи. - Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 404. Труды по философии XIX, Тарту, 1977, с.3-25.
8. Каганова З.В. Проблемы философских оснований биологии. Изд-во Московского университета, 1979.
9. Сытник К.М., Дышлевый П.С. Диалектика революций в естествознании. - Материалы III Всесоюзного совещания по философским вопросам современного естествознания. Выпуск II, М., 1981, с.187-224.
10. Медников Б.М. Дарвиновский принцип дивергенции и молекулярная биология. - "Природа", 1982, с.70-80.

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ МЫШЛЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ "СТИЛЬ НАУЧНОГО МЫШЛЕНИЯ".

А.А. Ранникмяз /Тарту/

1. В последние годы все большее внимание уделяется изучению закономерностей развития научного знания и форм детерминации научного мышления. В качестве возможного средства решения подобных проблем в нашей философской литературе кон-

ституируется понятие стиля научного мышления. Это понятие однопорядковое с понятиями научной картины мира и мировоззрения. Несмотря на то, что они окончательно не сформировались и имеют подвижные границы, можно указать на существенное отличие стиля мышления, состоящее в том, что это понятие характеризует мыслительный процесс, а не результаты этого процесса, выражая, таким образом, динамику мышления, хотя изучение самого мыслительного процесса в методологических целях возможно только на основе фиксированных результатов т.е. культурных текстов, научных теорий и т.д.

2. Большинство исследователей согласны в том, что стиль научного мышления выражает определенные нормы мышления, общепринятые представления об идеальном научном знании и способы получения этого знания (1, с.17). Такой подход правомерен, но вызывает определенные затруднения при анализе существенных изменений в стиле мышления.

В этой связи необходимо подчеркнуть плодотворность той части концепции Ю.В.Сачкова, в которой он указывает на категориальные структуры систем знаний как на основу определенных, исторически значимых стилей мышления (2, с.107).

3. Выявление категориальных структур позволяет, во-первых, показать социально-историческую детерминацию стиля мышления, так как содержание и взаимосвязь философских категорий отражают уровень и характер общественно-исторической практики, и, во-вторых, определить существенные изменения в стиле научного мышления путем указания на перестройку категориальных структур.

Категориальные структуры (композиции) систем знания изучаются многими исследователями (А.Т.Артюх, В.Л.Храмова, В.И.Кузнецов, Н.К.Вахтомин и др.), причем В.И.Кузнецовым установлено, что при построении новых фундаментальных теорий ядро категориальной композиции остается инвариантным (3, с.226)

4. Если построить трехслойную категориальную структуру научной теории или концептуальной системы, где первый слой отражает взаимосвязь соответствующих категорий материалистической диалектики, а второй и третий слои, соответственно, взаимосвязь общенаучных понятий и частнонаучных понятий, то на основе такой структуры об изменении в стиле научного мы-

шления можно говорить в том случае, если отменяется или устанавливается новая связь между категориями материалистической диалектики либо осмысливается (т.е. включается в структуру) новая категория. Изменения же в категориальной структуре общенаучных и частнонаучных понятий не означают изменения стиля мышления, а представляют собой "концептуальные варианты", циркулирующие в данной дисциплине в некоторый период времени (4, с.184). Ядро категориальной структуры философского уровня остается неизменным, что выражает преемственность научного знания.

Л и т е р а т у р а

1. Стиль мышления как выражение единства научного знания. - Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1981.
2. Сачков Ю.В. Стиль мышления и методы исследования. - Филос.науки, 1981, № 2.
3. Гносеологический анализ структуры естественно-научного знания. - Киев: Наукова думка, 1981.
4. Тулмин С. Концептуальные революции в науке. - В кн.: Структура и развитие науки. М., 1978.

РОДСТВЕННОСТЬ СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО СПОСОБА МЫШЛЕНИЯ АРИСТОТЕЛЕВСКОМУ КАК ВОПРОС СОЦИАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИ- НАЦИИ ПОЗНАНИЯ

Л. Я. Натписем /Тарту/

1. Казалось, что начиная с Галилея развитие естествознания пошло в противоположном, по сравнению со стилем мышления Аристотеля, направлении. В научной картине мира Нового времени не осталось места для аристотелевских "естественных мест" и "конечных причин". Однако существуют явления спонтанного возникновения когерентной и дифференцированной в пространстве и во времени макроскопической упорядоченности. Ни классическая, ни даже квантовая механика - одни не могут объяснить эти явления /см. 1/. Определение пути решения этой проблемы предлагают обобщенная термодинамика /2, 3/ и основанная на ней синергетика /4/. Для описания

этих явлений Г. Хакен /4, с. 226-237/ создал понятие самоорганизации /как понятие точных наук/, которое он противопоставил созданному им же научному понятию организации. С точки зрения социальной детерминации познания, представляет определенный интерес сравнить стиль мышления Аристотеля с подходами И. Пригожина /с сотрудниками/ и Г. Хакена.

2. Обращение к учению Аристотеля о причинности показывает, что в нем в некотором смысле уже содержатся истоки понятий организации и самоорганизации *. Понятие организации происходит от аристотелевской действующей причины, а понятие самоорганизации - от целевой причины. С нашей точки зрения, действующая причина соответствует организатору-человеку, от которого происходит организация /и процесс, и результат/, а целевая причина - всеобщей детерминированности, происходящей из мирового целого. Понятие организации обозначает лишь локальную часть самоорганизации. Для Аристотеля все четыре "причины" /материальная, формальная, действующая и целевая/ выступали как одно целое. А объясняется это, как нам представляется, нерасчлененностью и "прозрачностью" античной практики. Аристотель смотрел на мир "через полис".

3. Если сравнить, на уровне категориальной логики, подходы И. Пригожина и Г. Хакена со стилем мышления Аристотеля, то можно сказать следующее. Способ мышления происходит из конкретного социо-культурного контекста. Для Аристотеля таким контекстом был полис. Мысль Аристотеля управлялась тем, что происходило внутри полиса. И. Пригожин, Г. Хакен и др. исследуют открытую термодинамическую систему, однако, их стиль мышления во многом напоминает аристотелевский. Правда, И. Пригожин еще непосредственно интересуется не тем, что происходит внутри системы, а внешними условиями, в которых система в целом находится. В этом смысле подход И. Пригожина и его сотрудников отличается от аристотелевской трактовки мира. Г. Хакен же интересуется, главным образом, тем, что происходит внутри открытой термодинамической системы, и поэтому его способ мышления ближе к аристотелевскому. Однако существенная разница все же остается: стиль мышления Аристо-

* На это обратил внимание автора Р. А. Вихалева.

теля характеризуется как телеологический, синергетика же таковой не является.

4. Как объяснить, что те же философско-логические средства, с помощью которых мыслил Аристотель, вдруг взяли на вооружение /несознательно, разумеется/ современные представители точной науки? Формально ли это совпадение? По-видимому, нет. Скорее всего мы имеем дело с отрицанием отрицания. А причины этого отрицания, по-видимому, кроются в социальной детерминации познания. Конкретное выявление этих причин требует специального философского анализа.

Л и т е р а т у р а

1. Prigogine, I., Stengers, I. The New Alliance. - Scientia, 1977, Vol. II2, No. 5-8, p. 319-332 /Part I/; No. 9-12. p. 643-653 /Part 2/.
2. Гленсдорф П., Пригожин И. Термодинамическая теория структуры, устойчивости и флуктуаций. - М.: Мир, 1973.
3. Николис Г., Пригожин И. Самоорганизация в неравновесных системах. От диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации. - М.: Мир, 1979.
4. Хакен Г. Синергетика. - М.: Мир, 1980.

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ДИАЛЕКТИКО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРИРОДЫ.

В.И. Шароградский /Ленинград/

Идея диалектико-материалистической концепции природы была сформулирована Ф.Энгельсом в его "Диалектике природы". Она заключается в том, что с помощью материалистической диалектики устанавливаются взаимосвязи между различными областями естествознания, благодаря чему раскрываются причины развития и взаимодействия в природе и, таким образом, само естествознание становится теоретическим в полном смысле этого слова. Иначе говоря, речь идет не о создании новой натур-философии ("всякое возвращение к ней было бы шагом назад"), а диалектико-материалистическом развитии самого естествознания. Успех в решении этой проблемы зависит от двух факторов: I) от создания развернутой теории материалистической диалек-

тики как логики и теории познания; и 2) от уровня развития эмпирического естествознания, раскрытия в нем возможностей установления взаимосвязей между различными областями. В обоих случаях социальная детерминация имеет принципиальное значение.

В современной литературе вопрос социальной детерминации развития естествознания обсуждается весьма активно. Наиболее значительные результаты получены исследователями, опирающимися на Марксов анализ промышленных революций XVIII-XIX вв. В качестве примера можно сослаться на концепцию С.Н.Смирнова, который стремится к раскрытию обществореческой связи революций в развитии материального производства и естествознания, хотя, по нашему мнению, достигает цели только при анализе классической механики и физики (1). Не останавливаясь на деталях концепции С.Н.Смирнова, отметим, что ее несомненным достоинством является стремление к последовательному воплощению принципа материалистического понимания истории в связи с анализом духовного производства в области познания природы. Однако при принятых исследователем предпосылках самое большее что можно уяснить, каковы последовательно или синхронно выступающие сферы познания природы в определенную эпоху; какова же конкретная структура знания в той или иной области определить таким образом невозможно. Дело заключается, на наш взгляд, в том, что знание о природе детерминировано не только материальным производством в узком смысле этого слова, но и всей структурой материальной практики общества, структурой, которая выходит за рамки производства как такового и определяет не только объект, но и сам способ исследования этого объекта. Речь идет прежде всего о системе экономических, в том числе и производственных, отношений, которые наряду с другими социальными отношениями являются объектом практической деятельности и преобразования. Марксистский подход в выявлении социальной детерминации духовного производства, и в частности естествознания, несомненно включает и этот аспект.

Одним из важнейших следствий такого подхода является возможность определения взаимосвязи между различными сферами духовного производства. В нашей области здесь особенно важна

взаимосвязь между философией и естествознанием, получавшая конкретное воплощение в натурфилософских концепциях прошлого, а с их диалектическим (именно диалектическим, а не метафизическим!) отрицанием развивающаяся как взаимосвязь между материалистической диалектикой и эмпирическим естествознанием, раскрывающаяся в становлении диалектико-материалистического естествознания, диалектико-материалистической концепции природы.

Как неоднократно указывали классики марксизма-ленинизма, для эвристически плодотворного движения по этому пути необходимо усвоение всего предшествующего опыта теоретического мышления. Крупный шаг в решении такой задачи сделал уже Гегель с его диалектико-идеалистическим историзмом. Но гегелевский историзм, именно в силу своей идеалистичности, был лишь абстрактно-духовным историзмом, что подчеркнул еще молодой Маркс. Оказалось, что сам принцип историзма может быть правильно понят и плодотворно применен только в том случае, если теоретическое мышление в истории философии раскрывается на базе конкретно-практического историзма. Этот вопрос имеет принципиальное значение и для развития теории материалистической диалектики, и для становления диалектико-материалистической концепции природы.

Суть в том, что диалектический метод всегда имел содержательный характер, связанный с познанием всеобщих связей и отношений в объективной реальности, что, собственно, и выражается в категориальном характере диалектического мышления. В домарксистской философии категории и законы диалектики получали методологическое значение в основном в учении о природе, т.е. натурфилософии, и даже у Гегеля категориальная структура его "Науки Логики" находит более или менее определенное воплощение только в натурфилософии. Поэтому изучение и теоретическое осмысление истории развития диалектики должно быть неразрывно связано с историей натурфилософии.

Понять же историю натурфилософии можно только на основе конкретно-практического историзма, так как лишь в этом случае раскрываются типичные для определенной эпохи способы теоретического осмысления природы. Так, например, в эпоху античности представления о природе в значительной степени

определяются основным экономическим отношением рабовладельческого общества — отношением господин — раб. Очень интересны в этом отношении идеи, сформулированные А.Ф.Лосевым. Подчеркивая принцип связи античного сознания с породившим его рабовладельческим способом производства как кардинальный принцип всей марксистско-ленинской теории античной культуры, исследователь убедительно доказывает зависимость идеалистических концепций от общеантичного стихийного материализма. И такую зависимость он прежде всего отмечает в античном понимании природы (см. 2, с.38-46; 3, с.226). Совершенно ясно, что при этом и теоретический историзм приобретает иную форму по сравнению, скажем, с историзмом Гегеля, поскольку кардинально меняются акценты в осмыслении основных идей в истории натурфилософии, а тем самым — понимание истории развития диалектики, что уже непосредственно связано и с уяснением роли этой истории в развитии теории материалистической диалектики.

Таким образом, в разработке и истории, и теории диалектики (следовательно, и в развитии диалектико-материалистической концепции природы) исследование социальной детерминации духовного производства имеет фундаментальное значение. При этом очень важно, на наш взгляд, иметь в виду те конкретные материально-практические и теоретические объекты, связь между которыми устанавливается таким исследованием.

Л и т е р а т у р а

1. Смирнов С.Н. Взаимосвязь в развитии революций материального производства и естествознания. — В кн.: Практика и познание. М., 1973.
2. Лосев А.Ф. История античной эстетики (ранняя классика). М., 1963.
3. Лосев А.Ф. История античной эстетики (высокая классика). М., 1974.

НЕКОТОРЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ.
Л.М. Гутнер, Е.И. Борщенко /Ленинград/

I. В социальной детерминации естественнонаучного по —

знания определяющую роль играют потребности материального производства. Указанный вид детерминации приобретает особое значение в условиях современной научно-технической революции, когда постепенно формируется единая система наука-техника-производство, все звенья которой неразрывно связаны между собой и взаимно детерминированы.

2. Детерминация естественнонаучного познания техническими науками в значительной мере определяется природой научно-технического исследования, которое предполагает трансформацию фундаментального естественнонаучного знания в прикладное. Инженерная деятельность должна опираться на достаточно широкую информационную область в сфере естествознания, в которой производится отбор фундаментальных закономерностей и эффектов. Эти закономерности и эффекты специфическим образом синтезируются в технических системах.

3. Трансформация фундаментального естественнонаучного знания в прикладное предполагает выбор элементной базы, которой соответствует определенная группа фундаментальных законов, а также выбор структуры. Единство элементов и структуры, реализованное в технических системах, обеспечивает осуществление некоторого набора функций. Не меньшее значение имеет разработка технологий, обеспечивающих создание элементной базы. Изменение элементной базы, структуры и функциональных возможностей технических систем, совершенствование технологий предъявляют специфические требования к направленности и характеру исследований в сфере естественных наук и в этом смысле детерминируют естественнонаучное познание.

4. В качестве детерминантов естественнонаучного познания выступают философские принципы, которые воплощаются в определенных онтологических и гносеологических моделях, методологических концепциях и программах, играют важную ориентирующую роль в процессе поиска оснований теории, а также в процессе интерпретации и обоснования теоретических построений. Роль философских ориентиров возрастает по мере проникновения естествознания на более глубокие структурные уровни материи.

5. "Драма идей", разыгрываемая в науке, не может быть адекватно понята вне контекста процессов, протекающих в раз-

личных сферах духовного производства и определяющих интеллектуальный климат эпохи (господствующий стиль научного мышления, ценностные ориентации ученых, противоборство научных концепций и др.). Последние выступают как детерминирующий фактор по отношению к естественнонаучному познанию. Несомненный интерес представляют исследования, в которых предпринимаются попытки рассмотреть развитие специальной и общей теории относительности, квантовой механики, космологии и других областей естествознания в контексте интеллектуального климата эпохи (например попытка установить связь между статистической интерпретацией термодинамики и интеллектуальным климатом Веймарской республики, предпринятые в зарубежных исследованиях по истории науки).

6. В качестве одного из детерминантов естественнонаучного познания выступает искусство. Механизмы такой детерминации, по-видимому, связаны с наличием некоторых идентичных структур познавательной деятельности в науке и искусстве, эмоциональных составляющих научного поиска. Анализ указанных механизмов может дать ключ к интерпретации известного высказывания Эйнштейна, согласно которому Достоевский дал ему больше, чем Гаусс (отметим, что при построении общей теории относительности была широко использована геометрия Гаусса).

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ (к методологии исследования)

В.П. Красавин /Пермь/

1. Под социальной детерминацией научного познания мы подразумеваем воздействие на научно-познавательную деятельность, а также на развитие науки в целом объективных условий общественной жизни (в первую очередь экономических условий) и соответствующей им социальной практики.

2. К интересующему нас феномену социальной детерминации научного познания необходим конкретно-исторический подход. Мы можем исследовать особенности взаимосвязи науки и общества в прошлом — на тех стадиях развития социальной системы, которые стали объектом историографии. Но особой теоретической и практической значимостью (и, как результат, привлекательностью для исследователя) обладает изучение характера и

главных особенностей социальной детерминации научного познания на современном историческом этапе нашего общества, в условиях развитого социализма. Исследования этого рода характеризуются повышенной сложностью: их успех, их эффективность во многом зависит от нашей философско-методологической ориентации, от используемых нами философских принципов, методов, подходов, правил, технических приемов и процедур. Выделим и охарактеризуем в этой связи некоторые особенности изучения социальной детерминации науки в современных условиях.

3. Отметим, что научное познание и воздействующая на него социальная практика (порожденная объективными социально-экономическими условиями) – это две стороны целого: здесь и взаимоположение, взаимообусловленность, и тождество диалектических противоположностей, и их столкновение, их "борьба". По-разному они воздействуют друг на друга: нет ни содержательной, ни даже формальной симметрии линий прямой и обратной связи между наукой и социальной практикой.

4. Рассмотрим в самом общем виде первую линию связи двух названных выше подсистем единой познавательно-практической деятельности – линию, отражающую воздействия (весьма разнородные, разнообразные) социальной практики на науку или, иными словами, социальную детерминацию науки. Подчеркнем: под социальной детерминацией науки в данном случае подразумевается не одно-единственное воздействие социальной практики на развитие науки, но целый комплекс таковых. Широкий спектр таких воздействий, осуществляемых одновременно (в данный момент, в социальном настоящем). По крайней мере главные из них должны быть выявлены, описаны, классифицированы: важно также определить линии взаимосвязи этих воздействий, их взаимообусловленность и субординацию. Всё это достаточно сложно и трудоёмко само по себе. К тому же, изучая социальную детерминацию научного познания "в данный момент", в социальном настоящем, мы обязаны учитывать и те воздействия, которые имели место в прошлом. Как те, так и другие могут быть главными и второстепенными, непосредственными и опосредованными, необходимыми и случайными, существенными и несущественными, и т. д. и т.п. Попутно следует заметить, что воздействия социальной практики на развитие науки являются обычно позитивными.

Но могут они быть и негативными, могут тормозить развитие науки, препятствовать этому развитию: воздействия этого рода также должны быть исследованы, здесь тоже возможен своего рода "поиск закономерностей".

5. В процессе изучения воздействий общества на науку особо должен быть проанализирован вопрос о субъекте такого воздействия, о субъекте (точнее, субъектах) социальной детерминации науки. Отметим в предварительном порядке, что ими могут быть самые различные социальные институты: предприятия и производственные объединения, органы, осуществляющие управление народным хозяйством, административные и политические институты, политические партии, общественные организации и т.д. Их воздействия на развитие науки осуществляются как в форме прямой научно-технической связи между производством и наукой, так и опосредованно, через т.н. "социальный заказ" (эта форма социальной детерминации науки заслуживает, на наш взгляд, специального рассмотрения). И ещё одна форма воздействия социальной практики на науку представляется весьма интересной: в познавательно-практической деятельности формируется как определенная парадигма, включающая общепринятые представления о науке, её целях, её возможностях и границах, и т.д., и т.п., так и соответствующий стиль мышления. Эта линия социальной детерминации науки — самая сложная, окольная, но весьма действенная, сильная.

6. И последнее: мы рассматривали особенности социальной детерминации науки "в данный момент" — наличными социальными, народнохозяйственными задачами, требованиями, приобретающими характер "социальных заказов", и т.п. Но наука имеет и внутреннюю логику развития: каждое ее новое состояние есть результат всего развития, всех предшествующих состояний.

Можно ли рассматривать эту "внутреннюю логику" развития научного поиска как область, свободную от внешних по отношению к ней социальных воздействий — иными словами, как область, на которую не распространяется социальная детерминация науки?

Нет, на наш взгляд, нельзя. Как уже было отмечено, на каждом предыдущем этапе науки общество воздействовало на ее развитие, влияло на нее, и "следы" этого прошлого влияния

сохраняются в науке "в данный момент": присутствуют "в снятом виде" в самой логике научного поиска.

Специального рассмотрения заслуживает, на наш взгляд, вопрос об эффективности социального воздействия на науку — ее социальной детерминации. Возрастает ли, усиливается ли это воздействие с развитием общества, в процессе развития науки, техники, производства, социальной практики в целом? Первое, общее впечатление: да, усиливается, возрастает. Но нужны дополнительные исследования, нужны достаточно строгие критерии интересующего нас эффекта.

О ЗНАЧЕНИИ ИДЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ПОЗНАНИЯ ДЛЯ ОЦЕНКИ СОВРЕМЕННЫХ СИСТЕМНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.

Л.Н. Сумарокова, А.Ю. Цофнас /Одесса/

Социальная детерминация познания не просто явственно фиксируется, но и "выступает на первый план" в гносеологии "в связи с такой принципиальной проблемой как проблема происхождения и сущности "форм" познания и мышления, т.е. логико-методологических средств", с помощью которых получается, преобразуется и выражается научное знание (2, с.24).

Если обратиться к одной из реалий такого рода в современном познании — системному подходу, — то приведенный тезис получает здесь и свое подтверждение, и развитие; как широкое распространение системных исследований, так и не менее значительные ожидания относительно их будущих результатов, а также приобретающий весьма противоречивые формы активный интерес к ним, — все это порождается, в конечном счете, объективными общественными потребностями в решении целого ряда сложных познавательных и практических проблем, которые нередко имеют статус междисциплинарных, комплексных или даже глобальных.

Мы хотели бы обратить внимание на некоторые аспекты формирования и развития логики и методологии системных исследований, связанные, с одной стороны, с признанием целостности знания как ценности, а с другой — с признанием ценностных установок в качестве необходимого основания исследования целостности объектов. Известно, что формирование пред-

ставлений о целостности знания как ценности происходит в русле утверждения в познании диалектического метода, что сама целостность знания понималась при этом по-разному, — в соответствии с уровнем человеческого освоения мира. Гегель впервые поднимается до осознания целостности как системности знания и процесса познания. Диалектический материализм считает специфическим признаком научной истины ее системность (6, с. 57).

Однако известны и другие экспликации понятия целостности: "гармоничность", "единое", "однородность", "организованность", "органичность", "соответствие единой цели", "неаддитивность" и т.п. (1). Многие из этих свойств (организованность, органичность, соответствие единой цели, гармоничность, единство) фактически обнаруживаются в объекте после того, как он понят в виде системы, а потому могут быть рассмотрены как аспекты системности. Таким образом, хотя понятие целостности в общем случае шире понятия системности, но на определенном этапе развития познания они фактически могут совпадать; этому в значительной мере способствуют объективные тенденции к синтезу, интеграции научного знания, которые проявляются как в характере деятельности людей в науке, так и в особенностях организации содержания науки, ее методов (3, с. 74).

Наиболее интересной особенностью системного подхода является, по нашему мнению, то, что он, представляя собой конкретно-историческую форму взаимодействия философского, специально-научного познания и человеческой практической деятельности, органически объединяет в себе и мировоззренческие установки (принцип системности, принцип всеобщей взаимосвязи), и теоретические знания об объекте, и определенную деятельность по исследованию, конструированию, формированию системных объектов, управлению ими и т.д. Системный подход — это не только знание, не только методологическая установка и форма исследования, не только стиль мышления, — это и форма деятельности с объектом, искусство такой деятельности. А следовательно, может быть поставлена проблема целостности системного подхода как меры его ценности. Это, по-видимому, особый тип целостности человеческого освоения мира, поро-

денный особенностями современного этапа жизнедеятельности общества, когда единство духовного и практического все более осознается как необходимость.

Даже в том случае, когда системный подход существует в некоторых своих "свернутых", "частичных" вариантах (в виде методологического принципа, в виде теории систем, в виде практики системного анализа промышленных и иных задач и т.д.), он связан с проблемой выбора наиболее оптимального представления целостности объекта.

Одной из самых трудных является, например, задача выбора системообразующих свойств и отношений объекта и формирование концепта системы (5, с.126-130), хотя специалист по общей теории систем решает ее лишь с точностью до структурных характеристик свойств и отношений: остальное — не его компетенция. Аналогично обстоит дело с выбором предпочтительной альтернативы для достижения определенной цели: системный анализ предлагает некоторую логическую модель отношения между целями и альтернативными средствами их достижения, но конкретный выбор должен учитывать гораздо более богатую информацию (4, с.211-212).

Логический анализ возможностей должен быть дополнен их "взвешиванием" на "весах" социальных ценностей: без этого системный подход не может быть реализован до конца. Таким образом, системный подход во всех своих проявлениях — и как методологическая установка, и как теория систем, и как исследовательская и управленческая практика — в качестве неустраиваемой и существенной своей стороны содержит определенный аксиологический момент. Чем ближе системный подход к реальной практической деятельности, тем явственнее роль аксиологического момента в нем. Не случайно поэтому одной из форм системного подхода при решении народнохозяйственных задач выступает построение целевых программ, а одной из насущных методологических проблем является преодоление "целевого релятивизма", обоснование выбора наиболее значимых для общества целей и наиболее адекватных им структур деятельности. Интуитивное решение проблем такого ранга все более становится невозможным. Теоретическое же исследование их предполагает все более полный учет социального контекста, реальных потребнос-

тей и целей общества на данном этапе его развития.

Сказанное можно резюмировать следующим образом: с одной стороны, системный подход может быть использован для экспликации такой характеристики знания, как целостность (например, различные аспекты целостности сопоставимы с известными в теории систем системными параметрами: упорядоченностью, завершенностью, детерминированностью, сильнодействием и т.п.

(5)); с другой стороны, теоретическая разработка разных уровней системного подхода, в том числе дальнейшее уточнение критериев целостности, необходимо предполагает обращение к той иерархии ценностей, которая выработана обществом в процессе освоения мира. Аксиологический момент, неустранимо присутствующий в системном подходе и существенным образом влияющий на решение, казалось бы, "чисто структурных" задач, нуждается в специальном исследовании.

Л и т е р а т у р а

1. Блауберг И.В. Проблема целостности в марксистской философии. М.: Высшая школа, 1964.
2. Ребане Я.К. О социальной детерминации познания. Автореферат докт. дисс. М.: АН СССР, 1970.
3. Ребане Я.К. Некоторые проблемы комплексного изучения социальной детерминации познания. - Социальная природа познания. М.: Наука, 1979.
4. Системные исследования. Методологические проблемы. М.: Наука, 1980.
5. Уёмов А.И. Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль, 1978.
6. Чудинов Э.М. Природа научной истины. М.: Политиздат, 1977.

ТЕХНОЛОГИЗАЦИЯ ЗНАНИЙ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА
Г.И. Иконникова /Москва/

Общество развитого социализма открыло широкие возможности для органического соединения современных достижений научно-технической революции с преимуществами социализма, на-

учного управления всеми общественными процессами. XXVI съезд КПСС поставил важнейшую задачу — интеграции науки и производства, интеграции науки и всех сфер общественной жизни. Майский Пленум ЦК КПСС (1982 г.) со всей очевидностью показал, насколько повышается ответственность за разработку и реализацию целевых экономических и социальных программ.

В этой связи особое значение приобретает проблема технологизации знаний. Необходимо отметить, что в условиях развитого социализма в самом объекте деятельности на определенном уровне развития содержится определенная возможность овладения человеком предметным миром, познания объективной реальности и повысить степень активности субъекта, возможности управления социальными процессами. Имеются, таким образом, в условиях социализма не только различные уровни познания действительности, но и — реализации полученных знаний: 1. реализация познанных закономерностей, 2. реализация знания как осуществление всех важнейших целей, стоящих перед коллективами. Академик А.М.Румянцев говорил, что "социализм может быть только сознательным делом" (3, с.6). В условиях развитого социализма все больше внимания начинает уделяться не только научной организации материального производства, но и всей сфере социальной деятельности.

Для успешной реализации целей и выдвинутых программ нужны, по крайней мере, два условия: 1. научная обоснованность целей и наличие всей совокупности объективных условий и субъективных факторов для их реализации, 2. организация самой деятельности по реализации цели. На втором моменте остановимся более подробно. Известно, что для того, чтобы деятельность была наиболее эффективна, необходимо, чтобы были учтены, по возможности, все факторы, детерминирующие ее. Если обратиться к системному анализу, то уже на первом уровне его обнаруживаются две подсистемы — группа факторов, детерминирующих деятельность извне, и группа факторов, детерминирующих ее изнутри. Исследование первой подсистемы позволяет выделить три группы доминант — природные, социально-экономические, идеологические, а во второй — детерминацию действий, направленных на объект и другие субъекты, во взаимоотношениях с которыми осуществляется деятельность. Таким образом,

реализация целей предполагает знание действия всех компонентов и условий деятельности.

С нашей точки зрения, важнейшее место в реализации поставленных целей принадлежит технологизации знаний. Термин "технологизация знаний" — новый, но нам представляется, что он отражает наиболее емко ТОТ ПРОЦЕСС РЕАЛИЗАЦИИ ЗНАНИЙ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, КОТОРЫЙ СВЯЗАН С ЕЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ СТОРОНОЙ. К.Маркс в "Капитале" показал, что производственные отношения людей имеют две диалектически связанных между собой стороны: производственно-экономическую и производственно-технологическую, где в конечном счете определяющей является первая сторона. Но производственно-технологическая сторона производственных отношений в человеческой деятельности в определенные периоды может выступить определяющей в реализации цели.

В условиях развитого социализма появляется реальная возможность использования эффективного воздействия этой стороны производственных отношений, так как создаются условия для организации целенаправленной связи всех элементов социальной системы, обуславливая ее становление, рост, зрелость. От организации технологических отношений зависит ВРЕМЯ РЕАЛИЗАЦИИ ЦЕЛИ, а также как КАЧЕСТВЕННЫЕ, так и КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. Известно, что в свою очередь результат влияет на развитие деятельности, ибо он является важнейшим системообразующим фактором, определяющим социально-психологические компоненты деятельности и ее дальнейшее организационное совершенствование.

Очень важным моментом является то, что развитой социализм обеспечивает технологизацию знаний социально-экономическими, социально-психологическими, идеологическими, материально-техническими средствами.

К.Маркс показал, что на ранних ступенях общественного развития, когда создавались примитивные средства труда, научные знания еще не расчленились сколько-нибудь явно на знания о свойствах природных тел и знания о способах их овеществления с целью создания технических средств (I, с.397). Таким образом, К.Маркс показывает необходимость знания не только сущности вещей, но и знаний о СПОСОБАХ СОЗДАНИЯ ЭТИХ

ЯВЛЕНИЙ. К.Маркс ведет речь не только о превращении природного в социальное (предмета труда в товар), но и превращении социального в социальное. Классики марксизма-ленинизма показали, что превращение социального в социальное в условиях социализма качественно отличается от перехода социального в социальное в условиях антагонистических общественно-экономических формаций, где коренные социальные преобразования осуществляются на основе классовой борьбы и социальной революции. Уровень же развития социальных отношений и субъективного фактора развитого (прежде всего) общества позволяют подойти к социальной деятельности с качественно новых позиций. Ленинское требование настойчиво повышать уровень организованности, овладевать наукой и искусством управления — является как никогда определяющим в деятельности партийных и государственных органов.

В условиях социализма совершенно не безразлично, какими средствами достигаются поставленные цели. Для социализма характерны гуманные средства, содействующие развитию социальной активности, творчеству масс. Ему чужд прагматический подход к выбору средств. На XXVI съезде КПСС Л.И.Брежнев подчеркивал что нельзя приспособлять живой, развивающийся организм управления хозяйством к устоявшимся, привычным формам. Наоборот, формы должны приводиться в соответствие с изменяющимися хозяйственными задачами (2, с.51). КПСС ставит задачу — выработать такой стиль работы, в котором бы органически сочетались исполнительность, дисциплинированность со смелой инициативой и предприимчивостью. Отсюда необходима управленческая ориентация в технологизации знаний: совсем не безразлична основа технологизации — гуманистическая или ригористическая (инструментальная). "Гуманизация" нормы, т. е. средств, приемов достижения цели ориентирует работника на сознательно-творческое выполнение задания, "ригористическая" — волевое давление, может "затмить" главную цель. Отсюда важно сочетать управленческие, социально-технологические решения с развитием производственной демократии, расширением тенденций самоуправления и т.п.

Монополистический капитал в социальной технологии, технологизации знаний видит панацею от всех бед, возлагая

чадежды, связанные с "оздоровлением" общества, избавлением его от социальных конфликтов, классовой борьбы и революций. Действительно, на государственно-монополистической стадии развития возникает возможность государственного вмешательства в развитие некоторых общественных явлений. Однако, как показывает сама действительность, буржуазное государство и монополии оказывают воздействие на общественные явления, не вторгаясь в сферу собственности на средства производства, поэтому технологизация знаний социальной деятельности возможна лишь в узких границах капиталистических производственных отношений.

Л и т е р а т у р а

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.2.
2. Материалы XXVI съезда КПСС, М., 1981.
3. Румянцев А.М. Гуманистическая философия и социальная наука. - "Вопросы философии", 1966, № II.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Б.И.Пружинин, М.И.Козлов /Москва/

Новейшие исследования в области методологии науки и науковедения достаточно отчетливо продемонстрировали, что наука есть феномен культуры и именно в качестве такового определяется социальным контекстом. Действие социальных детерминант преломляется через специфику науки как культурного феномена. Это обстоятельство обнаруживается, в частности, в том, что в развитой науке познание опосредовано наличным знанием, выполняющим также функции ценностно-символического регулятива теоретического освоения мира. Причем, осуществляя эту функцию, наличное знание выступает в виде системы символов смыслов, обеспечивающих специфический для научного сообщества тип общения, главным элементом единства которого является понимание этих смыслов. Социальные детерминанты и мотивы деятельности учёных подчинены в конечном счете процессу осмысления предметной реальности и только в качестве таковых образуют

необходимое условие и предпосылку развития знания.

Действие социальной мотивации и детерминантов двояко. Они, во-первых, создают благоприятные условия для возникновения и развития такого культурного феномена, как наука и, во-вторых, они проникают в сферу смыслорегулирующих механизмов познания и систему внутренних коммуникаций науки, определяя ресурсы и стимулы для тех или иных направлений научной деятельности. Оба эти аспекта описаны уже более или менее подробно в современной социологии науки. Но описаны, и это примечательно, в основном, применительно к естественным наукам и отчасти (главным образом в марксизме) применительно к наукам социальным (социологии, политэкономии). Гуманитарные науки плохо поддаются такому описанию. Причины этих трудностей, как нам кажется, можно прояснить, обратив внимание на следующую особенность социальной детерминации гуманитарного знания (которую мы рассмотрим подробнее на материале языковедения).

Гуманитарные науки по самой сути дела ближайшим образом связаны с социальным бытиём людей. Это очевидно. Но из данного очевидного факта часто делается совсем не очевидное, на наш взгляд, заключение, что влияние социальных факторов сказывается на их развитии более прямым и непосредственным образом, чем, скажем, на развитии естествознания. Однако дело, на наш взгляд, обстоит сложнее. Гуманитарные науки прежде всего принадлежат сфере культуры и принадлежат ей ещё в большей мере, чем естествознание. Если относительная самостоятельность естествознания в системе общественного материального производства (где собственно и складываются социальные связи) гарантируется определенными мыслительными формами (исторически определенными для каждой эпохи), то в гуманитарном знании сами эти формы являются предметом рефлексии и прямо входят в теоретические конструкции. Влияние социума на гуманитарное знание опосредовано не просто наличным знанием, но знанием, находящимся в отношении к субъекту познания и к ценностно-смысловым механизмам организации теоретического знания. А, стало быть, социальные влияния должны здесь действовать чрезвычайно тонко, чтобы обеспечить функционирование гуманитарных наук, т.е., так сказать, должны быть эффектами следующих

порядков малости по сравнению с их влиянием в естественных науках. Недоучёт этого обстоятельства ведет к методологическим тупикам, как об этом свидетельствуют, например, процессы, происходящие в современном языкознании.

Свой предмет лингвистика обрела сравнительно недавно — в начале XX столетия. Конечно и прежде, в исследованиях тех или иных аспектов языка (философских или филологических) можно обнаружить интересные и часто глубокие соображения о знаковой природе языковых образований, но только в начале нашего столетия были отработаны исходные модели и методы, позволяющие анализировать язык с достаточной степенью строгости. И почти сразу же лингвистика приобрела особый статус в гуманитарном знании: целый ряд гуманитарных наук позаимствовали у неё приёмы и методы исследования. Но, главное, позаимствовали характерный для лингвистики подход к объекту исследования: в различных областях человеческой деятельности стали выявлять языковые и языкоподобные образования, исследование которых осуществлялось либо путём прямого использования методов лингвистики, либо с помощью аналогичных методов.

В результате такого процесса в гуманитарном знании сложился комплекс лингво-семиотических наук, ориентированный на исследование культуры. Причём на первых этапах интеграции успехи были настолько очевидными, что заслоняли собой целый ряд довольно сложных проблем, связанных с тем, что понятие языка, трансформируясь в ходе расширения его приложений, стало терять четкую отнесенность к сфере сознательной деятельности.

Заметим, что говоря о размывании этого аспекта понятия языка, мы имеем в виду не неизбежные издержки экстраполяции, но более принципиальный момент, связанный с гипостазированием неспецифических для языка аспектов знаковой формы. Напомним, что ещё сам Ф. де Соссюр рассматривал язык как специфическую знаковую систему, а лингвистику — как особую ветвь (раздел) семиологии. По мере становления комплекса лингво-семиотических наук именно эти неспецифические аспекты знаковой формы получили наибольшее развитие, так что процесс обогащения методов лингвистики принял вид отделения языковой деятельности от деятельности сознания и переориентации

её в основаниях на познавательную деятельность. Тенденция эта, при её абсолютизации, ведет к дегуманитаризации языкознания, семиотики и исследований человека и продуктов человеческой деятельности в целом. Языковедение, между тем, по самому существу дела нуждается в определенных представлениях о природе сознания и на современном этапе своего развития самым непосредственным образом вносит их в свои концептуальные схемы, стремится соотнести лингвистический знак с субъективными областями сознания (поскольку сам язык инвариантен к произволу его носителя). Тенденция к отделению языка от сознания и соответственная дегуманитаризация лингвистики, таким образом, может означать лишь неудовлетворенность существующими трактовками сознания.

В пользу такой точки зрения говорит также исторический опыт развития лингвистики. Уже само формирование её предмета требовало отказа от классической трактовки сознания и нарушало ту гармонию в отношениях сознания и языка, которая установилась в Новое время. Хотя это отношение собственно и специфицирует язык как феномен человеческой жизнедеятельности, именно постулирование некоторой онтологической независимости языка было условием формирования методов лингвистики. Также и формирование эффективных лингвистических концепций, если оценивать весь процесс исторического развития в целом, связано не с отказом от "сознательности" языка, но с поиском новых отношений к сознанию, а стало быть, и с поиском путей к регуманитаризации языкознания. В таком контексте должны рассматриваться трудности вполне признанной в наше время мыслительной концепции языкового значения.

Вместе с тем, характерно, что поиск новых путей к сознанию происходит, в основном, в языке, речь же практически не изменила своей исходной сознательной установки. Не вынуждаемая к определению своих оснований, речь осталась в той же позиции и приобрела, в конце концов, статус единственного представителя сознания. В результате сложилась парадоксальная ситуация, в которой язык не нуждается в коммуницирующем индивиде, а речь — в таком языке. Ориентация языка на познавательную деятельность привела к разрыву с субъективными основаниями познания, расщеплению семантической сферы на "объ-

активное" языковое значение и "пристрастный" "личный" смысл, обеспечивающий вербальную деятельность, драматическая коллизия которых четко зафиксирована в современных логических и психолингвистических теориях употребления языка. Такова плата за недооценку ценностно-смысловых механизмов организации теоретического знания в базисной концепции языка.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ УСЛОВИЯ ИНТЕГРАЦИИ

ЕСТЕСТВЕННЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

В.Г.Федотова/Москва/

К. Марксом была высказана мысль о том, что интеграция науки станет в будущем ведущей тенденцией их развития. Он писал: "Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет одна наука"(1).

Любопытно посмотреть, какие пути реализации этой тенденции и какие основания для её осуществления выделяются в работах советских авторов. Сошлёмся на диссертацию В.А.Хотяковой, в которой обобщены выводы советских авторов относительно оснований интеграционной тенденции в области естественных и общественных наук: единство мира и единство форм движения, человек как биосоциальное существо, идея естественного закона в социальной науке, труд и производство материальных благ, принцип развития, наличие комплексных проблем, общенаучное знание, философия как единый фундамент науки, технознание как связующее звено между естественными и общественными науками, единство общества и природы, преобладание интеграционных процессов над дифференциацией наук и т.д. (2).

В данных тезисах мы хотели бы предложить иной ракурс рассмотрения поставленной проблемы, сделав определенные выводы и в отношении того, в каком смысле можно интерпретировать слова К. Маркса о единой науке будущего.

С нашей точки зрения, интеграционные тенденции лежат преимущественно в плоскости социальных условий развития знания, а не во внутренних механизмах науки. Можно выделить три качественно различные ступени развития естествознания: доклассическое, построенное по принципу рецепта; классическое, связанное с переходом на теоретический уровень и относительной

автономностью от социальных целей; постклассическое. Последний этап мы связываем с НТР как качественно новой ступенью развития естествознания. Принципиальная новизна естествознания в условиях НТР состоит в технологическом применении фундаментальных наук, открывающем новые виды практики. Если на этапе классической науки естествознание отвечало уже назревшим производственным задачам, и многие технические достижения (например, паровая машина) возникли до теоретического объяснения положенных в их основу свойств природы (здесь — до термодинамики), то атомная энергетика, вычислительная техника, космические полёты не могли возникнуть из саморазвития техники и требовали научного открытия самой возможности их осуществления.

Произошли изменения и в исследовании естественных наук. Марксистско-ленинское положение о том, что объект исследования предстаёт в форме деятельности субъекта в полной мере реализуется в отношении науки только в постклассический период. Именно теперь наука как объект исследования предстаёт в формах деятельности субъекта по её организации. Идеалы, цели, нормы выступают ныне как решающие параметры организации науки, а рефлексия социальных условий деятельности выступает как характерная черта субъекта познания на современном этапе. В организации науки большую роль играет общественное знание, ориентированное на задачи всего общества. Обнаруживаются сходные формы институционализации социального знания и естествознания.

То есть можно сказать, что в условиях НТР в значительной мере исчезают социальные предпосылки, породившие обособленность естественных и общественных наук. Естествознание становится в известной мере сходным с социальным знанием, всё более зависит от целей общества, оказывающих влияние на выбор направления исследования. В истории естествознания всё более обнаруживает себя история познания, зависимость познавательных целей от социальных, соответствие применяемого познавательного аппарата и уровня знания достигнутому уровню практики.

В силу такой "социализации" естествознания возрастает значение опыта наук об обществе для современных естественных

наук. Именно в обществознании практическое применение фундаментальных наук было достигнуто раньше: применение марксизма, исторического материализма для целей социального преобразования. Здесь (в исторической науке) тезис о концептуальной нагруженности факта был опробован до того, как подобная проблема встала перед методологией естествознания. Проблема понимания, ныне активно разрабатываемая методологией естествознания – традиционная проблема гуманитарных и социальных наук.

Методология естествознания сталкивается с неклассическим решением проблемы объективности естествознания в условиях его зависимости от целей общества. Неразрывная связь объекта с его практическим использованием творит объективность не в форме объекта, а в форме практики (3), ту объективность, которая изначально присуща социальным наукам.

Помимо отмечаемого в литературе методологического единства естественных и общественных наук, раскрывающего смысл слов К.Маркса о единой науке, хотелось бы отметить гносеологический и социальный смысл их единства: естествознание имманентно содержит историю познания так же, как и социальное знание; ориентируясь на социальные цели, естествознание приобретает черты социального знания, решая интересующие общество и человека проблемы; новое качественное состояние естествознания приводит к необходимости привлечения для его организации социального знания, т.е. приводит к изменению роли общественных наук в изучении природы.

Л и т е р а т у р а

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-ое изд., т.42, с.124.
2. Хотьякова В.А. Научное обществознание как система (историко-материалистический анализ). – Автореф. дисс. на соискание учен. степени доктора филос. наук. М: 1981.
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.29, с.179.

ТРИ КОНЦЕПЦИИ ПОНИМАНИЯ: СУЩНОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ КОНТЕКСТЫ

Э.Н. Лооне /Тарту/

1. "Старогегельянцы считали, что ими всё понято, коль скоро подведено под ту или иную гегелевскую логическую

категорию. "/I, I7/. В этой короткой фразе сформулирована концепция, сводящая понимание к называнию выделенных каким-то способом феноменов в терминах наличной у понимающего понятийной сетки. В дальнейшем я буду эту концепцию называть обозначающей или старогегельянской концепцией понимания. Маркс и Энгельс, кстати, отнюдь не одобряли обозначающую концепцию понимания.

2. В 19 веке среди философов исторического познания и историков распространилась концепция, согласно которой понять — это значит пережить то, что уже было прожито теми, кого понимают. Так понимание оказалось методом, пригодным только для изучения людей. Данную концепцию я буду называть классической концепцией понимания. В разных вариантах её разделяли и разрабатывали Дройзен, Дильтей, Кроче. Классическая концепция понимания разделяет духовную жизнь понимаемых от духовной жизни понимающих. Последние понимают, если им удастся путем мыслительных операций над данными /"источниками"/ создавать в себе переживания, аналогичные переживаниям изучаемых ими людей по поводу тех же самых феноменов.

3. В 20 веке Коллингвуд пришел к убеждению, что невозможно доказать аналогичность чувственных переживаний историка и людей, изучаемых историками. Согласно концепции, которую можно назвать коллингвудовской концепцией понимания, люди могут научиться думать так, как думали изучаемые ими люди, могут воспроизводить в своем уме мысли других, могут научиться рассуждать по поводу некоторых обстоятельств так, как рассуждали изучаемые ими люди. При этом исследователь в ходе понимания не перестает мыслить и своими способами, отличными от мысли и способов мысли изучаемых им людей.

4. Приводит ли понимание к новому знанию?

4.1. Обозначающая концепция понимания приводит к новому знанию в классификационном смысле: новым является классификация явления, не получившего заранее ярлыка приписывания к классу. При разных сетках понятий могут возникнуть знания о различии этих сеток, однако такое знание может выражаться и в мистифицированной форме /принимая сетку классификатора за нечто, обладающее истинным значением/. В некоторых случаях имплицитно целью обозначающего понимания может яв-

латься не получение знания, а получение эмоционального удовлетворения. Наибольшие трудности обозначающая концепция понимания встречает при познании связей между явлениями / не осознаются различные роли глагола и имени/.

4.2. Классическая концепция понимания претендует на расширение духовного мира понимающего, но — поскольку отдельные понимающие утверждения в ней не могут быть достаточно строго доказаны — они приводят к догадкам, а не к знанию, при условии, что понимание относится к чувственной стороне духовной деятельности. Понимание в классическом смысле может быть реализовано в качестве одного из эффектов произведения искусства.

4.3. Понимание в смысле коллингвудовской концепции является новым знанием и овладением новыми способами духовной деятельности. Оно, в отличие от понимания в смысле старогегельянской концепции, позволяет выяснить/ или, во всяком случае, выяснить значительно лучше/ отношения между предметами. Заметим, что понимание как в классическом, так и в коллингвудовском смысле включает в качестве существенного момента доказательство своей правильности.

4.4. Классическая и коллингвудовская концепции подходят в методы исторического познания, ибо позволяют реконструктивно реализовать посылку качественного различия. Обозначающая концепция позволяет это делать лишь в случае, когда путём исследования осуществляется перевод из одной системы классификации в другую. Но в таком случае, по-видимому, происходит превращение в коллингвудовскую концепцию.

5. Распространение тех или иных концепций понимания как стилей мышления связано как с их познавательной применимостью, так и с экономическими и политическими обстоятельствами, вызывающими и поддерживающими существование тех или иных стилей мышления.

5.1. Распространение некоторой концепции понимания в виде абсолютной доктрины сущности одной или нескольких наук об обществе не связано с гносеологическими обстоятельствами, а вызывается экономическими и политическими условиями, определяющими потребности классов и социальных слоёв. Так, классическую и коллингвудовскую концепции использовали буржуаз-

ные учёные в борьбе с марксизмом.

Л и т е р а т у р а

Г. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. К.Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2-ое изд., т. 3.

ОБЪЕКТИВНОСТЬ И ОБЪЕКТИВИЗМ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.

И.А. Желенина /Москва/

1. Издавна была замечена такая гносеологическая ситуация, когда "один и тот же предмет различно преломляется в различных индивидах"/1/. С одним из её вариантов мы имеем дело тогда, когда рассматриваем работы двух историков, анализирувавших одни и те же факты, но пришедших при этом к различным выводам. Такое наблюдается, в частности, в случае, если исследователи одних и тех же фактов руководствуются различными методологическими принципами – объективности и объективизма.

2. Между этими двумя противоположными принципами имеется известное внешнее сходство. Оно состоит в следующем. Объективист стремится беспрепятственно излагать факты, и для марксиста, руководствующегося принципом объективности, "правда не должна зависеть от того, кому она должна служить"/2/. Здесь сходство начинается и этим оно ограничивается. Исследователи же, руководствующиеся этими принципами, приходят к различным результатам. И приводят их к этому различные социальные предпосылки исследования, что проявляется в структуре названных принципов.

3. Объективисту свойственно непонимание социальной обусловленности собственных взглядов, отрицание связи собственных исследовательских предпосылок с социальными интересами. Крайнее выражение объективизма – отрицание самих исследовательских предпосылок. Объективист считает, что исходит только из фактов и до начала исследования в его сознании ничего нет /такой взгляд аналогичен О-позиции в современной буржуазной социологии/. Отрицая социальные предпосылки исследования, объективист факты наличного бытия делает точкой отсчёта, что означает на деле примирение с существующими предпосылками /их освоение/. Тем самым объективист сбивается на

роль апологета существующего положения вещей и объективизм выступает как тонко завуалированная форма буржуазной партийности, объективизм обращается субъективизмом. При этом исследователь осознанно или неосознанно исходит из идеалистического понимания истории и антидиалектического /метафизического/ взгляда на мир. Если говорить о структуре принципа объективизма, то два перечисленных компонента /идеализм, метафизичность/ связаны с третьим /и в нем объединены/ - буржуазной партийностью, которая составляет глубокую внутреннюю основу, сущность этого методологического принципа. Всякий метод, чтоб быть адекватным средством познания, должен заключать в себе истинное знание. Основной идеей объективистского метода является идея ценностной нейтральности, идея разрыва исследования и его предпосылок, субъекта и объекта, знания и оценки. И эта идея неистинна, т.к. неадекватно отражает действительную познавательную ситуацию.

4. Психологами доказано, что любому акту познания и практики предшествует определенная социально-психологическая установка, связанная с мировоззрением субъекта, всегда имеющим определенную направленность или партийность. От мировоззрения зависит оценка исследователем тех или иных событий, которая фиксирует не просто эмоциональное отношение познающего субъекта, но является отражением объективной стороны человеческой деятельности. Значит, желание быть адекватным, должно включать оценку истинную, отражающую, фиксирующую значимость объекта для человеческой деятельности в её отношении к прогрессу. Наиболее близкой к истине будет оценка историка, выражающего интересы той социальной группы, субъективная позиция которой соответствует объективно-прогрессивному ходу исторического процесса.

5. Представляется целесообразным поставить вопрос об оценке как имманентной черте принципа объективности, одном из компонентов его структуры, выступающим формой научного объяснения. Поскольку ценность - функциональное свойство вещей, явлений, обретаемое ими в деятельности, то оценка будет входить в принцип объективности в той мере, в какой в исследовании речь идет о выявлении значимости человеческой деятельности. Поскольку субъективная позиция Коммунистической

партии отражает объективно-прогрессивное развитие общества, постольку можно сказать, что оценка в форме коммунистической партийности выступает одной из необходимых сторон принципа объективности /наряду с материализмом и диалектикой/. Обычно исследователи принципа объективности приводят следующее место из ленинского конспекта "Науки логики" Гегеля: "Тут действительно, объективно, три члена: 1/ природа; 2/ познание человека, - мозг человека /как высший продукт той же природы/ и 3/ форма отражения природы в познании человека, эта форма и есть понятия, законы, категории" /3/. Оценку как форму научного объяснения следует включить в ряд "форм отражения природы в познании человека". Партийность коммунистическая есть осознание марксистами собственных предпосылок исследования, чему способствует определенная социальная позиция субъекта, есть фиксация внутренней связи диалектики и материализма, а значит, сущностная основа самого принципа объективности. В этом смысле и можно говорить о совпадении партийности и объективности. Но именно потому, что все компоненты глубоко внутренне взаимосвязаны, совпадение партийности и объективности нельзя рассматривать как происходящее автоматически. Оно предполагает сознательное и последовательное проведение в исследовании философского материализма и диалектики /прежде всего - материалистического понимания истории, метода классового анализа/, всесторонность, предполагающую профессиональную компетентность, совершенствование понятийного аппарата, способного отразить развивающуюся действительность, овладение методами частной науки. Декларация партийности без этих условий ещё не ведет к объективному результату.

6. Анализ исследований историков-объективистов показывает, что оценка, пусть неосознанная, вторгается в саму методологию исследования, что выражается 1/ в определенном отборе фактов, 2/ в том, что связи между излагаемыми фактами либо игнорируются, либо 3/ приводимые факты анализируются в одной связи и не усматриваются иные цепи причинно-следственных связей, 4/ при изложении противоречивых фактов им дается поверхностное объяснение, они не рассматриваются как проявления более глубокой сущности. В результате анализ объективист-

тами событий останавливается на уровне явлений, не идёт к раскрытию сущности, что имеет своим результатом более или менее тонкую объективистскую фальсификацию истории, ибо действительным событиям придается иной смысл.

7. Все вышесказанное призвано ответить на вопрос, почему при сопоставлении результатов исследований одних и тех же социальных объектов историками-марксистами, руководствующимся принципом объективности, и историками-объективистами мы обнаруживаем различные познавательные результаты — ограниченный у объективистов и глубокий анализ социальных процессов в лучших исторических работах марксистов. Но партийность социальной науки реализуется в трудах конкретных учёных и совпадение партийности и объективности в отдельных исследованиях зависит от них. В этой связи представляет интерес исследование гносеологического аспекта возможности разных интерпретаций факта в марксистской истории/4/.

Л и т е р а т у р а

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-ое изд., т. I, с. 7.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 446.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 164.
4. Лооне Э. Современная философия истории. Таллин, 1980, с. 177-178: "при решении отдельных вопросов не исключена возможность появления нескольких марксистских, но не согласующихся друг с другом теорий".

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ В ФЕНОМЕНОЛОГИИ Э. ГУССЕРЛЯ

А. А. Рубенис /Рига/.

Феноменология ставила перед собой необычайно широкие задачи, предлагая радикальную реформу всей европейской культуры на основах трансцендентального идеализма благодаря "героическому усилию разума". В качестве посылки для этой реформы указывалось на необходимость преодоления сложившегося противоречия между естественнонаучным и социальным познанием, нахождение их единого основания и истока, которым полагалась трансцендентальная субъективность или трансцендентальное сознание, т. е. такое сознание, которое не может быть осмыслено /подвергнуто редукции/ при рассмотрении любого вопроса, факта,

события в мире, более того, в котором усматривался динамический источник всякого мирового сбытия, данного человеку в его сознании. Но для этого необходимо было изменить само понимание бытия, отношение сознания к бытию. Феноменология, тем самым, по мнению Гуссерля, достигает того, что "исключает действительность природы, действительность природы и души, собственного я и чужого я, но удерживает она, так сказать, их душу, их смысл"/I, 335/. В возникновении феноменологического идеализма важную роль сыграла психологическая теория Ф. Brentano. Он учил, что аподиктически очевидное познание мы можем достичь в ходе анализа самой конкретной психической жизни сознания, его конкретного функционирования /что немало удивило Гуссерля, получившего естественнонаучное образование, воспитанного на принципах классической науки/, но при условии различения актов "внешнего"/т.е. направленного на вне субъекта лежащие события, процессы и т.д./ и "внутреннего"/т.е. обращенного на раскрытие самих познавательных структур сознания, описание его "инвентаря"/ восприятия.

В случае внешнего восприятия, согласно мнению Brentano, истина как аподиктически очевидная данность недостижима, ибо оно не способно преодолеть разрыв, противоречие между дилеммой "сущность-явление". Истина достижима только в том случае, если принять за исходную точку внутреннее восприятие: оно само, согласно его мнению, является истинным в себе, и на нем основана очевидность. Подобная установка, считал Brentano, является колоссальным преимуществом психологии по сравнению с естествознанием, т.е. ценность её в том, что она обращена на то, "что нам присуще", дает возможность взглянуть на сознание изнутри.

Итак, на Гуссерля колоссальное влияние оказала мысль о том, что "истина обитает в нас" /этими словами Августина он заканчивает свои знаменитые "Картезианские размышления"/, что для её достижения нет необходимости обращаться ни к экспериментальному естествознанию, ни к другим экспериментальным наукам /прежде всего психологии, использующей естественнонаучные методы познания/, а достаточно умело обращаться с самим сознанием /на этом основании разрабатывается вся феноменологическая техника работы с сознанием/, и истина в качест-

ве феномена сама откроется нам при условии, если будем достаточно внимательны и осторожны, так как она уже в нас, а мы сами — в сознании, внутри его.

Гуссерль один из первых в буржуазной философии XXв. обратил внимание на то обстоятельство, что само сознание, взятое в его наиболее фундаментальном слое, обладает всеми признаками бытия, т.е. характеристиками, которые в философии, ориентированной на естествознание, приписывались только вне субъекта лежащей реальности. Трансцендентальное или феноменологическое сознание: во-первых, вечно, так как субъекту в его самосознании оно всегда уже дано в качестве реальности, о которой нельзя спрашивать о её "начале" и "конце" /то, что не имеет начало и конец, то — вечно/, т.е. рефлексия не может постичь начало сознания, так как сама она предполагает наличие сознания; во-вторых, беспредпосылочно, так как является посылкой любого другого акта сознания и не имеет причины вне себя; в-третьих, несотворимо, ибо субъект самосознания может лишь более или менее успешно "участвовать" в самом феноменологическом сознании, сливаясь со своими бытийными основами, которые усматриваются в изначальных структурах интенционального сознания /на этом основании Гуссерль проводит различие между конституированием как характеристикой функционирования изначального слоя сознания и конструированием как характеристикой функционирования самосознания/; в-четвертых, самодостаточно, так как не выводимо и несводимо ни к чему

другому /ни к природным процессам, ни к материально-производственным и др./ и несет свои основания в себе самом; в-пятых, является для субъекта самосознания высшей и наиболее фундаментальной, незыблемой реальностью для конкретного мыслящего человека /сам человек — лишь объективизация этого трансцендентального сознания во времени/.

Поэтому трансцендентальная феноменология — это "самораскрытие субъективности, рефлектирующей о своих трансцендентальных функциях. Всё объективное бытие, вся истина имеет свою бытийственную и познавательную основу в трансцендентальной субъективности... Объективное — не что иное, как синтетическое единство актуальной и потенциальной интенциональности, сущностью принадлежащей трансцендентальной субъективности"/2;

В аспекте проблемы социального познания Гуссерль пытался при помощи феноменологического анализа сознания постичь мир именно в том срезе, в каком он является, дан субъективности, активно воспроизводящей, продуцирующей его для себя. "Я нахожу людей в мире как предметы этого мира, — писал он, — я полагаю их в качестве телесно-личностных реальностей, они имеют устойчивые формы их телесности..., но также и устойчивые формы их духовной личности: они имеют устойчивое своеобразие интеллекта, характера и т.д., но в первую очередь и специально, они имеют устойчивые убеждения, устойчивые направления воли с устойчивыми конкретными теоретическими, аксиологическими и практическими коррелятами: для них имеются ангелы и бесы, русалки и гномы, произведения искусства, практические устойчивые цели, для них существуют теории, истины и истинное бытие, ценности и т.д., сохраняющиеся как предметы их интенционального окружения... Описать людей и человечество "вещественно", объективно — это не значит спрашивать о действительности их окружения, но это значит спрашивать об их действительности..." /3,466/. Собственно эта сфера субъективности и должна, согласно глубокому убеждению Гуссерля, стать основным предметом всех "наук о духе" — психологии, социологии и др., благодаря чему будет возможно создание единой картины мира, где сама субъективность будет иметь онтологически незаменимое место.

Л и т е р а т у р а

1. Husserl E. Zur Phänomenologie des inneren Zeitbewusstseins (1893-1917). — Husserliana, Bd.X. Den Haag, 1966.
2. Husserl E. Formale und transzendente Logik. Halle, 1929, S.242.
3. Husserl E. Zur Phänomenologie der Intersubjektivität. Texte aus dem Nachlass. Erster Teil: 1905-1920. — Husserliana, Bd.XIII. Den Haag, 1973.

ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СТИЛЯ НАУЧНОГО МЫШЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ НАУКИ.

Г.И. Петрова /Томск/

Чтобы определить понятие "стиль научного мышления", необходимо обратиться к исследованию науки как формы человеческой деятельности, как вида духовного производства. К. Маркс в производстве знаний о мире видел идеальный аналог материального производства, выделяя понятие "духовные производительные силы" и видя в научных категориях "способ освоения мира" (I). Конкретное содержание стиля научного мышления — неизменяемые элементы науки, ее инварианты, к которым относятся формы, методы, логические и гносеологические принципы научного мышления. Все они оформляются как категории, составляют категориальную сетку, которая начинает служить как фильтр и критерий науки — стереотип научности.

Объединяя, синтезируя частнонаучные и мировоззренческие знания, стиль научного мышления рождает научную картину мира. При ее формировании результаты, изложенные на языках частных наук, переводятся на единый язык без потери адекватности в трактовке их содержания. Научная картина мира в своей содержательной части есть мировоззрение той или иной эпохи, идеальная модель действительности. Рассмотренная же со структурной стороны, со стороны ее строения, научная картина мира представлена стилем научного мышления. Последний как бы оформляет ее изнутри, оказываясь тем стержнем, вокруг которого все знание сводится в единую систему. В реализации этой функции стиль мышления обуславливает определенное видение мира, стереотипы в воззрениях на действительность. Благодаря ему все компоненты науки сводятся в логическое соотношение. Их взаимосвязь и единство, стройность и строгость, обоснованность, тесная подобранность, синтезированность и дополняемость создадут логическую красоту науки. Все не соответствующее, выходящее за рамки именно данной системы науки стиль научного мышления убирает, либо сам, не выдерживая напора новых фактов, погибает. Он дает ученым стереотип научности, через который любое знание должно быть пропущено, чтобы вступить в науку, стать равноправным членом ее стройной сис-

темы. Поэтому стиль научного мышления, обуславливая логику науки, определяет и логику научного открытия, детерминирует содержание и теоретических и эмпирических компонентов науки, их способ построения и взаимосвязь. Сам же он оказывается компонентом надтеоретическим, "обуздывая" содержание знания, сводя его воедино и являясь его средством производства. На отдельные сведения и факты всегда накладывается имеющаяся в тот или иной период категориальная сетка, пропуская (или не пропуская) их в науку.

Если онтология стиля научного мышления — предметное содержание категорий, то в функциональном аспекте в нем определяется гносеологический и методологический компонент: в нем заложены методологические установки и концепции познания. Роль "орудия познания" стиль мышления осуществляет благодаря тому, что его непосредственным проявлением служит совокупность научных методов: метод восхождения от абстрактного к конкретному, метод наблюдения, гипотетический, индуктивный, дедуктивный, метод идеализации и т.д. Все они в зависимости от характера стиля научного мышления в тот или иной исторический период интерпретируются и работают.

Средством реализации стиля мышления является и научный принцип как итог, результат научной деятельности, в сжатой форме отражающий наиболее существенные стороны действительности. Принцип и метод тесно связаны друг с другом: в отношении к стилю научного мышления они представляют соответственно его онтологический и гносеологический аспекты. Предметное содержание категорий выступает как принцип, их же познавательное значение, их способ наложения на гносеологический материал, выделение из него необходимого и значимого определяется как научный метод. Через принцип и метод стиль мышления определяет характер и содержание научной теории.

Стиль научного мышления — это не что иное, как характерный для данного этапа истории науки категориальный синтез знания в его предметно-содержательной (содержание философских категорий и базисных научных понятий), структурной (их взаимосвязь) и функциональной (способ их наложения на эмпирию) сторонах.

Конечно, научное знание возникает в ходе развития прак-

тики человека. В этом смысле средством его производства следует назвать и практику: научные понятия и теории есть интe-приоризация практики. Но ее обуславливающее влияние проявляется "в конечном счете". Элементом же, производящим знание непосредственно, является стиль научного мышления. Он вначале, в первую очередь воспринимает на себя печать практики и только после этого переносит ее на конкретное знание.

Имея такого посредника, знание и практика становятся относительно независимыми друг от друга. Но и сам стиль научного мышления возникает и развивается на основе практики. На его генезис из практики, на его практическую природу указывали классики марксизма, подчеркивая, что субъект строит такой объект, который несет в себе черты субъективности как "определенность практикой". Все категории есть обобщение практики, абстрагирование ее всеобщего содержания. Так, К. Маркс пишет: "...что бы сказал старик Гегель, если бы узнал на смертном одре, что общее (Allgemeine) означает у германцев и скандинавских народов не что иное, как общинную землю, а частное (Sundre, Begondre) — не что иное, как выделившуюся из этой общинной земли частную собственность (Sonderei-gen). Проклятие! Выходит, что логические категории все же прямо вытекают "из наших отношений" (aus "unserem Ver-kehr")" (2).

Отражая всеобщее в жизни и практике, стиль научного мышления приобретает надтеоретическую функцию в науке и оказывается здесь системообразующим элементом-отношением.

Л и т е р а т у р а

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.46, ч.1, с.38.
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.32, с.45.

ПРОБЛЕМА АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ОБЪЯСНЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ПОЗНАНИЯ.

А.А. Порк /Тарту/

Проблема сравнения адекватности альтернативных исторических объяснений (I) почти не исследована в методологии

истории. Имеется лишь несколько публикаций, в которых рассматриваются различные аспекты этого вопроса (2). Вместе с тем, проблема выбора и сравнения исторических объяснений служит хорошим примером социальной детерминации процесса познания в исторической науке.

Проблема сравнения исторических объяснений может быть рассмотрена на нескольких уровнях. Во-первых, любое сравнение исторических объяснений имеет место в определенной социально-культурной ситуации, специфика которой определяется типом т.н. социальной памяти (мы пользуемся здесь понятием социальной памяти, введенным Я.К.Ребане (3)). Во-вторых, процедуру сравнения исторических объяснений можно рассматривать на уровне конкретной познавательной ситуации в исторической науке. Социальная детерминация познания на этом уровне проявляется прежде всего через принцип партийности. В-третьих, процедуру сравнения можно рассматривать на уровне гносеологической и логической структуры, рассуждения историка, сравнивающего альтернативные объяснения. Эвристически наиболее интересным представляется вопрос, как историки утверждают, что одно объяснение лучше другого. Видимо, существует много типов такого утверждения. Рассмотрим лишь два из них. Структуру рассуждения историка попытаемся передать в виде логико-гносеологических схем.

Первая схема связана с выпадением одного объясняющего фактора и с появлением нового:

(C1) Историческое объяснение $\exists I$ (A , потому что x) объясняет A лучше, чем историческое объяснение $\exists 2$ (A , потому что y), потому что с достаточной вероятностью можно сказать, что x существовал и что y не существовал.

Можно предложить также различные модификации (C1), например:

(C1a) Историческое объяснение $\exists I$ (A , потому что x) объясняет A лучше, чем историческое объяснение $\exists 2$ (A , потому что y), потому что с достаточной вероятностью можно сказать, что x и y существовали и что y не существовал.

Вторая схема связана с ситуацией, когда то, что факторы x и y реально существовали, не вызывает сомнений, но тем не менее историк думает, что через x объяснение дается лучше, чем через y ;

(C2) Историческое объяснение $\exists I$ (A , потому что x) объясняет

А лучше, чем историческое объяснение Э2(А, потому что у), потому что х является более существенным фактором, чем у, потому что Э1 делает ссылку на обобщение Г1 и Э2 делает ссылку на обобщение Г2 и Г1 лучше подтверждена историческими примерами, чем Г2.

Естественно, возможны и модификации (С2).

Примером (С1) может служить рассуждение: "То, что датским феодалам удалось завоевать Северную Эстонию в XIII в., объясняется не тем, что их поддерживало местное христианское население города, который стоял на месте нынешнего Таллина, а тем, что завоеватели имели перевес над эстонскими племенами в военной технике и в организации, поскольку никакого христианского населения на этом месте, по всей вероятности, не существовало".

Примером же (С2) может служить рассуждение: "То, что немецким феодалам удалось завоевать Южную Эстонию в начале XIII-го века объясняется не тем, что эстонцы были язычниками, а немцы христианами (примеры монгольского вторжения в Россию, поражения немецких феодалов в Литве и др. совсем не подтверждают вывод о том, что в случае конфликтов победа в средние века всегда доставалась христианским народам), а тем, что эстонцы, в отличие от литовцев и монголов, не имели относительно централизованной государственной власти (а вышеуказанные примеры показывают, что в случае конфликтов в средние века сторона с более централизованной государственной властью имела больше шансов на победу)".

Схемы (С1) и (С2) можно рассматривать как шаг в сторону создания типологии приемов опровержения и выбора исторических объяснений.

Л и т е р а т у р а

1. Критический анализ немарксистских концепций исторического объяснения см. в кн.: А.А.Порк. Историческое объяснение. Таллин, 1981, 243 с.
2. См., напр.: Martin R. Beyond Positivism: A Research Program for the Philosophy of History. - "Philosophy of Science", 1981, vol.48, pp.112-121; Martin R. Causes, Conditions and Causal Importance. - "History and Theory", 1982, vol. 21, pp.53-74.

3. См., напр.: Я.К.Ребане. Принцип социальной памяти. — "Философские науки", 1977, № 5.

ПРОБЛЕМА И ЕЕ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ.

Г.И. Ермолаева /Томск/

Рассмотрение вопроса о гносеологической роли проблемы в историческом исследовании представляется актуальным ввиду неразработанности этой темы в советской методологии истории и необходимости критики буржуазной философии, поскольку некоторые ее направления, в частности такие, как "исторический конструктивизм", признают важную роль проблемы в историческом познании, однако в результате отрыва субъекта от объекта активность историка в постановке и решении ее оказывается недетерминированной объективными условиями (1).

При разработке этого вопроса в марксистской методологии истории необходимо сосредоточить внимание на раскрытии объективных основ постановки проблем, их социально-практической обусловленности, гносеологической роли, которую они выполняют в исследовании. В советской литературе по методологии истории нет специальных работ по этому вопросу: о необходимости анализа категории проблемы либо не упоминается вообще, либо этот момент только констатируется (2). В силу этого категориальная цепь исторического познания: источник-факт-теория является, на наш взгляд, недостроенной, поскольку не позволяет адекватно отразить единство творчества и отражения, активность субъекта в познании. Поэтому эту категориальную цепь надо дополнить категорией "проблема".

Проблема является динамическим компонентом познания, характеризующим его движение от менее полного, менее точного к более полному и точному знанию. "Проблема — это такая разnovидность вопроса, ответ на который не содержится в накопленном обществом знании" (3).

Объективным основанием проблем являются противоречия между субъектом и объектом в практике и познании. Проблемы выдвигаются историком, во-первых, на основе осознания внутритеоретических потребностей: в результате фиксации несовер-

ценства, противоречивости имеющейся теории, либо в результате обнаружения новых фактов, требующих пересмотра теории. Так, историк первобытного общества Морган, изучая индейцев, в XIX в. выявил факты, противоречащие утвердившейся в то время теории Мак-Леннана, что привело его к новой постановке проблемы развития первобытной семьи (4). Во-вторых, и в главных, основой выдвижения проблем в истории выступают потребности практики. Специфика проблем в истории заключается именно в характере влияния запросов общества на познание. История выступает самосознанием общества; практика социальной жизни требует обращения к прошлому, знание которого становится важным фактором преобразующей деятельности людей в настоящем.

Причем различные классовые силы используют знание прошлого для защиты отстаиваемой ими тенденции развития общества. Так, в условиях распада колониальной системы и выбора развивающимися странами пути развития вновь стала актуальной, политически острой проблема генезиса капитализма.

Проблема нам не "дана", как элемент "третьего мира" Поппера. Сама постановка проблемы есть сложный процесс выявления и аккумуляции информации, состоящей из философско-методологических, теоретических знаний, эмпирических данных (5). Причем, чем сложнее проблема, тем более творческим по своему характеру выступает этот процесс. Так, если в одном случае постановка проблемы будет означать включение нового явления в имеющуюся систему знания на основе существующего категориального строя науки, то в случае наиболее высокой степени проблемности этот процесс будет означать преобразование самой категориальной структуры. К.Маркс, поставив глобальную проблему объяснения общественной жизни на основе определяющей роли материального производства и классовой борьбы, преобразовал тем самым существовавшую парадигму.

Проблема аккумулирует, "стягивает" информацию, необходимую для ее решения и задает направление исследования. Успех работы историка будет зависеть не только от наличия источников, но и в не меньшей степени от четкого осмысления задачи. Академик Н.М.Дружинин в этой связи подчеркивал, что историку не следует спешить в архивы, прежде чем он основательно не продумает проблему, изучит существующие публикации

и т.п. : "только тогда исследователь хорошо знает, что именно он должен искать и в каком направлении он должен осмысливать новый, еще нетронутый материал" (6).

Проблема задает критерий отбора источников; далее, на основании ее происходит расчленение источника, извлечение информации и формирование фактов. И в зависимости от проблемной установки эта информация будет различной. На основе проблемы формируется гипотеза, причем последняя не снимает первую. Иными словами, эти две категории не рядоположены : гипотеза развивается в рамках проблемы, на основе ее, противоположна ей как ответ на вопрос.

В ходе исследования проблема развертывается в серию вопросов, более "частая" сеть которых позволяет извлечь больше информации. Византинист А.П.Каждан, анализируя собственный исследовательский процесс, отмечает, что когда он подошел второй раз к прочтению "хроники" Н.Хониата на основе более детально разработанной проблемной установки, то сделал " в пять, если не в десять раз больше выписок. И это не потому, что в первый раз я был невнимателен, — нет, появились новые аспекты, новые углы зрения" (7). Происходит обоюдное влияние: проблемы на эмпирический материал и фактов, которые, как известно, являются "упрямой вещью", на проблемную установку. Новые, противоречащие последней факты могут уточнять и даже полностью изменять ее.

Таким образом, проблема играет важную организующую и направляющую роль в работе историка. Хорошо об этом сказал Е.Топольский: "Из отдаленных от нас по времени источников мы сможем добыть больше информации только при том условии, если сумеем поставить соответствующие вопросы" (8). Отсюда вытекает необходимость для историка рефлексии над процессом постановки проблем, постоянного овладения теоретическими и методологическими знаниями.

Л и т е р а т у р а

- I. Goldstein L. Historical Knowing. Austin-London, 1976.
- Weinrub E. Construction vs. Discovery in History. In: "Philosophy and Phenomenological Research" Buffalo, 1978,

2. Исключение составляет работа Э.Н.Лооне "Современная философия истории". Таллин, 1980, где данному вопросу уделено определенное внимание.
3. Жариков Е.С. Гносеологический анализ научного поиска. Киев, 1967, автореферат диссертации д.ф.н., с.8.
4. Энгельс Ф. Предисловие к 4 немецкому изданию 1881 г. "Происхождение семьи, частной собственности и государства". Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произв., 1981 г., т.3, с.221-222.
5. Карпович В.Н. Проблема, гипотеза, закон. Новосибирск: Наука, 1980, с.51.
6. Дружинин Н.М. Воспоминания и мысли историка. М.: Наука, 1967, с.90.
7. Каждан А.П. О работе историка: путь исследования. - Вопросы истории, 1968, № II, с.III.
8. Топольский Е. О роли внеисточникового знания в историческом исследовании. - Вопросы философии, 1973, № 5, с.82.

ДИАЛЕКТИКА ЭМПИРИЧЕСКОГО И ТЕОРЕТИЧЕСКОГО УРОВНЕЙ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

Ю.В. Петров /Томск/

Общественно-историческая практика определяет весь процесс исторического познания, поскольку гносеологические объект и субъект оказываются лишь сторонами объекта и субъекта практической деятельности, их функциональным отношением по преобразованию мира - природы и общества. Постановка проблемы, выбор предметной области исследования, интерпретация фактов прошлого, структура теории и т.д. во многом определяются запросами настоящего - практикой современного общественного развития.

Закономерное развитие исторической науки осуществляется через переход от эмпирического уровня познания к теоретическому. Единство их состоит в том, что эти уровни опосредованы социальной практикой и языком. Качественные различия этих уровней обусловлены различной способностью проникновения в сущность изучаемых явлений, методами, применяемыми в историческом познании, различной постановкой целей при воспроизведении прошлого.

Между эмпирическим и теоретическим уровнями существует взаимодействие, которое может принимать форму диалектики факта и теории в историческом познании. Антиномичность проблемы фактического и теоретического знания порождает в историографии и истории философии различные представления об их взаимосвязи. Абсолютизация дискретности фактов характеризует позитивистскую гносеологию (Ш.Ланглуа, Ш.Сеньобос), точку зрения западногерманских методологов науки (Р.Гумпсенберг, Т.Шидер), растворение факта в интерпретации, разрушение его инвариантности оценкой, контекстом, схемой — особенность философии жизни (Ф.Ницше, А.Бергсон), неокантианства (Г.Риккерт, В.Виндельбанд), критической философии истории (А.Марру, Э.Карр, Ст.Хьюз, А.Стерн и др.), "реалистической" философии Т.Куна и П.Фейерабенда.

Вопрос о связи факта с теорией можно решить только при правильной постановке проблемы соотношения творчества и отражения в научном исследовании. Научный факт невозможно выделить без теоретических предпосылок (творческая деятельность субъекта). Научная теория формируется в процессе описания эмпирических данных, каковыми являются факты (принцип отражения).

Зависимость факта от теории обусловлена, во-первых, тем, что всякое познание основывается на определенных предпосылках. Это свидетельствует, в свою очередь, о его общественной природе и невозможности противопоставления индуктивного и дедуктивного методов. Субъект-индивид всегда включен в мир социальной культуры; язык, система познавательных действий, стиль мышления и т.д., которые он использует, во многом влияют на понимание объектов, подлежащих изучению. И как бы ни казалось, что субъект самостоятельно формирует представление об объектах в процессе накопления опытных данных (индукция), на самом деле он руководствуется общей схемой, т.е. теми понятиями, сквозь призму которых постигается действительность (дедукция).

Обусловленность научного факта теорией вытекает, во-вторых, из функциональной природы процесса познания; факт функционален по своей сущности. Теория может рассматриваться в качестве факта, если она включается в теорию более высоко-

го уровня общности. В свою очередь, факт может стать теоретическим знанием, если его построение осуществляется теоретическими средствами.

Вторая сторона диалектического взаимодействия факта и теории в историческом познании раскрывает зависимость теории от фактического материала. Общие выводы, принципы и законы, которые синтезируются центральной идеей в той или иной теории, есть результат анализа и обработки класса однородных объектов, дающих необходимый исходный материал в виде научных фактов. Факт определяется теорией, но и теория есть результат обобщения совокупности фактов. Факт и теория — это противоположности, которые не могут существовать друг без друга.

ИСТОРИЧЕСКОЕ АПРИОРИ И СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПОЗНАНИЯ (К КРИТИКЕ КОНЦЕПЦИИ
"АРХЕОЛОГИИ ЗНАНИЯ" М. ФУКО).

А.Н. Роджеро /Одесса/

I. Обнаруженный и теоретически зафиксированный марксизмом факт социально-исторической детерминации познания прямо или косвенно определил появление этой темы в буржуазной философии и социологии. В качестве своеобразного рефлекса этого радикального по значению теоретического открытия Маркса можно было бы указать на появление этой проблемы в философско-исторических построениях О.Шпенглера, философско-феноменологической концепции "жизненного мира" Э.Гуссерля, философской антропологии М.Шелера, социологии знания М.Вебера и К.Мангейма, экзистенциальной философии К.Ясперса и М.Хайдеггера, социальной философии Франкфуртской школы. В последнее время стала известной концепция, которая также может быть включена в этот ряд, — речь идет об "археологии знания" французского структуралиста Мишеля Фуко (I). Эта концепция заслуживает, на наш взгляд, детального аналитического исследования и критической оценки по двум основным причинам. Во-первых, в отличие от вышеназванных концепций (за исключением, пожалуй, Франкфуртской социологической школы), концепция М.Фуко в большей мере учитывает теоретические разработки марк-

сизма, хотя степень выраженности этого обстоятельства, разумеется, не следует переоценивать. Во-вторых, опять-таки в отличие от большинства вышеназванных концепций, М.Фуко осуществляет свой анализ проблемы социально-исторической детерминации познания не только на абстрактном категориально-метафизическом уровне (как, например, М.Шелер или М.Хайдеггер), но и опирается в своих построениях и выводах на достаточно большой массив историко-научных фактов из области естественных и социальных наук.

2. Мы обратили внимание лишь на один, но существенный пункт теоретической концепции Фуко, связанный с используемым им в своих историко-культурных и историко-познавательных построениях теоретического конструкта, выражаемого понятием эпистемы. Говоря об "эпистеме", Фуко имеет в виду некоторую историческую конфигурацию мысли, которая делает возможным постановку определенных проблем и сказывается на характере их разрешения. "Эпистема" представляет собой вид исторического бессознательного, составляющего фон и внутреннюю возможность определенного способа философского и научного анализа, и выступает, таким образом, в качестве априорных моментов позитивного научного решения различных формулируемых в философии и науке проблем.

3. Теоретический смысл вводимой М.Фуко конструкции эпистемы не совпадает со смыслом таких уже известных теоретических понятий, как "дух", "душа", "бессознательное", "жизненный мир", "трансцендентальное априори", "парадигма" и т.д. В отличие от бессознательного в психоанализе, эпистема характеризует не индивидуальную психику и сознание (как у Фрейда) и не коллективное бессознательное (как "архетипы" Юнга), представленное в индивидуальной психике; бессознательный характер эпистемы скорее подобен нерефлектированным исходным постулатам, абстракциям, допущениям и аксиомам, составляющим основания позитивного научно-теоретического знания до этапа его аксиоматизации. Существенно и отличие типа априорности, которому принадлежит "эпистема", от априоризма кантовского типа, которое выражается прежде всего в том, что натуралистичность априори у Канта заменяется историчностью у Фуко.

4. Позволяет ли понятие эпистемы решить проблему соци-

ально-исторической детерминации познания? Ответ на этот вопрос может быть только однозначным и отрицательным, поскольку в концепции М.Фуко не реализуется изначальное условие всякого детерминистического описания — установление связи состояний изучаемого объекта. Вопрос о переходе от одной эпистемы к другой в рамках рассматриваемой концепции, собственно говоря, не анализируется: мы не обнаруживаем у Фуко каких-либо указаний на связи функционирования, причинности, развития, определяющие складывание эпистем и их смену. Эпистемы, как будто, являются выражением игры стихийных сил культурной жизни и определяются констелляцией различных мыслительных образований. Возможно это и соответствует замыслу автора — построить концепцию "археологии знания", — и все же это никак не меняет того обстоятельства, что эта концепция не может выступать как "генеалогия знания". Могут заметить, что это и не входило в намерения автора, но в таком случае следует признать, что разрабатываемая Фуко "археологическая" концепция не решает основной для социально-исторического исследования проблемы — проблемы социальной детерминации познания.

5. С позиций марксистского историзма понятию эпистемы можно противопоставить понятие культурно-исторического способа мышления. В основу культурно-исторической теории знания марксизм кладет теорию форм культурно-исторической теории знания общественного производства, "которое определяет место и влияние всех остальных производств и отношения которого поэтому точно так же определяют место и влияние всех остальных отношений. Это — то общее освещение, в сферу действия которого попали все другие цвета и которое модифицирует их в их особенностях. Это — тот особый эфир, который определяет удельный вес всего того, что в нем имеется" (2). Именно исторический способ общественного производства выступает предельным основанием, на котором формируется исторически определенный способ мышления и который очерчивает внешние границы, возможности и конфигурацию мыслительной раскладки, составляющей условие и предпосылку научного знания и культурно-исторического сознания.

6. В качестве методологической конкретизации теории со-

циально-исторической детерминации познания в рамках марксистского историзма может быть использовано понятие внутренней исторической формы мышления. Под внутренней (исторической) формой мышления мы понимаем характерные для тех или иных исторических эпох мысли, представления о субъекте познания и творчества и его позиции в универсуме. В основе внутренней формы мышления всегда лежит определенная схема субъектно-объектных отношений. Историческая форма мышления выступает тем опосредующим звеном и формообразующим фактором, посредством которого осуществляется социально-историческая детерминация формами социального производства других (духовного и пр.) видов производства.

Л и т е р а т у р а

1. Foucault M. Les mots et les choses. — Р., 1966 ; рус. пер. Фуко М. Слова и вещи. — М.: Прогресс, 1977. О месте идеи М.Фуко во французском структурализме см.: Автономова Н.С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках. — М.: Наука, 1977.
2. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-ое изд., т.46, ч.1, с.43.

ПРИНЦИП ПАРТИЙНОСТИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ.

В.С. Егорова /Москва/

1) Марксистско-ленинский принцип партийности в познании означает оценку общественных явлений с позиций классовых интересов, сознательное проведение последних в практике. Это определение отражает, на наш взгляд, тесную связь различных аспектов марксистско-ленинского принципа партийности: социологического, гносеологического, аксиологического и идеологического (политического).

Принцип партийности играет важную роль в научном познании, но в силу специфических особенностей истории как науки, партийность буквально "пронизывает" весь ход исторического исследования и оказывает значительное влияние на его резуль-

тат, способствуя (или препятствуя) получению истинного знания о прошлом человечества.

2) Специфика исторического познания определяется, в первую очередь, спецификой своего предмета – "прошлого", отнесенной нерасчлененностью субъекта и объекта, самопознанием субъекта в процессе изучения истории. Надо также подчеркнуть роль творческой активности субъекта в истории, которая тоже "многослойна": можно говорить об активности субъекта – историка, объекта познания – исторической личности и, наконец, автора письменного источника – посредника. Именно активность субъекта в истории предопределяет возможность достижения истинного знания в исследовании по гражданской истории.

Историческая истина – субъективный образ объективного исторического процесса – достигается при воссоздании (реконструкции) процесса общественно-исторического развития через индивидуальное мышление историка, формирующееся под влиянием его интересов, целей, мировоззрения, социально-классовой позиции, наконец, его профессионального мастерства и культурного уровня. Особо важное место в процессе достижения истинного знания в историческом исследовании принадлежит классовой позиции ученого.

3) Принцип партийности как бы детерминирует весь процесс исследования по гражданской истории, он также "многослоен" – субъект познания (историк) ведет научный поиск, исходя из классовой позиции, объект познания – историческая личность – действует на основе своих классовых интересов, наконец, автор письменного источника (посредник), как правило, интерпретирует исторические события, поступки исторической личности и т.д. в интересах своего класса. Причем партийность объекта познания зачастую не совпадает с партийностью субъекта (историка) и партийностью исторического источника (письменного). Это необходимо принимать во внимание в процессе критики, оценки исторических источников.

4) Марксизм-ленинизм не отрицает, что принцип партийности в познании означает, что понятие истины относительно. Основа единства партийности и научности – совпадение интере-

сов пролетариата с объективным ходом общественно-исторического развития, гносеологическая ориентация субъекта коммунистической партийности на максимально достоверное знание. Критерием научности, объективной истинности в науке является для марксиста практика. Историк, следуя марксистско-ленинской методологии, руководствуясь ее теоретическими предпосылками, может наиболее верно, объективно, истинно реконструировать процесс общественно-исторического развития. Идеологи антикоммунизма, превратно истолковывая факты, обвиняют марксизм-ленинизм в догматизме и субъективизме (см., напр., работы И.Фетчера, Э.Фишера и др.). Однако марксизм-ленинизм вовсе не претендует на открытие каких-то "вечных", "абсолютных" истин, дело в том, что пролетариат, поскольку направление общественного развития совпадает с его классовыми интересами, и его авангард — коммунистическая партия — имеют в современных условиях наибольшие познавательные возможности, наибольшую гарантию истины, а главное, кровно заинтересованы в истинном отражении действительности.

Л и т е р а т у р а

1. Маркс К., Энгельс Ф., Соч., изд. 2, тт. I, 3, 2I, 23, 26, ч. II, 37, 38.
2. Ленин В.И. Полн. собр. соч., тт. I, 3, 4, I7, I8, 20, 23, 24, 25, 29, 3I, 33, 50, 54.
3. Егорова В.С. Проблема факта в историческом познании, — "Вестник МГУ", сер. философия, I976, № 5.
4. Егорова В.С. Процедура реконструкции в исследованиях по гражданской истории. В сб.: "Тезисы докладов межвузовской научной конференции "Современные проблемы философии истории". Тарту, I979.
5. Fetscner I. The young and the old Marx. — "Marx and the western world". Ed. by N. Lobkowicz. Notre-Dame, Indiana, 1967.
6. Fischer E. Kunst und Koexistenz. Hamburg, 1966.

ПОНЯТИЕ "ЗАКОНА" И ОТРИЦАНИЕ ВСЕОБЩЕГО ДЕТЕРМИНИЗМА В ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ Г. РИККЕРТА.

А.А. Телунц /Ереван/

Критика философами-марксистами буржуазной философии, исходя из основных положений и принципов диалектического и исторического материализма, дает возможность по-новому осмыслить и понять, и в то же время "удержать" положительное в их учениях. В современной идеологической борьбе особую актуальность приобретают проблемы детерминизма, обоснование причинной обусловленности всех социальных явлений.

С этой точки зрения представляет значительный интерес изучение истоков и основных принципов баденской школы Г.Риккерта.

Проблема социального детерминизма самым непосредственным образом связана с проблемой закономерностей общественного развития. Отрицание законов общественного развития означает отрицание детерминизма. Поэтому следует обратить особое внимание на само понимание понятия закона, разрабатываемое Г. Риккертом, ибо именно в этом понимании наиболее полно проявляется его философский идеализм.

Согласно Г.Риккерту, закон не есть отражение реальных связей и отношений, объективным составом действительности, а априорные правила рассудка, формально-логический принцип, по которому "работает" данная наука. Ошибочное формально-логическое понимание закона как отвлеченного понятия исключает возможность его определения как целостности, где единичное выступает в единстве многообразного. Г.Риккерт характеризует закон именно исходя из суммативности понятий, не рассматривая явления и объекты как диалектику единичного, особенного, всеобщего.

Проблему исторических (общественных) законов Г.Риккерт решает в духе агностицизма и идеализма. В этом он исходит из основополагающего принципа своего учения о неповторимости и уникальности исторических явлений и событий. История, согласно Г.Риккерту, поле единичных, ничем не связанных событий, поэтому здесь нельзя установить какую-либо закономерность. А поскольку такая повторяемость невозможна, невозмож-

но установить причинные связи и отношения. Историческая причинность никогда не повторяется и ее особенностью является то, что ее результат никогда целиком не содержится в ее причинах. "Полная индивидуальная причинная связь, как и всякая полная действительность может быть переживаема или воспроизводима в воспоминании, но никогда не может быть прямо выражена научно" (I).

Исходя из своего противопоставления генерализирующего и индивидуализирующего метода, Риккерт утверждает, что эмпирическая действительность связана в единстве не через закон развития, а через соотношение к ценности. И только путем применения метода отнесения к ценности историческое понимание преодолевает как интенсивное, так и экстенсивное необозримое многообразие эмпирической действительности.

Л и т е р а т у р а

I. Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. СПб, 1902, стр.204.

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА НЕМЕЦКИХ ИСТОРИКОВ-МОДЕРНИЗАТОРОВ).

В.Д. Обоймова /Куйбышев/

Конкретно-научным материалом рассмотрения проблемы социальной детерминации исторического познания служат методологические и историографические сочинения одной из школ немецких историков конца XIX – начала XX века, известной под названием школы "модернизаторов". Проблемы, поднимаемые ими, выходят далеко за рамки исторической науки, требуя принципиального философского рассмотрения. Обращение к, на первый взгляд, узко-профессиональным дискуссиям историков начала века обусловлено еще и тем, что их содержание свидетельствует о глубоком кризисе, разразившемся не только, как об этом много и справедливо писалось, в методологических основаниях естественных наук, но и во всей системе социально-гуманитарного знания.

Глубокий кризис эпистемологических оснований всей сис-

темы исторического знания может быть понят лишь в общем контексте кризиса как тех "культурных очевидностей", которыми был ориентирован духовный горизонт традиционного буржуазного общества, так и сильнейших структурных перестроек внутри этой культуры. При рассмотрении ситуации, сложившейся в буржуазной историографии и методологии социального познания в начале века, нельзя ограничиться лишь чисто методологическим анализом, "...мы должны исходить из того, что для марксиста проблема мышления и познания представляет собой лишь часть более общего вопроса о процессе общественно-исторического развития" (I).

Если считать очевидным, что в начале века изменился характер требований, предъявляемых обществом к историческому и вообще — к социальному — знанию, то следует признать, что такого рода изменение отражает изменение: а) роли и функций историка и исторической науки в жизни общества; б) изменение характера самой исторической реальности, которая служит "объектом" изучения в исторической науке; в) изменение "субъекта" исторического действия. Все эти сдвиги, определяющие место исторической науки в системе современной буржуазной культуры, связаны с утратой обществом "классических" представлений о своем историческом развитии как прогрессе и выражаются в полном или частичном отказе от принципа историзма в историческом исследовании.

Анализ работ немецких буржуазных историков рассматриваемого направления позволяет убедиться, что несмотря на достаточно резко выраженное неприятие "метафизики" и всех "метафизических" проблем, историки, не отдавая себе ясного в том отчета, используют понятийный аппарат всей современной им буржуазной философии. Причем, хотя имеет место совмещение взглядов различных философских течений, вряд ли достаточно характеризовать это явление термином "эклектизм". В данном случае, буржуазная историческая наука стихийно, не задаваясь такой целью, демонстрирует глубинное единство, родство со всем множеством по видимости различных направлений буржуазной философии.

Буржуазный индивидуализм питает, хотя по-разному, циклическую онтологию модернизаторов и "самосознательную" мето-

дологию познания, выдвигаемую ими. Крах традиционного индивидуализма, переход к "массовому обществу", к положению, когда и историк, и любой другой ученый становятся служащими "индустрии сознания", теряя даже видимость "суверенности", лишаясь последних самоиллюзий "независимости" и "беспристрастности", переживается трагически, отождествляется с концом культуры, отливаясь в представление о скором завершении цивилизации, о цикле. Переход из положения "наблюдателя мира" в положение "претерпевающего мир", живущего в нем и испытывающего тяготы наряду с миллионами других лиц наемного труда оценивается буржуазными историками как предвестие гибели этого мира. Антидемократизм, аристократическая ностальгия по прошлому, ощущение необратимости и неизбежности происходящего, непрочности, двусмысленности собственной социальной роли — все это выражает крушение классического буржуазно-индивидуалистического начала и является одним из источников представления о том, что созданная людьми цивилизация, пережив детство, юность, зрелость, приходит к своему неизбежному концу.

И историки-модернизаторы, и буржуазные философы начала века отвергают философскую классику именно потому, что она, в особенности творчество Гегеля, уже содержит в себе, хоть и в мистифицированной форме, идею внеличностного мирового порядка, внеиндивидуальной деятельности. Буржуазная классика, в каком-то смысле — интеллектуальное предвестие той социальной реальности, живыми современниками и ярыми врагами которой стали историки рассматриваемой школы. Поэтому методологические установки исторического познания, выработанные модернизаторами, — лишь возврат к доклассическим, наивно-реалистическим принципам, возврат не конструктивный, а скорее — компенсирующий, духовное выражение той реакционной общественной позиции, которую заняли модернизаторы в самом историческом бытии. Постоянная апелляция к "фактам", "источникам", как показывает анализ, не только не решает проблему достоверности исторической концепции, но и поднимает еще целый ряд очень принципиальных вопросов, разрешение которых с методологических и мировоззренческих позиций, занятых модернизаторами, не представляется возможным даже им самим. Общий итог эпистемологических

поисков историков, даже по их собственному мнению, остается крайне неудовлетворительным, так как вместо ожидаемого укрепления концепции, усиления ее "объективности", становится очевидным ее крайний субъективизм и эмпиризм.

Л и т е р а т у р а

І. Мегрелидзе К.Р. Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси, 1965, с.348.

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В СОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 20-х ГОДОВ.

И.А. Исаев /Москва/

І. В начале 20-х годов значительную опасность для развития марксистского материалистического понимания природы и форм общественного сознания представляли механистические тенденции в философии и социологии. Идеиную базу для этих построений составил позитивизм махистского типа, активно пропагандируемый в советской литературе первых послереволюционных лет А.Богдановым, С.Мининым, Э.Енчменом и др.

Аксиологический аспект всякой идеологии рассматривался этими авторами как заведомое искажение социальной реальности. Подчеркивая наличие в различных идеологиях элементов должного, ценностных моментов, связанных с классовыми интересами, позитивисты настаивали на замене всяких идеологий положительным знанием. В их построениях весьма своеобразно сочетались идеалистический субъективизм и вульгарный социологизм. Так, А.Богданов, ставя в один ряд идеологические и материальные формы общественной жизни, полагал, что те и другие находятся в едином процессе "организационного приспособления", олицетворенного в социальном инстинкте. Согласно Богданову, и формы идеологии и формы техники имеют одинаково психический характер.

2.Позитивистские концепции идеологии (в том числе и правовой) были подвергнуты критике в работах философов-марксистов. В.В. Адоратский резко критиковал отождествление техники и эко-

номического базиса. Связь идеологий с экономическими отношениями также более сложна и диалектична, чем представляют позитивисты. Настаивая на материалистическом и историческом подходе к исследованию идеологии, В.В.Адоратский указывал на единственно объективный и адекватный способ познания. Прежде всего должно быть выяснено, "как складывались и развивались отношения неравенства, эксплуатации, власти". Затем исследователь должен установить "причины и условия идей, легших в основу той или иной идеологии". Наконец, определялся "сам ход развития идеологии в связи с теми общественными изменениями, под влиянием которых менялись и развивались идеологии" (I, с.209). Позитивистскому уравниванию материальных и духовных элементов марксистский исследователь противопоставляет научный метод исторического материализма.

Позитивисты в своем отрицании познавательной функции идеологии в обществе не выходили за рамки гносеологического подхода в оценке идеологии, игнорируя ее социологический анализ с точки зрения содержания идеологии, ее социальной функции, механизмов формирования и т.д. В общем, учитывая классовый характер любой идеологии, позитивисты оценивали его в качестве причины, деформирующей идеологическое познание, неправомерно противопоставляли идеологию науке. Поэтому большой заслугой В.В.Адоратского, как и других марксистов 20-х годов, является научно обоснованная, партийная критика позитивистских извращений характера и роли пролетарской идеологии.

3. Определенную роль в постановке проблемы идеологии как формы общественного сознания играли работы Г.Лукача, который в начале 20-х годов еще стоял на ошибочных идеалистических позициях. Исходя из правильной посылки, что преследование пролетариатом своих классовых целей есть вместе с тем сознательное осуществление объективных целей общественного развития, Г.Лукач неправомерно преувеличивал роль субъективного фактора в этом развитии. В его концепции мышление и бытие оказывались тождественными друг другу в том смысле, что они "суть моменты одного и того же реально-исторического процесса". Являясь результатом процесса развития в целом, классовое сознание, по Лукачу, в то же время есть единствен-

но активный фактор преобразования исторического процесса (2, с.181). Наряду с этим в работах Г.Лукача содержался ряд верных положений о диалектическом взаимодействии пролетарской идеологии (как единственно научной, объективно отражающей тенденции и пути общественного развития) и социального статуса пролетариата в обществе, о роли пролетарской партии, об особенностях буржуазного "идеологического" (т.е. искаженного) мышления и его отличия от пролетарского сознания.

4. Проблемы идеологии, затронутые В.В.Адоратским и сформулированные им в работах начала 20-х годов, широко обсуждались в советской литературе. Его идеи были поддержаны и развиты многими учеными-марксистами, в том числе и правоведами И.Разумовским, Ф.Корниловым, М.Рейснером и др. Поддержавший В.В.Адоратского в полемике по вопросу об отношении правовой идеологии к теоретическому знанию И.Разумовский обстоятельно развил идею обусловленности правовой идеологии системой экономических отношений. Правовые чувства и идеи возникают на почве определенных правовых отношений. Затем они бессознательно абстрагируются от этих отношений и складываются в логически замкнутую систему. Эта система проникнута определенным единством и отражает в весьма отвлеченной и отдаленной форме действительные экономические отношения. Волевые отношения (или "правовая структура общества", по Разумовскому) складываются как результат конкурирующих волей. В результате выявляется преобладание интересов одного класса над другим. Это находит отражение в "эмоционально мотивационных, идейных комплексах". Такой круг мнений и чувств, выражающих в завуалированной форме классовый характер, отливается в форму т.н. общей правовой идеи. Особенностью этой идеи является то, что господствующий классовый интерес предстает в ней как интерес общий, для чего становится необходимым связать эту идею с "общими воззрениями эпохи в других областях общественного сознания" (3, с.252, 257). Последнюю задачу выполняет особая группа теоретиков-идеологов. Они создают внутренне согласованную систему идей, отвлеченно, в правовой форме выражающую классовое умонастроение и интересы, т.е. правовую идеологию, содержащую наряду с элементами своего значительную примесь должного.

5. На идеологичность правового мышления указывал и Ф.Д. Корнилов. В юридико-догматическом мышлении право, идеологичное по своей природе, становится частной идеологией и утрачивает свою реальную материализованную сущность. Это мышление, по Корнилову, не интересуется вопросами социальной природы и исторического смысла данного правового института и правовой системы. Роль правовой идеологии сводится к стимулированию развития права. Это связано с тем, что последнее в значительной степени "явление не только социально-исторического, но и психологического порядка. Оно развивается в связи с развитием представления о должном" (4, с.18-19).

Психологические аспекты права постоянно подчеркивал и М.А. Рейснер. Согласно его точке зрения, правовая форма является лишь одним из способов представления, равнозначным другим способам. Право как одна из "идеологических форм" является в то же время формой осознания людьми конфликта между производительными силами и производственными отношениями (в периоды революций) или "освящения" существующих "нормальных" экономических отношений в обществе (буржуазное право) (5, с. 252-253).

6. Несмотря на определенные смещения, допускавшиеся авторами-марксистами 20-х годов в области собственно-правовой теории (отождествление права с правовой идеологией и т.п.), несомненной их заслугой явилось последовательное отстаивание научного характера пролетарской идеологии как специфической формы духовной деятельности, особым образом детерминированной условиями социального бытия людей.

Л и т е р а т у р а

1. Адоратский В.В. Об идеологии. "Под знаменем марксизма", 1922, № II-12.
2. Лукач Г. Материализация и сознание пролетариата. "Вестник социалистической Академии", кн. VI, 1923.
3. Разумовский Н. Сущность идеологического воззрения. "Вестник социалистической Академии", кн. IV, 1923.
4. Корнилов Ф. Проблема права и пределы юридического мышления. Саратов, 1929 г.

СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЙ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ
"ТРАНСРАЦИОНАЛИЗМА" А.Дж. ТОЙНБИ.

Ю.А. Бондаренко

Характерной чертой нашего столетия является тесное сплетение социально-этических и гносеологических проблем. Один из наиболее ярких образцов такого сплетения в современной буржуазной мысли дает творчество историка А. Тойнби, основной труд которого "Изучение истории", по мнению критиков, "породил больше дискуссий и размышлений, чем любая работа по истории в нашем столетии" (1;176).

Центральная проблема нашей эпохи виделась Тойнби в "расколе" между "сердцем и головой" (2;32). Расшифровывая эту мысль в своей статье "Вызов нашей эры", он писал: "Современный человек подобен подростку, вооруженному оружием взрослого человека, но не достигшему состояния ума этого взрослого. Он будет опасен для окружающих и еще более для самого себя до тех пор, пока духовно не вырастет настолько, чтобы соответствовать своему гигантскому техническому статусу. Но путь к духовной зрелости идет не сквозь науку, а сквозь религию." (3,р.24). Согласно Тойнби, религия, очищенная от архаических воззрений "традиционалистов", но признающая "трансрациональные" каналы постижения мира, призвана гармонизировать внутренний духовный мир личности и обеспечить интеграцию человечества в целом.

Одна из причин такого типичного для современной буржуазной интеллигенции обращения к религии заключается в крахе прогрессистских иллюзий тех, кто уповал на технику и развитие наук (прежде всего точных), как на регулятор и корректировщик социальных отношений, будто бы способный автоматически обеспечить прогресс человечества. Однако концепция Тойнби не сводится лишь к требованию более тесной связи научных поисков с совершенствованием этики и духовного мира человека. Он попытался по-своему осмыслить те гносеологические и связанные с ними психологические проблемы, которые были порождены самим развитием науки.

Среди широкого круга проблем, дающих пищу для концепций "нового рационализма", "трансрационализма" и т.д., можно выделить следующие: 1) Современная наука, современный человек имеют дело с миром, масштабы которого неизмеримо грандиозней, нежели тот мир, что представляли себе наши предки всего лишь несколько веков назад. Этот фактор, как писал в свое время еще русский религиозный мыслитель В.В.Розанов, заставил человека почувствовать себя ничтожным в расширившемся до подавляющих размеров мире; из чего делался вывод, что вернуть утраченный смысл жизни может лишь христианство (4, с.32, 44-45). Аналогичны и рассуждения Тойнби, согласно которым христианское учение о боговоплощении освобождает людей от ужаса перед чуждыми им демоническими силами космоса, уверяя их, "что, в силу Божьего страдания и смерти на этом бесконечно малом ступке пыли, вся Вселенная — теоцентрична" (1; 183).

2) Одно из побочных следствий развития науки в современную эпоху заключается в том, что появилась необходимость корректировать прежние представления о религии. В этих условиях, при отсутствии четких философских ориентиров, аналогичные тойнбианским поиски "ключа" от сути Реальности приводят зачастую к тем или иным модернизированным вариантам религии.

3) Следующая особенность развития современной науки — это бурный рост исследований в области психологии и, в частности, в той ее сфере, которая касается "подсознания". Идеалистическое истолкование данных открытий послужило основой "трансрационализма" Тойнби, цель которого достижение "джентльменского соглашения" между религией и наукой. Исходным пунктом рассуждений Тойнби было утверждение о том, что религия и наука призваны исследовать различные сферы бытия: первая — духовный мир человека, вторая — мир материальных предметов. Кроме того, по его мнению, религия и наука опираются на различные области человеческой психики (первая — на подсознание, вторая — на интеллект). Стремясь определить сферы рационального и иррационального и, в то же время, обосновать необходимость религии для углубленного познания мира и человека, он обратился к поискам третьего пути — среднего между рационализмом и откровенным иррационализмом.

Тойнби исходил из того, что "пределы" человеческой мысли заключены в неадекватности ее средств, ибо мысль дробит единую реальность, результатом чего является определенная степень искажения. Характеризуя разум как темное, но, тем не менее, незаменимое стекло, он одновременно настаивал на том, что "ячейки Разума могут быть заполнены иными средствами", а по сути мистическим опытом (5; 74,76). "Рационализму" он противопоставляет "трансрационализм" — учение, по которому человеческому разуму открывается лишь часть таинственной и бесконечной Реальности. С этой, трансрационалистической, точки зрения, Реальность выглядит подобно усадьбе со многими особняками, в число которых входят и сооружения нашего разума, отнюдь не занимающие доминирующего положения (5; 314). Иначе говоря, разум трактуется как лишь один, причем далеко не самый совершенный инструмент познания, а "трансрационализм" означает признание необходимости иных, сверхразумных, средств постижения мира.

Весьма показательно, что удельный вес гносеологической проблематики и философских размышлений, выходящих далеко за сферу собственно исторического знания, резко возрос именно в завершающих разделах "Изучения истории" и работах 60-х-70-х годов — к этому привел английского историка сам ход исследования. Не игнорируя злободневность и глубину затронутых А. Тойнби проблем, мы тем не менее не можем не отметить идеалистической основы концепции Тойнби и несостоятельность "трансрационализма", а также бесперспективность попыток примирения науки и религии, разума и религиозной веры.

Л и т е р а т у р а

1. God, History and Historians. — N.Y., 1977.
2. Toynbee A.J. Change and Habit. — L., etc., 1966.
3. New Frontiers of Knowledge. Washington. — 1957.
4. Розанов В.В. Место христианства в истории. — СПб., 1904.
5. A Study of History. — L., 1961, у. 12.

ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО КАК ФОРМА ЮРИДИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ.

И.Н. Грязин /Тарту/

1. Довольно трудной и в какой-то мере поныне однозначно нерешенной проблемой при анализе не- и домарксистских юридических концепций является их типология. Пестрота и мозаичность общей картины приводят к выводу, что принимаемая типология зависит и должна зависеть от конкретных задач данного исследования.

2. При традиционном подходе одно из наиболее влиятельных течений в истории политико-правовой мысли, т.н. естественно-правовая школа права, связывается с признанием ею некоего высшего, божественного, разумного, отвечающего природе вещей и человека, и т.п. права. Обычно полагают, что это направление связано с подъемом буржуазии в борьбе с феодальным правом, с переходом от религиозного мировоззрения к юридическому в Западной европейской культуре. Вся концепция естественного права оказывается сведенной к ее классической форме в эпоху Возрождения и философии французского Просвещения.

3. Этот подход нуждается, однако, в некоторых уточнениях, обусловленных тем, что:

а) следует признать, что естественно-правовые идеи существовали уже до указанного периода (Аристотель) и обладали содержанием, довольно отличным от классической концепции естественного права;

б) на современном этапе в немарксистской юридической науке происходит процесс возрождения естественно-правовых идей, которые также видоизменяют наше понимание этого течения в целом;

в) естественное право признавалось не только идеологами буржуазии, но и их противниками из лагеря абсолютистов (Шербагов, Гоббс). Теологическая юриспруденция представляла собой также разновидность естественно-правовой концепции.

4. История политико-правовой мысли приводит к выводу, что конкретное содержание естественно-правовых доктрин и их политический смысл довольно разнообразны и единственной основой выделения этого течения можно положить лишь признание

существования некоего права, не совпадающего с позитивным. Это право является воплощением некоего бытия, и н о г о по отношению к последнему — социальной истории, гипотетического естественного состояния вещей и человечества, иррациональной игры социальных сил и т.п.

В таком случае в рубрике "теория естественного права" (условно — T_2) оказывается не только естественно-правовая теория в классическом ее понимании (условно — T_1), но и, например, историческая и психологическая и др. школы (в период Возрождения T_2 приблизительно равно T_1 , хотя и здесь может быть наполнено различным политическим содержанием).

Представляя, что именно в таком широком смысле понимается теория естественного права в работе К.Маркса "Философский манифест исторической школы права", в которой концепция Гуго рассмотрена как разновидность естественно-правовой концепции.

5. Таким образом, характерной чертой T_2 является то, что она не есть лишь отражение действующего права, равное с ним по объему, а включает в себя и некий внешний контекст, являющийся онтологической основой права.

5.1. Следует признать, что определенная онтологическая основа признается и правовым позитивизмом. Но она признается лишь как аксиома, не подлежащая анализу — таковы понятия воли законодателя, деятельности правоприменителя и т.п.

6. При таком подходе обнаруживается, что естественное право (и соответствующее течение в целом) не является одной из школ наряду с другими, а представляет собой некую общую форму мышления о праве, смысл которого сводится к тому, что о нормах позитивного права мыслят в контексте некой иной содержательной нормативной системы. Оппозицией такому подходу оказывается правовой позитивизм как мышление в рамках позитивного права или лишь в контексте некой формальной нормативной системы (логики), а конкретные школы и направления представляются разновидностями этих двух общих направлений.

7. При таком подходе логично предположить, что как историческое чередование, так и формы сосуществования этих основных направлений отражают не только социально-политические и социально-экономические условия развития общества, но и саму

логику развития мышления о праве. Метафизичность подходов в современной буржуазной правовой литературе не допускает раскрытия их подлинной диалектики и обнаружения их качеств как форм юридического мышления, которое, как нам представляется, заслуживает специального внимания.

8. Таким образом, отстаиваемая здесь двойная классификация ("естественное право: позитивное право" и соответствующие концепции) имеет значение не столь для специального историко-правоведческого исследования, сколь является средством привлечения исторического материала для развития самой юридической науки как с целью обнаружения характерных черт этого процесса, так и целью осознания хотя бы некоторых внутренних моментов этого развития.

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ЭСТЕТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Л.Н. Столович /Тарту/

1. В комплексе научных дисциплин, изучающих социальную детерминацию познания, знания и сознания /I/, имеет свое место и эстетика, изучающая феномен эстетического сознания. Одним из важнейших факторов социальной детерминации эстетического сознания являются сами эстетические ценности, как возникающие стихийно в процессе общественно-исторической практики, так и сознательно создаваемые в различных видах человеческого творчества, в том числе художественного.

2. Важное значение аксиологического подхода в области эстетики заключается в том, что он дает возможность выявить специфические для эстетического сознания и искусства формы социально-исторической детерминации. Негативный опыт вульгарного социологизма показывает, к какому упрощенчеству приводит игнорирование сложнейшей трансформации социально-классовых отношений, преломленных через специфический для эстетического и художественного сознания мир ценностей и ценностных представлений.

3. Материалистическая интерпретация ценностного отношения человека к миру и такой его разновидности, как эстетическое отношение, в качестве необходимого условия предполагает выявление объективной детерминированности ценностного сознания. Ценности выражают объективную значимость предмета или явления для удовлетворения общественно необходимых человеческих потребностей.

4. В ценностном отношении необходимо различать объективную и субъективную стороны, бытие ценности, ценностное бытие, с одной стороны, и ценностное сознание в различного рода ценностных представлениях, ориентациях, оценках, нормах, идеалах, с другой. Конечно, и в самой ценности и в ценностном сознании проявляется диалектика субъекта и объекта, однако ценность при этом не перестает быть объективной, как и

сам процесс общественно-исторической практики, в котором она возникает и который она характеризует, ценностное же сознание субъективно, как всякое сознание. Бытие ценностей представляет собой общественную реальность особого типа, являясь продуктом практической деятельности людей, сложного переплетения объективных и субъективных факторов общественного развития, а порой и объективацию сознательных устремлений, как, например, в произведениях художественного творчества /2/.

5. Утверждение общественно-исторического характера ценностей, в том числе эстетических, отнюдь не предполагает их субъективизацию и вытекающий отсюда релятивизм. По словам К. Маркса, "общество не состоит из индивидов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых эти индивиды находятся друг к другу" /3/. Рассматривая общественные отношения как особый вид объективной реальности, К.Маркс считал недопустимым смешение понятий "общественное" и "субъективное", критикуя Прудона за то, что он "общественное" "называет субъективным, а субъективную абстракцию он именует обществом" /3/.

6. Различение объективной ценности и субъективного ценностного сознания чрезвычайно важно для выявления социальной детерминации сознания, в частности эстетического. Эстетическое сознание, очевидно, присуще человеческой индивидуальности и является ценностным по своей природе. Эстетические ~~взгляды~~ обусловлены непосредственно такими субъективными критериями оценочной деятельности, как вкус и идеал, содержащиеся в "индивидуальной памяти" человека. При этом следует иметь в виду, что "индивидуальная память" тоже социально детерминирована, однако эта детерминация ограничена общественно-историческими отношениями, в которых сформировалась данная личность и ансамбль которых составляет ее сущность. Общественно-объективные ценности предстают перед индивидом в качестве "социальной памяти" /4/ и выступают как фактор наиболее глубокой и широкой социальной детерминации сознания, ибо в ценностях "накоплена" информация о развивающихся в течение веков субъектно-объектных и личностно-общественных отношениях. Ценности, включенные в поле человеческой культуры, - это один из аспектов опредмеченной общественной информации, которая необходима для функционирования общественного орга-

низма, для социализации индивидов. В культурно-исторических ценностях перед человеком предстают в известном смысле различные общности людей - классы, нации и даже все человечество. Что касается ценностей эстетических, то они синтетичны по своей природе, включая в себя многообразные общественно-человеческие отношения, обладая комплексом различных значений, воплощенных в неповторимом своеобразии формы явлений.

7. Разумеется, научное постижение эстетических ценностей и ценностных отношений должно осуществляться во многих аспектах в соответствии с их синтетической природой: и гносеологическом, и социально-историческом, и социально-культурном, и психологическом, и теоретико-информационном, и семиотическом. Понимание их только как фактора социальной детерминации эстетического сознания не исчерпывает их специфической сущности. Вместе с тем, и без такого понимания невозможно прояснить их функциональные значения и роль в общественной жизни.

8. Исследование социальной детерминации человеческого познания и сознания, необходимо предполагающее изучение механизма ценностной регуляции процесса отражения, не может ограничиваться только научным знанием и не учитывать сферу эстетического сознания.

Л и т е р а т у р а

1. Социальная природа познания. Теоретические предпосылки и проблемы. М., 1979.
2. Столович Л.Н. Природа эстетической ценности. М., 1972; Stolowitsch, Leonid. Ästhetischer Wert und Wertbewußtsein. - Weimarer Beiträge, 1980, Heft 2.
3. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2, т.46, ч.1, с.214.
4. Ребане Я.К. Принцип социальной памяти. - "Философские науки", 1977, № 5.

КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

/К вопросу о социальной детерминации культуры/

Л.И. Новикова /Москва/

Логика развития мировой общественной мысли разворачивалась таким образом, что понятия "цивилизация" оказалось на периферии социально-философского знания как менее предпочтительный синоним "культуры" или производное от нее и антонимичное ей понятие, не имеющее практически своего содержания. Сложившаяся познавательная ситуация имеет научно-историческое основание. "Цивилизация" и "культура" - сопряженные понятия. Так они вошли в научно-философский обиход в середине XVIII в. Тогда же были предприняты первые попытки их разведения и определения. Однако с самого начала больше повезло культуре. Она сразу же стала предметом особого интереса философии, предоставившей ей сферу свободы человеческого духа и его ценностей. Цивилизация в этом контексте предстала как опредмеченное "омирщенное" инобытие духа, омертвляющее его. Дальнейшее развитие теории культуры происходило в системе этнографии, семиотики и целого ряда культурологических дисциплин, которые, изолировав свой предмет, перестали нуждаться в понятии "цивилизация". А между тем оно позволяет раскрыть социально-историческую определенность культуры, интенции и механизм ее прогрессивного развития, а также ее значимость в историческом процессе.

Сопряженность понятий "культура" и "цивилизация" предполагает необходимость разведения их референтных полей и определения самих понятий.

Под культурой будем понимать способ самореализации индивидов в обществе. Такое определение восходит к Канту и, в общем, отвечает современным научным интенциям. Оно может быть конкретизировано в соответствии с определенными аспектами исследования культуры как специфической технологии "адаптивно-адаптирующей" деятельности людей, как эксцеребральной памяти человечества, как совокупности и функционирования в обществе ненаследственной информации, как систем ценностей и ценностного поведения индивидов и т.п. Это не отрицает общей сути принятого нами определения культуры в том

случае, если выдвинутые интерполяции не абсолютизируются.

В современных марксистских концепциях культуры, как правило, подчеркивается, что культура, будучи собственно человеческим способом самореализации индивидов во внешнем мире, неотделима от человека по способу своего бытия и что именно человек является самоцелью развития культуры. Соглашаясь с этой посылкой, подчеркнем другой момент в ее определении: культура есть способ самореализации индивидов в обществе и потому она обусловлена как общими закономерностями его развития, так и специфическими закономерностями функционирования социально-исторических общностей определенного типа, к которым она причастна. И не только обусловлена. Общество на собственно историческом этапе своего развития осуществляет более или менее сознательный контроль и социальную ориентацию культурно-исторического процесса. Эта функция опосредствована цивилизацией и ее институтами.

В отличие от понятия "культура", "цивилизация", как уже отмечалось, не имеет сколько-нибудь определившегося контура значений. Чаще всего этот термин используется в неопределенно-феноменологическом смысле, характеризующем общественную жизнь и апеллирующем к пониманию. Цивилизацию противопоставляют культуре как сферу материальных благ сфере духовных ценностей, как внешне опредмеченную и рефлексивную форму непосредственно жизненному содержанию культуры. Представляется, что такая оппозиция имеет герметический характер, и потому ее познавательные возможности весьма ограничены.

Исходя из материалистического объяснения истории в качестве методологической предпосылки и учитывая как сложившиеся научно-философские традиции, так и современные данные гуманитарных наук, можно предложить следующее определение цивилизации, которое, будучи развернутым, позволит корректно объяснить социальную определенность культуры и ее относительную самостоятельность.

Цивилизация может быть определена как собственно социальная организация общественной жизни /общества/ и культуры, характеризующаяся всеобщей связью индивидов или первичных социальных образований на основе общественного интереса, возникающего в результате разделения и обобществления труда.

Цивилизация способна путем регулирования взаимного обмена деятельностью внутри сообщества и взаимодействия с окружающей, природной и социальной, средой повышать свою организованность и жизненный потенциал. Реальным базисом общественного интереса, обеспечивающим всеобщую социально-интегративную связь, стабильность цивилизации и ее способность к саморазвитию является общественное богатство, всеобщим источником которого, как известно, служат земля и сам человек как непосредственная производительная сила. Уровень развития и исторический тип цивилизации определяется характером связи этих основных источников общественного богатства, способом его обобществления и вытекающими отсюда целью и формами его реализации.

В организационном аспекте цивилизация может быть представлена как сложное многоуровневое и иерархизированное образование. В основе ее лежат первичные социальные общности, в лоне которых создается общественное богатство и формируется определенный тип социальных связей, воспроизводимый затем на более высоких уровнях социально-культурных образований.

Понятие цивилизации характеризует единство исторического процесса. Прежде всего, именно с момента цивилизации начинается собственно историческое развитие общества, как в том смысле, что общественная жизнь, ее устройство становится результатом сознательной деятельности людей, так и в том, что сами люди начинают осознавать свою историю с начала цивилизации. Выделение объективного экономического основания цивилизации, в качестве которого выступает общественное богатство, связывающее индивидов общественным интересом, позволяет понять цивилизацию как кумулятивный и одновременно стадийно-революционный процесс, три основные стадии которого - докапиталистическая, капиталистическая, коммунистическая - определяются сменой основных /базисных/ типов общности - земельная община, товарные отношения, ассоциации свободных производителей - и соответствующих им форм богатства - натуральная форма богатства, капитал, богатство в его непосредственно всеобщей форме. Каждая из этих стадий обладает относительной устойчивостью, способностью к самовоспроизводству или саморазвитию. Поэтому каждая из них может быть рассмотрена как исторический тип цивилизации, который определяет социа-

льную структуру общества, закономерности ее функционирования и саморазвития, а следовательно, характер социальной организации, функционирования и развития культуры.

Культура старше цивилизации и в определенном смысле является ее предпосылкой. Для возникновения цивилизации потребовался определенный уровень культурного развития человечества, но достигнув этого уровня, само развитие культуры становится возможным только посредством цивилизации. Именно цивилизация придает культуре продуктивный и всеобщий, в абстракции, характер, делая ее идеи и ценности предметом рефлексии, нормализации, объективации и тиражирования. Тем самым цивилизация выводит культуру за пределы общностей контактного типа, обеспечивает ее функционирование во всем цивилизованном мире. Путем накопления, воспроизводства и перераспределения богатства цивилизация приобретает возможность направлять его в ту или иную сферу человеческой деятельности в соответствии с интересами, подлинными или мнимыми, общества и тем самым стимулировать интенсивное развитие культуры в этой и сопряженных с ней сферах. На стадии цивилизации происходит обособление культуры в относительно автономную область духовного производства с последующим разделением труда внутри него. Это способствует прогрессивно бурному развитию различных отраслей культуротворческой деятельности и их массового воспроизводства за счет отыскания и совершенствования собственных технологий и накопления ценностей.

Таким образом, цивилизация определяет прогресс культуры, но тем самым и ограничивает его. Культура не отделима от человеческой деятельности, от самих индивидов и, следовательно, ее прогресс обусловлен их участием в культурно-исторической деятельности. Однако степень и характер этого участия определяет цивилизация как собственно социальная организация целостности общественной и культурной жизни людей. В абстракции можно выделить динамику исторических типов такого участия: ориентация на традиционные формы культуры, цивилизация при этом берет на себя функцию их идеологизации и централизации; активизация культуротворческой деятельности ограниченного круга свободных индивидов путем ее материального обеспечения за счет отчуждения от культуры основной массы

производителей, занятой исключительно физическим трудом; выделение особого духовного сословия, которое берет на себя функцию производства культурных ценностей и социального контроля за стихийной культуротворческой деятельностью масс; потребительское отношение масс к культуре, которое задает и формирует буржуазная цивилизация; приобщение всех трудящихся масс к непосредственному участию в культурном строительстве как предпосылка и цель коммунистической цивилизации,

Предоставляя культуре относительную автономию, цивилизация ждет и требует от неё легитимации социального целого путем его идеализации, т.е. перевода в идеальный и идеализированный план реальных социальных отношений, и нормализации поведения индивидов в соответствии с принятыми идеалами и ценностями. Средством социальной ориентации культуры и ее подчинения интересам целого /при этом классовое содержание этого целого в антагонистических цивилизациях имеется в виду/ становится ее институализация на уровне профессиональной деятельности. Однако за пределами социальных институтов культуры всегда остается обширная область неорганизованной культуротворческой самодеятельности масс и различных творческих союзов. Она служит постоянным потенциальным источником саморазвития культуры, создавая условия для внутренней динамики идей, ценностей, идеалов различных социальных групп. Наряду с этим и на этой основе идет скрытый инкубационный процесс концентрации ожиданий, чувствований, творческих потенций, который при определенных условиях может породить мощный взрыв продуктивных идей /инноваций/. При этом в отношениях цивилизации и культуры возникают сложные коллизии. Новый комплекс идей вызревает в социальных условиях, заданных развивающейся цивилизацией, но, как правило, их содержательный потенциал далеко выходит за границы ее осознанных потребностей. Стабильность цивилизации обусловлена ее способностью переводить деструктивное воздействие подобных флуктуаций в безопасное русло. В этом плане "работает" и механизм амбивалентности культуры. Жизненность, внутренний динамизм зависит от ее способности подчинять гетерономность культурных инноваций и идеалов алгоритму своего основного развития. Но только отношение к инновациям своей и инородной культуры как к источни-

ку собственного развития определяет открытый прогрессивный характер цивилизации, в том числе и в ее отношении к культуре.

О СОЦИАЛЬНЫХ КОРНЯХ НАЦИОНАЛЬНОГО

В.Г. Хорос /Москва/

1. Принято различать социальные и национальные аспекты общественной мысли и общественных движений. И на это есть свой резон: национальное не сводится полностью к социальному, оно имеет и свои, лишь ему присущие внутренние пружины и собственное поле деятельности в сфере политики, экономики или культуры. Вместе с тем национальное всегда тесно связано с социальным. Так, буржуазный национализм европейских стран /Англии, Голландии, Франции/ XVII-XIX вв. был порожден экспансией подымающегося мирового капитализма вовне, его стремлением к колониальным рынкам. Национальные /в том числе националистические/ течения в странах, отставших в социально-экономической эволюции, - для XIX в. укажем, например, на Россию и некоторые восточноевропейские страны, а сегодня - на многие афро-азиатские и латиноамериканские государства, нацелены на решение объективных проблем общественного развития.

Уже эта дифференциация /а она, естественно, не является исчерпывающей/ свидетельствует о том, что понятие национализма вряд ли имеет смысл трактовать однозначно, что порой делается в нашей литературе - как нечто сугубо реакционное, узкое, ограниченное и т.д. Все зависит от того, какие исторические устремления выражает то или иное националистическое течение, выражением каких классов оно служит, является оно консервативным или революционным, а кроме того, насколько оно в своей идейной эволюции сумеет сбалансировать элементы локального и универсального, национального и интернационального.

2. Характерным проявлением националистических тенденций в нынешних развивающихся странах являются популистские течения /или течения народнического типа/. В них наличествует как осознание национальной отсталости, так и ее своеобразная идейно-культурная компенсация, и одновременно - ориен-

тация на преодоление обществом этой отсталости. Какими путями? Во-первых, - через ликвидацию докапиталистических методов эксплуатации, мешающих обществу традиционных пут. Это демократическое ядро В.И. Ленин, как известно, специально выделял еще в русском народничестве. Демократические задачи решают и современные популистские течения в развивающихся странах.

3. Во-вторых, средством преодоления общественной отсталости становится идея некапиталистического развития, "национального социализма". Это хорошо видно еще на примере "русского социализма" А.И. Герцена и Н.П. Огарева - родоначальников **народничества** в России. "Русский" или "крестьянский социализм" сформировался в контексте поисков национального сознания 30-40-х гг. XIX в. /П.Я. Чаадаев, **славянофилы**, В.Г. Белинский и др./. Тогда, после поражения декабристов, выяснилось, что чисто просветительский подход к решению национальных проблем, т.е. прямое перенесение буржуазных политических форм на российскую почву, невозможен, - поскольку народная масса, как писал А.И. Герцен, "не солидаризуется с меньшинством", т.е. дворянской верхушкой; объективно готовой к переходу на рельсы буржуазного развития путем перенимания западных политических институтов. Отсюда - растущие антибуржуазные настроения передовых русских мыслителей того времени, восприятие ими идей европейского утопического социализма как "самокритики" европейской цивилизации, опора на национальные предпосылки социалистического коллективизма /община, артель/. Социализм в глазах российских мыслителей вырисовывался как средство приобщения к мировой цивилизации и одновременно как путь национального прогресса.

4. Схожие идейные процессы характерны сегодня для развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки. При этом импульс "национального социализма" многократно усилен как воздействием мировой социалистической системы, так и отталкиванием от капитализма, познанного освободившимися народами в уродливой форме колониализма и неоколониализма. К этому прибавляется в огромной степени возросший /и растущий до сих пор/ перепад уровней развития между бывшими метрополиями и колониями, невозможность ликвидировать этот перепад на путях

зависимого, "периферийного" капиталистического развития. Отсюда выводится необходимость целенаправленного, планомерного, направляемого национального развития по пути социального прогресса. "Наша нищета и слабое национальное единство, - выразительно говорит президент Танзании Дж. Ньерере, - делают социализм единственным рациональным выбором для нас".

5. Социалистическую ориентацию современных популистических течений, равно как и их националистические тенденции, нельзя оценивать однозначно. Их объективная природа, так сказать, их историческая правомерность ясны. Но дальнейшие их судьбы могут сложиться /и складываются/ по-разному. Социалистическая ориентация в отсталых, лишенных соответствующих материальных предпосылок обществах нередко выливается в чрезмерное "забегание вперед", бюрократизацию правящих структур или левачьи эксперименты маоистского типа. Одним из решающих факторов эволюции популистского социализма в развивающихся странах является характер и степень влияния мировой социалистической системы.

ДИАЛЕКТИКА СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ

В.Л. Глазьев /Москва/

Поскольку объектом архитектурно-градостроительной деятельности является антропогенный ландшафт, ее предметом - предметно-пространственная организация взаимодействия людей, поскольку ее осуществление вовлекает значительные материальные средства и уже потому предполагает санкционирование со стороны заказчика, ее социально-культурная детерминированность является самоочевидной. В то же время история, теория и критика архитектуры по сей день оперируют понятийной связкой "социально-культурная обусловленность" без дальнейшего расчленения ее содержания, которое, с нашей точки зрения, является совершенно необходимым.

Прежде всего, как явствует из названия, мы вычленим из сложноорганизованной сферы профессиональной деятельности архитектора пласт мышления, направленного на создание проекта

и его предметно-пространственное воплощение. Тем самым мы отсекаем и /в рамках поставленной задачи/ оставляем незатронутым пласт профессионального сознания, предопределяющего воспроизводство сферы деятельности как таковой. Даже в столь зауженной интерпретации мы, как представляется, имеем достаточные основания подвергнуть анализу взаимоотношение между социальной детерминацией архитектурно-градостроительного мышления - с одной стороны, и ее же культурной детерминацией - с другой.

И социальная, и культурная обусловленность профессионального мышления могут, на материале архитектуры, быть прослежены через любые компоненты сферы деятельности, что позволяет провести сжатое рассмотрение темы на двух из них: объект деятельности и ролевая позиция ее субъекта - архитектора. Универсальная представимость названных компонентов позволяет нам избежать предварительных дефиниций, двигаясь от экспозиции эмпирического материала к необходимым обобщениям.

Социальная детерминированность представлений архитектора о его объекте четко выражена - для любого момента истории - в самом указании на то, что является /и, тем самым, что не является/ объектом архитектурно-градостроительной деятельности, то есть в содержании заказа. Так, скажем, классическая Греция дает нам чрезвычайно узкий свод объектов ^{х/}: сакральные комплексы, театры /в зачаточной форме/, гимнасии. Город как структурированное пространственное тело хотя и выступает объектом проектирования /Гиппократ, Гипподам, Платон/, но еще не входит в состав собственно архитектурных задач. Торговая площадь /агора/ - других площадей нет, - улица и тем более жилище не осмысляются как объект архитектуры. Таковыми их не трактует полис как социальное тело и, соответственно, таковыми они не являются в практически ориентированном мышлении архитекторов, обладающих уже чрезвычайно рафинированными средствами решения задач. Социальные сдвиги, сопряженные со становлением эллинистических государств, незамедлительно вызывают радикальную перестройку в своде объектов.

Все более утрачивающий самостоятельную социальную функцию /мы не включаем сюда фортификационные сооружения - если архитектор и бывал их строителем, то в существенно иной роли.

цию, преобразующийся в своего рода атомарную единицу государственной территориальной организации, город тем легче преобразуется в организуемую архитектором форму — зрелище. Заметим, что аналогичная перестройка происходит снова в XV—XVI веках в Западной Европе /кризис городов-республик и становление национальных монархий/.

Победа буржуазных революций и развитие промышленного капитализма вновь радикально меняют состав свода объектов: город как целое выпадает из него, тогда как расщепление прагматических функций вызывает появление множества новых объектов: конторы, вокзалы, выставочные павильоны, доходные дома и т.п. Победа социалистической революции вновь радикально редактирует свод объектов: часть /банки, биржи и пр./ исчезает; часть привносится /массовые клубы и т.п./, но главное, вся совокупность сооружений впервые становится целостным объектом архитектора при резком возрастании роли объекта "город" в названном своде.

В этом ключе рассмотрения мышление архитектора пассивно следует за изменениями в своде объектов деятельности, что и делает построенную архитектуру столь надежным индикатором реальных социальных сдвигов.

Совершенно иную картину мы получаем при анализе культурной детерминированности архитектурно-градостроительного мышления. Включенность архитектора в круг культурных событий, происходящих в науке, искусстве, в бытовой культуре, — событий, еще не получивших социальную санкцию сферы управления, приводит постоянно к тому, что архитектор /в хрупком материале т.н. бумажного проектирования/ самостоятельно расширяет круг объектов осмысления. Легенда о Динократе, принесшем Александру Македонскому проект превращения горы Афон в гигантское изваяние царя, держащего в руке город, сущностно правдива в той мере, что архитектор оказывается готов к осуществлению нового заказа до того, как этот заказ оформлен. Подтверждением может служить сооружение новой столицы Александрии тем же Динократом по единой проектной концепции в кратчайшие сроки. Архитекторы Ренессанса /Филарете, Скамоцци и др./ разрабатывают проекты "идеальных городов" под влиянием идей интеллектуального "клуба" задолго до того, как эти

проекты опосредованным образом могут воплотиться в парадных ансамблях городских центров барокко и классицизма. Идея города-сада Э. Говарда и индустриального города Т. Гарнье реально /в крупном масштабе/ воплощаются лишь в создании "социальных городов" первых пятилеток советскими архитекторами и т.д.

Нам однако необходимо видеть, что закономерность опережающего воздействия культурной детерминации на мышление архитектора по сравнению с детерминацией социальной, проявляется лишь после того, как происходит закрепление личностной ролевой позиции архитектора.

Фиксация личностной роли архитектора происходит, наблюдаемым образом, четырежды на протяжении истории архитектуры - всякий раз в специфической редакции: в эпоху эллинизма, в эпоху Ренессанса, в 90-е годы XIX столетия и в 60-е годы нашего века. При изрядном огрублении мы можем все же считать первые две позиции нашего списка сущностно близкими: архитектор как высококвалифицированный носитель специфического искусства. Перелом XIX и XX веков приносит нам фиксацию позиции архитектора как представителя профессии, тогда как перелом ближайшего времени фиксирует позицию квалифицированного посредника между сферами управления и массового строительного производства.

И вновь, при переходе от социальной к культурной детерминации, мы можем наблюдать существенно иную картину смены ролей. Под воздействием философской мысли /с естественным запаздыванием на одно-два поколения/, при существенном влиянии литературы и живописи, профессиональное мышление архитектора постоянно тяготеет к расширению роли, предписанной ему социальной организованностью деятельности. В эпоху Ренессанса архитектор, все еще приписанный к цеху ремесла, интенсивно осмысляет свою роль творца новых пространственных форм для новых отношений, оценивая как первые, так и вторые, в "клубной" системе ценностей.

В ходе XIX столетия архитектор, социально приписанный к уважаемому профессиональному занятию, интенсивно осмысляет роль демиурга, предписывающего формы существования территориальным общностям людей /Э.Говард, Г.Гриноу, Т. Гарнье/, а в начале XX века /Ф.Л.Райт, Ле Корбюзье, В.Гропиус,

М. Гинабург и др./ эта позиция становится на короткое время едва ли не ведущей. Наконец, в 60-е годы нашего столетия нормой профессионального мышления становится трактовка деятельности архитектора как "адвокатуры" интересов индивида перед интересами обезличенных организаций технократического плана.

В целом, в этом ключе рассмотрения, мы можем зафиксировать постоянное стремление архитектора подняться на ступень по отношению к его социально детерминированной ролевой позиции.

На уровне предварительного обобщения мы можем заметить, что социальная и культурная обусловленность архитектурно-градостроительного мышления находятся в постоянном динамическом столкновении. Если социальная детерминация мышления закрепляет его нормы, то культурная детерминация их расшатывает, кристаллизуя одновременно нормы ближайшего будущего, т.е. предопределяя процесс развития сферы деятельности в целом.

НРАВСТВЕННЫЕ УСЛОВИЯ - ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ МОРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Н.К. Эйнгорн /Свердловск/

В сложной системе социальной детерминации духовной культуры необходимо выделять специфические факторы, определяющие формирование и развитие ее конкретных видов. Нравственная культура социального субъекта безусловно детерминируется экономическими, политическими, правовыми и целым рядом иных социальных факторов. Но в их системе немаловажным выступает собственно моральный фактор, действие которого осуществляется в зависимости от реальных нравственных условий жизнедеятельности людей.

Понятия "нравственные условия", "нравственная среда" крайне редко употребляются, хотя имеют эвристический смысл и должны занять соответствующее место в системе этических категорий. Что же подразумевается под нравственными условиями жизнедеятельности субъектов? Они выступают как сложное переплетение нравственных отношений, моральных ценностей,

господствующих моральных обычаев, традиций, моральных норм, принципов, идеалов. Сущность нравственных условий жизнедеятельности заключается в том, что это - характерный для каждого этапа развития общества специфический способ согласования интересов и деятельности различных по своей общности субъектов, иными словами - это определенная совокупность мер, действий со стороны указанных субъектов, направленная на достижение соответствия их интересов и действий.

Для каждого конкретного этапа развития общества характерна специфическая форма взаимной зависимости субъектов, а значит, и соответствующий этой зависимости способ согласования интересов и деятельности субъектов, соответствующие нравственные условия их жизнедеятельности.

Надежным основанием анализа конкретно-исторических нравственных условий жизнедеятельности людей может служить положение К. Маркса о трех крупных исторических целостностях, отличающихся различным соотношением между личностью и обществом. Первой исторической целостности / патриархальные отношения, античное общество, феодализм, цеховой строй / соответствуют отношения "личной зависимости", второй - "личная независимость, основанная на вещной зависимости", греческой - "свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние" /1/. Второй исторической целостности соответствует капиталистический строй, третьей - коммунистическое общество.

Свойственные для первой исторической целостности отношения личной зависимости были обусловлены, вслед за неразвитостью производительных сил, низким уровнем развития общественного и индивидуального сознания, неразвитыми и ограниченными формами регулирования отношений личности и общества. "Автономия человеческого духа" /Маркс/ находилась в зачаточном состоянии, поэтому нравственные условия, характерные для данного этапа развития общества, определялись преимущественно различными формами внешнего воздействия на сознание и поступки людей: подавлением, принуждением, запретами. Мораль в данный период имеет экстравертный характер и ее называют "моралью запрета".

Для второй исторической целостности характерно высокое развитие производительных сил. Развиваются все виды общественных отношений, все формы общественного и индивидуального сознания, происходят изменения в степени свободы личности - личная зависимость сменяется веждой. Личность, хотя и во многом формально, обретает широкие права, увеличивается возможность для развития ее индивидуальности, степень "автономии человеческого духа" растет. Все это ведет и к изменениям нравственных условий, в которых нет уже безраздельного господства запрета и принуждения, происходит все большее обращение к сознанию личности, к ее чувству долга. Но иллюзорность равенства всех людей порождает и иллюзорный характер морального регулирования взаимоотношений людей в обществе - соотношение долга и свободы явно не в пользу последней. Неслучайно, К. Маркс называл "иллюзорной" и свойственную для данного периода форму общности между частным и общим интересом./2/. В следовании долгу сохраняется большая доля принуждения, хотя формы этого принуждения меняются в соответствии с характером существующих в обществе отношений /это не физическое принуждение, развитое на первом этапе исторической целостности, а экономическое, политическое, правовое/.

На третьем этапе исторической целостности коренным образом меняются формы зависимости социальных субъектов, нравственные условия их жизнедеятельности, нравственная среда. На этой ступени человек не растворяется в обществе, хотя оно и определяет его сущностные свойства, но оно же предоставляет неограниченные возможности для сохранения и развития индивидуальности, для всемерной гармонизации отношения личность - общество. С коренным изменением производственных отношений, с переходом общества из "царства необходимости" в "царство свободы" меняются формы и содержание взаимоотношений между людьми. Происходит постепенное перемещение с внешних факторов управления деятельностью людей на внутренние факторы, возрастает роль всевозможных "само": самосознания, саморегуляции, самодисциплины, самоконтроля, самовоспитания и т.д. Моральное регулирование все больше основывается на сознательном и добровольном следовании долгу, на бескорыстии, на нравственной потребности личности и общества. Мораль этого

этапа исторической целостности основывается на взаимодействии "свободно ассоциированных индивидов".

Каждый из рассмотренных этапов исторической целостности характеризуется специфическим содержанием и уровнем развития нравственной культуры, непосредственно детерминированной нравственными условиями. Все иные условия /экономические, политические и т.д./ преломляются в нравственных условиях, воздействуют на нравственную культуру опосредованно.

Под нравственной культурой мы понимаем интегральное свойство социального субъекта, выражающее меру усвоения нравственных сущностных сил, проявляющихся в адекватном осознании и деятельностной реализации требований конкретно-исторической нравственной необходимости /3/. Нравственная необходимость выступает связующим фактором нравственных условий и нравственной культуры, т.к. нравственные условия есть не что иное, как конкретное проявление необходимости, ее реальное выражение.

Таким образом, понятия "нравственная необходимость", "нравственная культура", "нравственные условия" являются основополагающими в изучении реальной детерминации нравственной культуры общества и личности.

Л и т е р а т у р а

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.46, ч.1, стр. 100-101.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.3, стр. 32.
3. Эйнгорн Н. Исходные основания анализа понятия "нравственная культура". - Вопросы нравственной культуры. Тезисы симпозиума. Вильнюс, 1981, стр.82.

РОЛЬ ИДЕИ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ В РАЗРАБОТКЕ ДИХОТОМИИ АНГАЖИРОВАННОГО И ЧИСТОГО ИСКУССТВА

С.А. Завадский /Москва/

Искусство как сложное явление духовной жизни общества может быть понято в необходимой полноте только при условии, если его трактовка в свете постулата имманентного развития будет отвергнута. Непродуктивность такого подхода очевидна,

так как в самом эмпирическом существовании искусства явлена парадоксальная противоречивость его бытия, детерминированного и самостоятельного одновременно, социально-исторически обусловленного и в тоже время устойчивого и самодовлеющего.

Непродуктивность имманентного подхода была осознана и в буржуазной эстетике, обратившей внимание на необходимость выявления механизма воздействия социальности на искусство и на идеалистической основе разработавшей эту тему в самых различных вариациях: здесь можно встретить и вульгарно-социологические трактовки, и "позитивные" концепции, и метатеоретические построения, претендующие на абсолютную объективность, согласовывающие в максимально "открытой" точке зрения явно односторонние и в своей односторонности неправомерные подходы. Следствием такого разнообразия явилась неизбежная проблематизация темы в целом. Однако фактом остается то, что современная буржуазная эстетика не может не считаться с идеей социальной детерминации в своих теоретических построениях. Буржуазные эстетики самим ходом развития художественной жизни постепенно были приучены к тому, что социальная зависимость искусства, подобно Протею, может обретать самые различные формы.

Дихотомия "ангажированного", социально-активного, вовлеченного искусства и "чистого искусства", искусства - для искусства, отражающая реалии художественной жизни буржуазного общества, примечательна тем, что при ее разработке идея социальной детерминации являлась исходной. Эта идея была немаловажным методологическим доводом в системе теоретически-спекулятивных рассуждений представителей буржуазной эстетики, считавших, что гомогенное искусство - наивная мечта общества, уже давно переставшего быть гомогенным, и говоривших о необходимой поляризации различных художественных течений как явлений социально-детерминированных и социально-значимых.

Социальное как существующее объективно и синонимичное общественному, как объективная детерминанта оказалось в системе предпосылок и ангажированного и чистого искусства. Все в искусстве социально обусловлено, - скажет А. Хаузер. Фактически один и тот же исходный пункт / признание социальной детерминации/, но с разной аксиологической атрибуцией станови-

тся конститутивным основанием требуемого художественного развития, и в зависимости от атрибуции /хорошо - плохо, полезно - вредно/ определяются признаки аутентичного искусства.

Социально-детерминированным являются и ангажированное и чистое искусство, при конститутивно-методическом анализе которых эта детерминация осмысливается либо как явление позитивное, либо как негативное. Это проявляется в поляризации собственных этим течениям характеристик: говорят, с одной стороны, об открытости и демократизме ангажированного искусства, а с другой стороны, о герметизме и элитарности чистого искусства. Различия намечаются и в плане культурно-творческого потенциала. Ангажированное искусство предстает как более богатое в функциональном отношении по сравнению с "чистым", теряющим прежде всего те функции, жизнеспособность которых поддерживается положительным отношением к импульсу социальной детерминации, чувствительность к социальной проблематике.

В отличие от ангажированного искусства, заинтересованного в уплотнении связей с социумом, "чистое" искусство заинтересовано в создании своего рода буферной системы, якобы позволяющей свести на нет или же, по крайней мере, ослабить его воздействие. Элементами буферной системы могут быть герметизм, дендизм, экзотизм, эскапизм, то есть те художественные позиции и эстетические установки, которые вырастают на почве неприятия существующей действительности. Социальная детерминация применительно к чистому искусству фиксируется в значении первичного импульса, имеющего генетический смысл, своего рода экстрагенного фактора, активность которого постепенно замирает. Различные концептуальные построения, художественные манифесты и программы лидеров новых течений, разрабатывающие и обслуживающие дихотомические образования в художественной жизни общества, иногда также функционируют в качестве звеньев системы, ориентированной либо на приобщение искусства к жизни социума, либо на максимально возможное обособление его от этой жизни /художнические общины/.

Таким образом, идея социальной детерминации активно эксплуатируется теоретическими представителями концепции ангажированного и чистого искусства /Сартр, Хаузер, Адорно/ при обсуждении реалий художественной жизни буржуазного общества,

она упоминается в совокупности системообразующих факторов искусства и соотносится с уровнем, сообщающим искусству новое качество. Однако обращение буржуазных исследователей к этой проблематике связано с такой идеологически мотивированной переориентацией некоторых направлений современной буржуазной эстетики, при которой анализ механизмов детерминированного воздействия социальности на искусство диктуется прагматическими и апологетическими соображениями, необходимостью обоснования нейтрализовать активные формы его проявления.

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ РАЗВИТИЯ ФИЛОСОФИИ И ЕЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Б.В. Емельянов /Свердловск/

Марксистская точка зрения на детерминацию философии экономикой, на связь философии, политики и экономики утверждает, что философия как форма общественного сознания зависит от общественного бытия, экономических и политических интересов общественных классов, их борьбы. Развитие философии включено в закономерный процесс общественного развития со сложной системой взаимодействия его сторон, детерминаций и опосредований. Открыв эту закономерность, глубоко проникнув в нее, классики марксизма предупреждали против грубого социологизма в объяснении развития философского знания, против выведения его непосредственно из экономики.

Историко-философский анализ "политических, юридических, моральных отражений" в развитии философского знания показывает, что одновременно они влияют и на его национальные характеристики. В работах советских историков философии В.С. Горского, З.А. Каменского, В.А. Малинина, А.С. Мысливченко, А. И. Новикова и других исследованы различные аспекты воздействия социальных детерминант на развитие философского знания. Меньше исследовано их влияние на национальные особенности философии.

Наиболее рельефно национальные особенности философии проявляются при анализе воздействия надстроечных учреждений на развитие изучаемой национальной школы. Государство в

классовом обществе как надстройка имеет классовый характер и защищает интересы господствующих классов, в том числе в области идеологии. Поэтому государство через просвещение, цензуру и суд может либо поощрять, либо запрещать распространение тех или иных философских идей. Политическое воздействие на философию, ее политические судьбы есть не что иное, как степени свободы ее развития, превалирование одних проблем в ее структуре над другими, ее общественный резонанс, одним словом, ее национальное своеобразие.

К примеру, для истории русской философии XIX в. характерен дефицит определенного типа философских знаний, получившего название у различных исследователей "школьной", "университетской", "профессиональной" философии. Дефицит этот возник в силу неизменно отрицательного отношения царизма, официальной идеологии к философским дисциплинам, преподаваемым в учебных заведениях. Об этом говорят все университетские уставы, распоряжения и циркуляры Министерства народного просвещения. В них ясно ощущается попытка царского правительства насильственно подчинить философию богословию, ограничить ее преподавание в высших и средних учебных заведениях;

Отступление от узаконенных регламентаций влекло за собой немедленное изгнание из университетов. При этом гонению со стороны царизма подвергались не только материалистически ориентированные профессора философии /П.Лодий, А.Лубкин и др./, но и профессора-идеалисты /А.Галич и др./. К примеру, профессор философии Харьковского университета И.Б.Шад в 1816 г. решением Комитета Министров был уволен с должности и выслан в течение 24 часов за пределы Российской империи за ... пропаганду идей Шеллинга.

В 1850 г. указом Николая I философия была изгнана из университетов, а остатки ее /логика и психология/ окончательно подчинены богословию.

Конкретный политический механизм, опосредующий влияние социально-экономических отношений на развитие русской философии, четко раскрывается в цензурной политике царизма по отношению к философской литературе. Во всех без исключения Цензурных уставах мы наблюдаем стремление запретить или ограничить ее печатание. К концу XIX в. царская цензура рас-

пространила запрещение на 1353 книги, изданные на русском языке. Среди них было много философской литературы.

Карательная политика царизма по отношению к философской литературе не ограничивалась ее цензурными гонениями. "Вы можете рассуждать сколько вашей душе угодно о субъективности и объективности, об идеальном и трансцендентальном, но если вы вздумаете с философской точки зрения посмотреть на существующую действительность, на осязательные явления и учреждения, то вам тотчас же придется иметь дело не с литературными оппонентами, а с императорским прокурором и местным трибуналом исправительной полиции", - писал Д.И.Писарев /Писарев Д.И. Полн.собр.соч., Спб., 1894, Т.2, с.485/.

Жесткая политика царизма по отношению к философии вообще вынуждала русских философов **актуализировать** философское содержание нефилософских форм знания. Русская философия как бы пряталась от зоркого ока царизма в близких ей формах общественного знания - искусства и науки.

Философия и искусство, в частности художественная литература, являясь самостоятельными и специфическими формами познания, имеют и вместе с тем много общего, позволяющего утверждать принципиальную возможность использования художественной литературы философией в качестве формы своего проявления.

Русская литература в силу специфики политического, идеологического развития русской философской мысли становится едва ли не единственным ее прибежищем. Передовые русские мыслители хорошо понимали эту кровную связь литературы и философии, специфическое значение русской художественной литературы. "У народа, лишенного общественной свободы, - литература, - писал А.И.Герцен, - единственная трибуна, с высоты которой он заставляет услышать крик своего возмущения и своей совести" /Герцен А.И. Полн.собр.соч., М., 1956, т.7, с.192/.

В философской поэзии А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, Ф.И.Тютчева, Н.П.Огарева и многих других русских поэтов, в произведениях Ф.М.Достоевского, Л.Н.Толстого, давших классические образцы философской прозы, русская философия находила способ выразить, проявить себя.

Другая национальная особенность русской философии свя-

зана с тем, что она развивалась преимущественно вне стен учебного заведения, где ее преследовали. Русская философия искала другие институционные формы, чем, например, немецкая классическая философия, чьи авторы были профессорами высших учебных заведений, и находила их либо в кружках и в обществах, либо в редакциях журналов. Периодическая печать - форма существования русской философии. Она давала возможность быстро и мобильно распространять в широких массах читателей философские и социологические идеи; в ней легче преодолеть препоны царской цензуры. Журналы "вбирают в себя все умственное движение страны, - писал А.И. Герцен. - Ни в одной стране, исключая Англию, влияние журналов не было так велико" /там же, с.217/. Вокруг журналов, как центров идейной, философской жизни страны, начинают спланиваться различные партийные, философские, литературные силы.

При исследовании социальной детерминации философского знания должно быть учтено и обратное воздействие философии на развитие экономики, а также взаимодействия ее с другими формами общественного сознания. В частности одна из наиболее существенных черт национального характера русской философии состоит в том, что в ней преимущественно развиваются те ее части, которые связаны с анализом теорий общественной жизни, законов социального развития, проблемы человека.

Названные нами проблемы, естественно, не исчерпывают всего многообразия вопросов связи социальной детерминации развития философии с ее национальными характеристиками, но, надеемся, доказывают необходимость их дальнейшей разработки.

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

У.Ф. Суна /Рига/

1. Наряду с общей социально-философской теорией культуры как раздела исторического материализма в наши дни интенсивно развиваются отраслевые и специальные науки о культуре. Предметом одной из отраслевых наук является эстетическая культура. Ее познание предполагает анализ эстетических явлений как

ценностей культуры, взаимосвязей надличностных и субъективных форм существования эстетического как феномена культуры в социальной памяти и в реальной деятельности людей.

2. Согласно давней традиции, понятие "культура" в различных сферах научного знания связывалось с пониманием культуры как чего-то противостоящего природе, в том числе порой и природе человека. Результаты исследований в области современной социально-философской теории культуры позволяют преодолеть метафизическое противопоставление продуктов природы и культуры, выступающих в этом смысле в качестве двух более или менее самостоятельных **субстанций**, рассматривать культуру как процесс развития и реализации сущностных сил человека. На каждом конкретном этапе этого процесса культура является исторически определенным качественным состоянием человеческой деятельности и ее субъектов.

3. Особенностью культуры на различных ступенях ее развития является также соотнесенность, сопряженность ее содержания с достижениями предшествующих этапов общественного развития. Изучение процессов преемственности культуры невозможно без всестороннего анализа опредмеченных результатов созидательной деятельности. Эти результаты опредмечиваются не только в продуктах, но и в способах, формах самой материальной и духовной деятельности людей. Они несут на себе печать деятельного существования их создателей, но от современных отличаются исторической определенностью. Сказанное полностью относится к способам и формам, характеризующим эстетическую культуру. Ее объекты, в отличие от природных, обладают специфическим компонентом - воплощенной, опредмеченной в них деятельной субъективностью.

4. Осуществление требования объективного учета и истолкования как "деятельной", так и "опредмеченной" в вещах субъективности при изучении специфики эстетической культуры предполагает анализ исторически обусловленной эстетической реальности и в ее рамках - становления человека как субъекта эстетической деятельности. Как в содержании метакатегории "культура", так и понятия эстетической культуры человеческая деятельность представлена со стороны своего обозначимого, исторически-объективного содержания. Но в эстетической

культуре она проявляется как особенное, существующее в системе всеобщего.

Будучи проявлением всеобщего, категория "деятельность" в рамках содержания понятия эстетической культуры трактуется как источник создания не только материальных и духовных "продуктов" как определенного рода "внешних условий" человеческой жизни. Существенная особенность эстетической культуры заключается в том, что формирующиеся в процессе создания этих условий особые качества самого субъекта деятельности приобретают относительно самостоятельное значение, поэтому последний и может быть рассмотрен как "эстетический" субъект. В этом смысле его развитие неразрывно связано с развитием эстетической культуры в целом. Применение термина "эстетическая деятельность" в целях характеристики определенных моментов предметного труда, общения, познания равно как и выделение эстетической деятельности в качестве относительно самостоятельного вида или формы практики, вероятно обусловлено не только спецификой предмета и результатов эстетической деятельности, но и необходимостью учитывать вышеупомянутое ее значение в развитии эстетической культуры личности. Относительную самостоятельность эстетическая деятельность приобретает как процесс, формирующий определенные качества и способности людей.

5. Что же касается опредмеченных в произведениях, вещах результатов эстетической деятельности, то они в общем плане не отличаются от других "продуктов" культуры как таковых. Однако в качестве эстетически-художественных ценностей они имеют свою специфику как "носители" особых способностей, воплощенных в ходе этой деятельности и выраженных в специфических /в основном, художественных/ формах. Их специфика во многом предопределена и тем обстоятельством, что в основных видах эстетической деятельности, а особенно в художественном творчестве, реализуется, находит свое проявление и развитие эстетическое отношение к действительности как ценностное по своей природе отношение. Поэтому необходимой стороной изучения эстетической культуры является ценностный аспект.

6. В структуре ценностей эстетической

К у л ь т у р ы как объектов отношения можно выделить как бы два "слоя". Первый, объективно-эстетический "слой" является результатом многочисленных действий многих поколений по соотносению сущности предметов с конкретно чувственным ее выражением. Деятельность по эстетическому освоению действительности исторически /в филогенезе/ восходит к истокам цивилизации, однако в конечном счете опосредована реальными потребностями конкретного общества. Определенные в тех или иных конкретных вещах или способах деятельности результаты эстетического освоения действительности могут быть сохранены для последующих поколений в качестве ценностей "унаследованной" эстетической культуры, но могут и утратить это значение и приобрести значение утилитарное, или наоборот.

Если в связи с условно выделенным нами первым "слоем" структуры эстетической ценности речь шла о соотношении формы и содержания предмета и осознании его значения, то второй "слой" можно представить как результат установления соответствия этого соотношения интересам и потребностям исторически конкретного общества и класса.

Практическая деятельность отдельного индивида, его труд и общение охватывает лишь частицу общественной практики, которая связана преимущественно с удовлетворением индивидуальных потребностей человека, соответствуют его устремлениям, приобретающим в сознании личности определенную значимость. Эта значимость и составляет основу о ц е н о ч н ы х п р е д с т а в л е н и й личности. Объективной ценности тех или иных явлений, произведений они могут не соответствовать. Поэтому совершенствование ценностных ориентаций и представлений, играющих важную роль в эстетическом отношении, выступает необходимой стороной процесса формирования эстетической культуры личности или социальной общности.

7. Таким образом, рассматривая эстетическую культуру как объект социального познания, целесообразно выделить три аспекта ее изучения - эстетико-деятельный, ценностно-ориентировочный и социально-личностный. Исследование этих аспектов связывает теорию эстетической культуры с рядом специальных наук.

НЕОТОМИЗМ И ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Б.Л. Губман /Калинин/

Проблема духовной культуры является одной из центральных в сочинениях представителей современного неотолизма. Это связано с тем, что в период после II Ватиканского собора, определившего стратегию диалога церкви с современным миром, сторонники "вечной философии" еще более чем прежде озабочены поиском путей возрождения былой роли христианских ценностей в контексте плюралистической буржуазной культуры. Именно поэтому ими и ставится вопрос о примирении социально детерминированного и "вечного" в совокупности форм духовной культуры, внутреннем мире человека, намечаются весьма симптоматические для развития этого направления буржуазной мысли пути сближения с иными философскими доктринами. Попытаемся критически проанализировать неотомистскую концепцию социальной детерминации духовной культуры, выявить ее основные противоречия и тенденции эволюции.

Своеобразной "классикой" неотомистского подхода к проблеме социальной детерминации духовной культуры является концепция И.Месснера, получившая широкое признание в кругах сторонников учения Аквината /См.: 3, с. 23; 7/. "Культура, — пишет этот автор, — есть, таким образом, общественно-историческая форма развертывания жизни народа как целого, обладающая главной целью обеспечения личностного развития ее членов через соучастие в целостности этого развертывания жизни в различных ее проявлениях. Или, формулируя в более краткой и общей форме: культура есть осуществление ценностей" /6, с.343/. Отказываясь от признания социально-классовой природы культуры, трактуя ее в качестве результата осуществления жизнедеятельности того или иного народа, Месснер изначально лишается возможности дать полную характеристику ее исторического генезиса. Одновременно он неправомерно утверждает примат духовной культуры по отношению к материальной, говорит об определяющей роли духовных ценностей в общественной жизни. Вся концепция духовной культуры Месснера направлена на доказательство единства в ее контексте исторически проходящих и "ве-

чные" религиозно-нравственных ценностей. Для последовательного проведения религиозно-идеалистической точки зрения на проблему духовной культуры он полагает необходимым рассмотреть ее как жизненную форму, порядок и задачу /6, с.344/.

При анализе культуры в качестве жизненной формы, неотомистский автор обращается к проблеме культурно-исторической традиции, основными составляющими которой у него оказываются этос, право и религия. Отказываясь в силу исходных принципов неотомистской доктрины от последовательного историзма в истолковании вопроса о преемственности культурной традиции, Месснер одновременно пытается примирить тезис о ее социальной детерминированности с утверждением о неизменности религиозно-нравственного основания форм духовной культуры. Он апеллирует с этой целью к идеям М.Шелера, изложенному в его труде "Формализм в этике и материальная этика ценностей" пониманию этоса /8, с.314-315/. В этосе данной культуры, по Месснеру, проявляются в исторически преходящей форме чувствования, мысли, оценки, поведения ~~над~~ исторические нравственные ценности, ~~следование~~ которым предписано самой человеческой природой. Этос обосновывает в подобной интерпретации единство правовых норм, а его направляющей силой выступает религия. Несостоятельность подобного рода "историзма" в решении вопроса о социальной детерминированности духовной культуры особенно рельефно выявляется в подходе Месснера к ее изучению как жизненной формы, обуславливающей единство ценностного мира той или иной эпохи. Здесь Месснер настойчиво проводит мысль о том, что "естественный закон", ~~призывающий~~ человека всегда следовать божественному благу, избегая зла, в исторически определенной форме и должен быть фундаментом культурного единства. "Вечная" мораль в концепции неотомистского автора задает и задачи культурного развития, "культурминимума", призывающего к всестороннему развитию личности, и "культурмаксимума", рисующего утопический идеал "общего блага", классовая сущность которого была раскрыта в "Капитале" К. Маркса /1, с.187/. Религиозно-идеалистические установки концепции Месснера, таким образом, отнюдь не способствуют задаче выяснения социальной обусловленности явлений духовной культуры, ибо признание таковой соседствует с тезисами о не-

изменных религиозно-нравственных основаниях бытия человека, культуры.

На современном этапе наблюдается значительная трансформация концептуального аппарата неотомистской философии истории и культуры, связанная с ассимиляцией идей различных направлений буржуазной мысли от экзистенциальной герменевтики до структурализма. Она отражается и в рассмотрении сторонниками "вечной философии" проблемы социальной детерминации духовной культуры. В данной связи несомненный интерес представляет позиция Ж. Ладрьера, пытающегося синтезировать идеи герменевтики и структурализма с традиционным томистским тезисом о ведущей роли в духовной культуре религиозно-нравственных ценностей.

В духе экзистенциальной герменевтики Ладрьер пытается осветить сам феномен культурного творчества, в котором, согласно его воззрениям, рождается земная составляющая смысла истории, дополняющая трансисторическую /5, с. 60/. Он заявляет, что человек постоянно расширяет герменевтический "горизонт" своего существования, стремясь к установлению гармонии **теоретического** и практического разума. Именно из такой предпосылки исходит неотомистский автор, пытаясь ввести в аналитику экзистенциального мира субъекта тему социально-практической обусловленности деятельности человека. Наряду с этим, он конкретизирует свое понимание культуры, рассматривая ее в широком смысле как совокупность систем репрезентации, систем стандартов, систем выражения и систем действия /4, с. II/. Под системой репрезентации Ладрьер подразумевает совокупность понятий и символов, а также методов познания и практической деятельности, используемых в рамках данной социальной группы. Стандарты составляют ценностно-нормативный компонент культуры, а в системе выражения находит чувственное отображение аппарат репрезентации и стандартов. В системе действия он усматривает два компонента: средства воздействия на окружающую человека среду и средства регулирования самой общественной жизни. И здесь Ладрьер лишь упоминает о социальном источнике становления системы культуры, не раскрывая его, ибо им игнорируется факт обусловленности культурно-исторического творчества со стороны многообразных материальных факторов,

запечатлевающих в потребностях субъекта. Кроме того, получается, что системно-нормативный подход к культуре противостоит **гуманистически-деятельностному**.

С неменьшими трудностями сталкивается неотомистский автор и при характеристике культуры в узком смысле - духовной культуры. Декларируя абсолютную автономию духовной культуры по отношению к экономической и политической подсистемам общественной жизни и неправомерно отводя на ее долю лишь информационную функцию, Ладрьер следует по стопам А.Вебера и Д.Белла /4, с.58/. Вслед за этими теоретиками он без должного основания выносит науку за рамки духовной культуры, объединяя ее с техникой и технологией в единую часть "спектра объективных средств", выпадающих из социальной жизни. Экзистенциально-герменевтический подход к феномену культуры эклектически соединяется неотомистским автором с принятием тезисов технологического детерминизма, ибо, исключив технику и науку из спектра социальной жизни, он говорит о фатальном воздействии научно-технического прогресса на судьбы человечества. Используя основные мотивы позднего Гуссерля и Хайдеггера, Ладрьер бичует безграничную экспансию "научно-технического разума", на который возлагается вина за все беды человечества. В действительности же описываемые им противоречия капиталистического мира, его культуры **коренятся** в самой природе социального строя, поставившего даже науку на службу "извлечения полезности" /2, с.386-387/. Вульгарное истолкование влияния науки и технологии на область духовных ценностей соседствует в сочинениях Ладрьера с убеждением в решающей роли духовной культуры и прежде всего ее религиозно-нравственной сферы в развитии общества. Как бы не замечая этого разительного **противоречия**, католический автор возлагает надежды на мощь герменевтически ориентированного разума, который якобы способен к преодолению трагических диссонансов буржуазной культуры, опираясь на "вечные ценности".

Эволюция неотомистского подхода к проблеме социальной детерминации духовной культуры демонстрирует неспособность сторонников "вечной философии" предложить ее содержательное разрешение. Модернизация концептуального аппарата культурфилософии этого направления буржуазной мысли, осуществляе-

мая в настоящее время, еще более усугубляет ее внутренние противоречия.

Л и т е р а т у р а

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.23.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.46, ч.I.
3. Klose A. *Katolische Soziallehre. Ihr Anspruch, ihre Aktualität.* Köln, 1979.
4. Ladrière J. *The Challenge presented to Cultures by Science and Technology.* P., 1977.
5. Ladrière J. *Vis sociale et destinée.* Gembloux, 1973.
6. Messner J. *Kulturethik mit Grundlegung durch Prinzipienethik und Persönlichkeitsethik.* Innsbruck; Wien; München, 1954.
7. *Ordnung im Sozialen Wandel. Festschrift für Johannes Messner 85 Geburtstag.* Hrsg. von A.Klose. B., 1976.
8. Scheler M. *Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik.* - In: *Gesammelte Werke.* Bern, 1954, Bd.2.

О СОЦИАЛЬНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

В.В. Заборова /Ленинград/

Социальное обоснование эстетической коммуникации представляет значительные трудности для исследователя, ограниченного эмпирическими приемами анализа. В этом случае становится возможной теоретическая абсолютизация психологической формы эстетического процесса, имеющего характер непосредственно-чувственного контакта. Именно это обстоятельство дало основание феноменологической эстетике отождествить художественное произведение со способами его представленности индивидуальному сознанию. При таком понимании сама "данность" восприятию, эмоционально-чувственная эффективность художественного воздействия, "энергетическое" расходование культурно-приобретенных способностей расцениваются как форма существования искусства. Подобная аргументация по существу

совпадает с гуссерлианским взглядом на "квазисуществующий" предмет, иначе говоря, предмет, "конструируемый из сознания и средствами сознания, но как бы объективирующийся по отношению к последнему" /1; - курсив мой - В.З./.

Феноменологическая эстетика натуралистически игнорировала те, не менее реальные связи общественного процесса, которые не поддаются эмпирической фиксации, а зачастую и совершенно скрыты от непосредственного наблюдения. Индивидуальное восприятие художественного произведения, конкретно-психологические механизмы эстетической коммуникации являются лишь внешним выражением, одним из моментов эстетического отношения как целостного социального процесса. Здесь перед нами ситуация, аналогичная той, какая возникает при превращении владельца денег в капиталиста. Это превращение "должно свершиться в сфере обращения и в то же время не в сфере обращения. Таковы условия проблемы" /2/. К.Маркс разъясняет, что само "обращение есть внешнее проявление процесса, протекающего позади обращения." /3/. Аналогично этому индивидуальное художественное восприятие есть проявление процесса, протекающего "позади" него - процесса развития эстетических отношений вообще и социального потребления искусства в частности. По Марксу, "истинная общественная связь" возникает не благодаря рефлексии. Она выступает как продукт нужды и эгоизма индивидов, то есть как непосредственный продукт деятельного осуществления индивидами своего собственного бытия" /4/. Любое общественное отношение в этом смысле предстает как "всесторонняя" зависимость, эта стихийно сложившаяся форма всемирно-исторической совместной деятельности индивидов ..."/5, с.36; курсив мой - В.З./.

Общение, в процессе которого достигается обмен деятельностью и взаимопонимание людей, становится одной из движущих сил исторической эволюции человека. В "Немецкой идеологии" Маркс показал не только историческую сменяемость форм общения, их "наследуемость" каждым новым поколением, но и обосновал органическую зависимость форм общения от богатства действительных проявлений индивида, его практической самостоятельности и личной свободы. "Условия, при которых происходит общение индивидов...не являются чем-то внешним для них; это

- условия, при которых эти определенные, существующие в определенных отношениях индивиды только и могут производить свою материальную жизнь и то, что с ней связано; следовательно, они являются условиями самодеятельности этих индивидов, и создаются они этой их самодеятельностью." /5, с.72/.

Исследование общения как меры соотнесения индивидуального и социального приводит к рассмотрению всех динамических связей, в которые органически включено искусство. Система коммуникативных связей охватывает не только наличные каналы взаимодействия людей, она включает и линию культурно-исторической преемственности, передачи ценностей от одного поколения к другому. Под этим углом зрения Маркс рассматривал отличия разных форм коллективной деятельности: "...Следует различать всеобщий труд и совместный труд. Тот и другой играют в процессе производства свою роль, каждый из них переходит в другой, но между ними существует также и различие. Всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обусловливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников. Совместный труд предполагает непосредственную кооперацию индивидуумов" /6, с.116/. В той мере, в какой научная и художественная деятельность имеют в качестве предпосылки труд предшественников, они обусловлены духовной практикой всего человечества. Любое игнорирование сложной цепи опосредований при коммуникациях, имеющих "видимость" непосредственного-личного контакта, приводит в сущности к затуханию социальной формы общения. Эстетическая коммуникация - это опосредствованное социальной формой духовного производства /всеобщий характер труда/ и каналами коммуникации /социальные институты и инстанции, ведающие сферой культуры, и классовый интерес как идеологический регулятор/ функционирование общественного сознания, перевод социального в индивидуальное достояние.

Духовное производство, вовлекающее в свою орбиту классовые интересы, поведенческие механизмы, потребности и традиции во всем их многообразии, объединяет сознательные действия людей, - другими словами, базируется на общественных отношениях. Будучи деятельностью, осуществляемой людьми, оно

как следствие, оказывается производством "самой формы общения", то есть наличного типа отношений между людьми.

Л и т е р а т у р а

1. Ингарден Р. Исследование по эстетике. М.: Иностранная литература, 1962, с.146.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.23, с.177.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.46, ч.II, с.461.
4. Маркс К. Заметки по поводу книги Джемса Милля. - Вопросы философии, 1966, №2, с.119.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.3, с.36.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.3, с.72.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.25, ч.I, с.116.

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ НЕКОТОРЫХ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ АДАПТИВНО-АДАПТИРУЮЩЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

В.А. Бачинин /Тольятти/

Современная философская мысль относит человека к разряду адаптивно-адаптирующих систем. Данное положение означает, что человеческая деятельность носит не только приспособительный, но и активно-действенный, наступательно-преобразовательный характер, что человек, с одной стороны, способен адаптироваться в окружающей природной и социальной среде, а с другой - способен изменять внешние обстоятельства, приспособляя их к себе, формируя их в соответствии со своими потребностями и идеалами.

Человек, будучи способен к самодетерминации и являясь активным субъектом общественно-исторической практики, преследующим свои цели, вступает в отношения противоречия, а порой и драматического конфликта с объективными факторами, как бы те ни именовались - "состояние мира", косная сила вековых традиций или просто - внешние обстоятельства. При этом личность либо духовно и нравственно самовозвышается над неблагоприятными социальными факторами, либо, напротив - они **унижают** ее, губят в духовном и нравственном отношении, превращая в раба обстоятельств, приспособленца, филистера-обывателя.

В зависимости от тех или иных социальных условий - от влияния господствующих общественных отношений, от характера классовой принадлежности и воздействия микросреды у субъекта его социально-нравственные адаптивные и адаптирующие способности развиваются не в равной степени. Так, например, в одном случае может сформироваться личность активного борца за социальную справедливость, а в другом - пресмыкающийся, ни во что не вмещающийся филистер, вся жизнь которого подчинена инстинкту самосохранения. Отстраняясь от подлинной социальной активности, от проблем, волнующих передовые слои общества, обыватель сам возводит стену между общественным и личным. И это позволяло ему во все времена сравнительно благополучно переносить различные социальные катаклизмы, потрясавшие общество.

Исторический и культурный опыт свидетельствует, что в человеке заложены колоссальные преобразовательные силы и возможности. Его способность сопротивляться, бороться и побеждать, часто вопреки, казалось бы, всяким надеждам на успех, неизменно вызвала изумление у мыслителей, писателей и поэтов, размышлявших о месте человека в мире и о его долге перед обществом и самим собой.

В истории культуры можно отыскать большое количество художественных памятников, где подобные темы и ситуации представлены в самых разных вариантах. С появлением развитых литературных жанров - эпоса, трагедии, поэмы, романа типические, коренные моменты нравственного бытия людей становятся предметом сознательного отражения и художественного осмысления. При помощи художественных средств искусство пытается моделировать наиболее характерные поведенческие и ситуационные парадигмы. Появляющиеся в итоге культурно-исторические модели типических в нравственном отношении поведенческих ситуаций становятся формами организации, упорядочения и хранения социально-нравственного опыта.

В искусстве классово-антагонистических формаций сильная, волевая, активно действующая личность, открыто выступающая на борьбу с внешними силами зла и несправедливости, получила название трагического героя. Героическому характеру присущи сильный дух, недовольство сущим, страстное стремление к идеалу, волевой напор и неумное желание идти наперекор неблагоприятным обстоятельствам.

гоприятным обстоятельствам. При этом лежащее в основе его деятельности противоречие "между исторически необходимым требованием и практической невозможностью его осуществления" /1/ оказывается причиной драматических коллизий, а порой и трагедий. И если личность выказывает способность действовать вопреки этой невозможности, повинаясь велению внутреннего нравственного императива, то в своих поступках она подымается до подлинного героизма.

Для человека, противостоящего "сорвавшемуся с петель" миру и не сливающегося с ним в филистерском, псевдо-гармоническом единении, возможны две основные позиции. Первая - это вынужденное, подневольное подчинение внешним обстоятельствам. Вторая - дающееся огромным напряжением сил преодоление их диктата. Объединяет их то, что в содержании обеих присутствует начало, окрашивающее их в тона трагического. Поэтому первая позиция может быть охарактеризована как трагизм покорности, а вторая как трагизм преодоления.

В классово-антагонистическом обществе этим позициям противопостоит другая, предполагающая не сопротивление личности диктату обстоятельств, а напротив, ее соглашение с ними, строящееся на почве бессилия или низости мысли. У этой позиции имеются свои социально-классовые корни.

Известно, что с вступлением европейской истории в полосу капитализации общественных отношений на историческую авансцену в качестве главных действующих лиц выходят новые социальные силы, а именно - классы-антагонисты, буржуазия и пролетариат. Каждый из этих классов постепенно становится обладателем собственной идеологии, культуры и морали.

Наряду с существованием трудящихся и эксплуататоров, буржуазном обществе оказывается возможной и промежуточная социальная позиция. Ее занял особый тип мелкого производителя-собственника, "полупролетария-полухозяинчика". Социальной средой, состоящей преимущественно из производителей такого рода, явилась городская мелкая буржуазия-ремесленники, мелкие торговцы, домовладельцы и т.п.

Мелкобуржуазная среда так же выдвинула своих представителей в сфере духовной жизни - в идеологии, искусстве, литературе. Так, в ответ на социальный заказ мелких и средних

бюргеров в Германии 1770-1780 гг. возникает новый жанр - ме-
щанская драма. Непосредственные создатели этого жанра, драма-
турги А.Иффланд и А.Коцебу приспосабливались к вкусам немец-
ких филистеров и потому насыщали свои пьесы бытовыми деталя-
ми, чувствительными сценами, моральными сентенциями, экзотическими эпизодами. Бытовизм, заземленность и непритязательность этих драм отражали духовное убожество той жизни, в которую были погружены немецкие обыватели.

В этот же период в ряде произведений европейской литературы появляется образ "тихой гавани" или "тихой обители", оберегающей героев от житейских бурь. Таков игрушечный мирок Шенди-Холл в романе Л.Стерна "Жизнь и мнения Тристрама Шенди". Незначительные герои, крошечные события и мелочи жизни составляют все его содержание. Таков и образ "Пропонтиды" в повести Вольтера "Кандид".

Постепенно в литературе складываются две основные тенденции в изображении мира "маленьких людей" и "мелочей жизни". Первая - сочувствующая. Она возникает в ответ на сокровенные чаяния мелкой бюргерской среды. Вторая - иронизирующая над теми, кто погружен в состояние благодушного обывательского самодовольства. У истоков второй тенденции стоял Вольтер, но полное развитие она получает в творчестве романтиков.

Неприязнь к бюргеру-филистеру с его меркантилизмом и бездуховностью пронизывает творчество А. и Ф.Шлегелей, Новалиса, Тика, Гофмана, Байрона, Шелли, Лермонтова и др. художников-романтиков. Не случайно идеолог романтизма А.Шлегель настаивал на том, что люди, замкнувшиеся в кругу своих мелких, незначительных проблем, не могут представлять интереса для драматического искусства. Их антиподом является романтический герой. Его не удовлетворяет миропорядок, где властвуют бюргеры, и он становится его врагом. Отвращение к низменной, антигуманной действительности и сознание невозможности что-либо в ней изменить наполняют трагическим смыслом многие произведения романтиков. Противостояние несовершенного мира и романтического героя, наделенного силой мятежного духа, - вот главный конфликт романтического повествования.

Особой формой романтического мироотношения является ирония, выступающая как средство духовного самовозвышения личности над обстоятельствами. Ирония не только фиксирует разлад между человеком и миром, демонстрирует порвавшуюся связь времен, но и выступает как игра духа, стремящегося приравнять объективное с субъективным, должное с сущим и, таким образом, снять противоречие между ними. Но поскольку даже самым едким остромам не под силу исправить несовершенство мира, то ирония оказывается иллюзорным средством разрешения противоречий бытия. Субъективно она хотя и доставляет личности чувство некоторой удовлетворенности, но радикально изменить что-либо в мире она не может. Поэтому сознание романтического ироника по существу трагично.

Противопоставляя себя "гармоническим пошлякам", отдаляясь в своем сознании от несовершенного мира, порывая с ним связь, романтический герой утрачивает из своей деятельности нравственное, общественно значимое содержание. Нередко он становится для окружающих источником зла и страданий. Таковы Каин, Алеко, Демон, от которых тянется нить в будущее - во вторую половину XIX в. к героям Достоевского.

В социально-культурной жизни XIX в. действительным антиподом филистеров и "демонических" героев оказывается разряд людей, сделавших в борьбе с обстоятельствами ставку на нравственную силу своего духа и сознание ответственности перед своим народом. Таковыми являются, например, герои романов Н.Г.Чернышевского. В них много нравственной красоты и благородства. Это действительно "новые люди", деятельность которых ориентирована в будущее, а их собственное самоутверждение неразрывно связано с революционной борьбой за прогрессивные общественные идеалы, за свободу и счастье трудящихся. Их деятельность - это путь революционной практики преобразования общественных отношений, превращения бесчеловечных обстоятельств в человеческие.

Л и т е р а т у р а

1. Ленин В.И. Полн.собр.соч., т.29, с.495.

КРИТИКА ВЗГЛЯДОВ АМЕРИКАНСКИХ СОЦИОЛОГОВ РЕВОЛЮЦИИ НА ДЕТЕРМИНАЦИЮ РЕВОЛЮЦИОННОГО СОЗНАНИЯ

И.В. Розенфельд /Тарту/

1. Проблема объяснения революционного сознания занимает значительное место в американской социологии революции с самого момента ее зарождения. Уже в работах ее основателей делались попытки описания революции с идеологической /Адамс/ и психологической /Эллвуд, Сорокин/ точек зрения; в дальнейшем оживление исследований социологии революции было во многом связано с новыми теориями революционного сознания /Дависа, Гарра и др./. Революционное сознание, т.о., не только излюбленный объект социологии революции, но и обычный инструмент объяснения, своеобразный угол зрения, под которым она смотрит на революцию.

2. Объяснения революционного сознания в современной американской социологии революции можно разделить на три основные группы по тому месту, которое отводится ему среди причин революции.

2.1. Согласно теориям первой группы, революционная психология и идеология составляют самостоятельный и ничем не детерминированный компонент, а во многих случаях и главную причину революции.

Х.Блюмер, Г.Келли и Л.Миллер, Д.Йодер выводят радикальное изменение из идеологических факторов. Сама революция в такого рода объяснениях трактуется как "изменение в ценностях и мифах" /Хантингтон/ или "аккультурация" /В.Мур/.

Подобным образом ряд сторонников психологического подхода рассматривает революционную психологию как едва ли не определяющую. По мнению Эллвуда, институты и обычаи общества суть не что иное, как социальное выражение привычки. Революция, как все исторические феномены, полагает Д.Шварц, "берет свое начало в сознании людей".

2.2. Вторая группа объяснений революционного сознания описывает его как "равноправный компонент" в комплексе различных причин. Для М.Хэгопиана, например, роль идей в обуславливании революции не менее значительна, чем экономика. Согласно Л.Стоуну, причины революции "частично интеллектуальные, частично экономические, частично политические..., частично социа-

льные".

2.3. Наконец, третья группа объяснений революционного сознания считает определяющими лежащие вне сознания факторы - политику, экономику /"модернизация" у Тилли/ или технологию /Кан/.

3. Характерное для теорий первой группы недвусмысленное выведение революции из идеологических и психологических факторов следует рассматривать как традиционную форму исторического идеализма. Что же касается второй и третьей группы, то их действительный смысл отличается от того, который они сами себе приписывают.

3.1. Теории взаимодействия различных факторов в реальном анализе не выдерживают своих установок и в конечном счете сводятся к объяснению революции из какого-либо одного фактора; - в качестве такового наряду с политикой обычно выступают те или иные компоненты сознания. Механизм этого превращения обусловлен эклектизмом теории взаимодействия, что было показано еще Г.В.Плехановым. Просветительское взаимодействие "среды" и "мнений" практически сводилось к признанию определяющего рода "мнений".

3.2. Достаточно часто к теориям первичности революционного сознания сводятся и политические, социологические и даже экономические объяснения. Определение революции как изменения "в ценностях и мифах" принадлежит стороннику политического подхода Д.Хантингтону. "Технологический детерминист" Кан полагает, что технический прогресс "зависит от важных перемен в человеческом мышлении". Идеологическая подоснова обнаруживается, таким образом, в объяснениях революций, казалось бы, из чисто "материальных" факторов. Сам "экономический фактор" в данных теориях есть следствие "человеческого ума и знаний" в связи с чем экономический материализм "не только не исключает исторического идеализма", но, напротив, "до сих пор чаще всего бывал простою его разновидностью" /Плеханов/.

Таким образом, представление о революционном сознании как автономном, недетерминированном, как главном источнике революционного изменения составляет определенную и, очевидно, близкую просветительскому идеализму тенденцию американской социологии революции.

4. Представление об автономности революционного сознания ведет социологию революции к ряду трудностей.

4.1. Мнение об идеологии как определяющем и независимом компоненте революции является ложным. отождествление революции с изменением в ценностях и мифах ошибочно суживает ее поле действия: культурные и ценностные сдвиги, не связанные с изменением политической и социальной структуры, могут и не иметь ничего общего с собственно революцией. Представление об идеологии как главной причине революции содержит ошибку *post hoc ergo propter hoc* : из того, что революция обычно происходит вслед за распространением новых идей, еще не следует, что она происходит вследствие их распространения. Наличие революционной идеологии самой по себе, например, в Англии XVII-го или Франции XVIII в., не было определяющим условием возникновения революционной ситуации в соседних странах. Наиболее интенсивная антифеодалная идеология не могла бы вызвать буржуазную революцию у полинезийцев. По известным словам Маркса и Энгельса, при отсутствии материальных предпосылок революции "не имеет никакого значения то обстоятельство, что уже сотни раз высказывалась идея этого переворота".

4.2. Аналогичные аргументы могут быть использованы против теории автономности психологического фактора. Если революция вызывается чисто внутренними психическими источниками, то чем вызвано само появление последних? Почему революционное настроение овладевает одновременно значительным количеством не связанных друг с другом людей? Почему наличие даже наиболее активного революционного настроения не вызывает революции, например, в затяжные моменты застоя социальной системы и т.п.?

5. Более конкретные особенности детерминации революционного сознания в рассматриваемых концепциях показывает теория "относительной депривации" Т.Гарра/*Why men rebell. N. Jersey, 1970*. В целом эта теория объясняет революционное действие механизмом "фрустрации-агрессии": "главный источник человеческой способности к насилию заключается в механизме фрустрации-агрессии", связь которой с насилием "аналогична закону гравитации". Основной толчок к революционному действию, по Гарру, дает относительная депривация, определяемая как ощущение

ние людьми разрыва между их ценностными ожиданиями и ценностными возможностями. Ценностные ожидания это, по словам автора, блага и условия жизни, на которые люди, как они считают, имеют право, а ценностные возможности — блага и условия жизни, которые они могут получить и сохранить. Данная депривация называется относительной, поскольку люди могут быть "субъективно депривированы" по отношению к своим ожиданиям, хотя объективный наблюдатель может вовсе и не считать их желаемыми. Центральное утверждение теории Гарра: чем сильнее относительная депривация, тем больше вероятность и интенсивность гражданского насилия.

5.1. Несмотря на ряд справедливых наблюдений, теория Гарра имеет значительные слабости. Подобно другим концепциям "фрустрации-агрессии", эта теория не объясняет, почему фрустрация /депривация/ получает именно революционное разрешение: ее результатом может быть самый разнообразный набор действий — от эмиграции до самоубийства. В данной теории не описаны факторы, преобразующие фрустрацию в действие, — как феномены сознания /осознание причин неурядиц/, так и, в первую очередь, внешние социально-экономические и политические условия революционной ситуации. Без них, как это бывает в периоды "реакции", депривация попросту подавляется или переходит в другие формы.

ПРОБЛЕМЫ ДЕТЕРМИНИЗМА В НАТУРАЛИСТИЧЕСКОМ НАПРАВЛЕНИИ ЛИТЕРАТУРЫ США

А.А. Шароградская /Ленинград/

В настоящем докладе мы рассмотрим три аспекта детерминизма, связанных с развитием и социально-философскими основами натуралистического направления в американской литературе: 1/ обусловленность этого направления экономическими и другими факторами общественной жизни США второй половины XIX — начала XX вв.; 2/ особенности понимания детерминизма теоретиками и писателями-натуралистами и его воплощение в художественных произведениях; 3/ роль диалектико-материалистического понимания детерминизма в оценке места натуралистического

го направления в американской литературе XIX-XX вв.

1. Становление литературного натурализма в Америке происходило в эпоху резкого обострения социальных конфликтов капиталистического общества второй половины XIX в., периода его перехода на империалистическую стадию развития. Характеризуя этот период, американский литературовед Ф.Гофман подчеркивает, что он был временем промышленной революции, сопровождавшейся жестокой эксплуатацией, нарушением принципов гуманизма и преступлениями против человечества. Цель писателей-натуралистов заключалась, по словам критика, в публичном разоблачении пороков буржуазного американского общества /4/. В новых общественных условиях натурализм доводит до конца вызревавшую уже у романтиков мысль о невозможности где-то за "фронтиром", в море или на берегу пруда найти такое место, где человек будет свободным и вернется к всеобщему братству, не знающему насилия, жестокости и эксплуатации. Но если эстетика романтизма беспредельно расширяет пространственно-временные рамки искусства в прошедшее и будущее, то натурализм стремится глубже познать настоящее, максимально точно отразить современную ему действительность; его герой - "маленький человек", находящийся в столкновении с социальной средой и обреченный на социальное падение и даже на физическую гибель. Противопоставляя в этом отношении романтизм и натурализм, выдающийся американский литературовед В.Паррингтон писал: "Истоки романтизма лежат в исканиях потерявшей опору и смятенной воли, создающей картину такого мира, в котором нам хотелось бы найти убежище. Но натуралист не хочет признавать правомерность такого убежища. Он стремится стоять лицом к лицу с правдой и видит правду в том, что человек бессилен перед властью внешнего мира"/2, с.396/. Здесь проявляется и отличие натурализма от реализма. Отличие это заключается прежде всего в концепции детерминизма, присущей тому и другому направлениям.

2. По мнению ряда американских критиков и литературоведов, концепция детерминизма присуща только натуралистической литературе. Так, упоминавшийся выше В.Паррингтон писал: "...Философия детерминизма. Это важная особенность

натурализма, отличающая его от реализма. Писатель стал философом. Результат длительных раздумий о жизни и ее смысле, который может возникнуть из: а/ упора на социологические проблемы -исследования наследственности и среды; б/ более широкой механистической философии - Флобер, Драйзер; в/ фатализма, мира коварных случайностей - Гарди."/2, с.396/. Такая точка зрения основана на позитивистском и механистическом понимании детерминизма, которое, являясь реакцией на идеалистические теории "свободы воли", остается в то же время односторонним и потому ограниченным утверждением момента необходимости в детерминации общественных процессов. Детерминизм этого типа действительно характерен для ряда произведений американских писателей-натуралистов, но это лишь одна из возможных, но отнюдь не единственная детерминистическая концепция. Во-первых, здесь следует учитывать национальное своеобразие американского натурализма, который в отличие от европейского, прежде всего французского, натурализма в большинстве случаев придавал решающее значение не механистическим и биологическим, а экономическим факторам, понимаемым, правда, чаще всего в вульгарно-социологическом смысле; однако даже такая позиция была в Америке тех лет шагом вперед по сравнению с волюнтаризмом романтиков. Во-вторых, само развитие американского натурализма проявляло отчетливую тенденцию к снятию односторонне-объективистской концепции, к сближению с диалектическим пониманием обусловленности общественных процессов, что в самой художественной литературе проявлялось в переходе от натурализма к критическому реализму. В этом отношении весьма плодотворными, на наш взгляд, являются идеи американского критика Ч.Уолкатта, который, прослеживая эволюцию от механистического детерминизма у натуралистов школы Золя и Гонкуров до социально-экономического детерминизма у Ф.Норриса, уже близко стоявшего к критическому реализму, подчеркивает, что последний не отрицает детерминизм, а снимает "противоречие между свободной волей и детерминизмом, предполагая осмысленное действие и познание действительности"/3, с. 256/. Здесь Уолкатт подходит к диалектическому пониманию детерминизма, которое, как подчеркнул В.И.Ленин, "устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную

побасенку о свободе воли, нисколько не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий" /I, с. 142/.

3. Вышеизложенное имеет, на наш взгляд, принципиальное значение для правильной оценки места натуралистического направления в американской литературе XIX-XX вв. Большинство критиков отмечает пессимизм натуралистических произведений, что не лишено оснований. Сняв табу на изображение таких явлений, которые до них освещались лишь журналистикой и социологией, писатели-натуралисты дали весьма неприглядные картины современной им действительности: трущобы, пагубные страсти, трагический конфликт личности и общества и т.п. Все это действительно производит пессимистическое впечатление. Но подобные картины - не пессимизм отчаяния, как, например, пытается представить их американский критик Э. Стоун в книге "Голоса безнадежности", а, скорее, пессимизм беспокойства, побуждающий к активному вмешательству в жизнь. "Писатели, которые ищут большей справедливости, которые требуют, чтобы люди оценивали свой опыт с большей ясностью и честностью, это не те люди, которые приходят в отчаяние от существующего положения вещей. В этом они скорее критические реалисты" /5, с. 32/. Приведенные слова американского литературоведа Д. Пайзера, сказанные о Крейне, Норрисе и Гарленде, довольно точно отражают смысл и содержание творчества писателей, относимых большинством критиков к натуралистам.

Таким образом, диалектическое понимание детерминизма позволяет раскрыть исторический процесс развития и взаимосвязей основных направлений в американской литературе - романтизма /субъективная детерминация/, натурализма /объективистская детерминация/ и критического реализма /диалектическая объективно-субъективная детерминация/. Конечно, в отличие от философии с ее стремлением к точным теоретическим определениям, литература как художественное отражение действительности выражает мировоззренческие принципы, как правило, в очень сложном переплетении различных концепций, так что об основных направлениях в литературе можно говорить только в смысле определяющих тенденций. Но в теоретическом отношении очень важно эти тенденции выделить, и диалектический метод исследования позволяет решать такую задачу наиболее эффек-

тивно.

Л и т е р а т у р а

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.1,
2. Паррингтон В. Основные течения американской мысли, т.3. М., 1963,
3. Walcutt Ch. American Literary Naturalism, a Divided Stream. Minnesota, 1956, p.256.
4. Hoffman F. The Modern Novel in America. Chicago, 1951, p. 51.
5. Pizer D. Realism and Naturalism in XIX Century American Literature, Sauthern Illinois, 1967, p.32.

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

В.Н. Железняк /Пермь/

Классическое содержание духовного наследия прошлого неотделимо от внутренне целостных, пронизанных личностным единством мировоззрений отдельных выдающихся мыслителей - создателей фундаментальных ценностей культуры. Этот грандиозный диалог великих умов для нас, современников, таинственно и непостижимо сливается в единый монолог культуры. Это персонифицированное существование духовных ценностей и их живое взаимодействие в конечном счете предопределяют и форму современных духовных движений.

1. Логическое значение термина "классическое". Искусствоведческий термин "классическое" в последнее время все больше и больше начинает приобретать особое логико-методологическое значение для целого комплекса проблем, связанных с процедурами получения и развития гуманитарного знания. Речь прежде всего идет о проблеме понимания, лежащей в основе нашего сегодняшнего представления о рациональности. Уже стало общим местом признание того, что понимание как герменевтическая процедура предполагает включение данного текста /выска-

бывания/ в контекст классических представлений и идей. Понятием в строгом смысле этого слова может быть лишь то, что может быть связано субъектом с классической традицией. Акт примирения с традицией и есть акт понимания. При этом надо иметь в виду, что сама архитектоника такого "возврата к прошлому" довольно сложна. С одной стороны, традиция оживает, раскрывается ее мощное глубинное содержание и заложенные в ней практически бесконечные эвристические возможности. С другой стороны, происходит возвышение индивида и его актуальных представлений до универсального исторического горизонта классических ценностей.

Авторитет классической традиции может и должен играть чрезвычайно большую роль в процессе формирования духовных ценностей. В основе этого убеждения лежит представление об истории духовной культуры не как простой последовательности отдельных эпох развития, а как о "единстве времен" - целостном историческом единстве классического наследия культуры.

Используемые в естествознании и математике логико-дискурсивные способы получения нового знания, "аподиктивность" категориальных средств мышления, категоричность нравственных максим - все это лишь моменты внешней формы духовных ценностей. Источником внутренней логики в развитии содержания духовной культуры, источником устойчивости и последовательной смены отдельных типов, направлений и стилей культуры является как раз авторитет классической традиции. Термин "классическое" обладает императивным значением. Императивность классического ядра культуры раскрывается в безусловной авторитетности для личности той культурно-исторической перспективы, в которой она воспринимает настоящее. Дело осложняется также тем, что авторитет ценности, имеющей классический статус, определяемая отнюдь не ее информативно-содержательной стороной как таковой. Он имеет индивидуально-личностный характер.

II. Персонификация духовных ценностей в культуре. Каждый период в развитии духовной культуры, каждое направление, идея или принцип воплощены в творчестве определенных мыслителей. Сколь ни спекулятивной выглядит гегелевская схема истории философии, одно в ней все-таки несомненно: каждая философская категория имеет в истории философии своего героя,

в творчестве которого она получает максимальное развитие, разворачиваясь в целое мировоззрение. Классические духовные ценности неотделимы от творческих личностей их создателей, такого рода ценности наделены особым - личностным - единством. Они персонифицированы в личности их создателя. Скажем, сколь бы ни было противоречиво какое-либо философское учение, имеющее, разумеется, несомненный классический характер и значение, оно тем не менее воспринимается нами как своего рода совершенная целостность. Классическая ценность живет в личности своего создателя, даже ее незавершенность и противоречивость отражают насущные творческие поиски, обретения и потери. С еще большим основанием можно сказать, что внутреннее единство личности творца воплощается во всей совокупности результатов его деятельности.

Напряженное, живое единство личности творца является, таким образом, тем медиумом-посредником, с помощью которого мы получаем возможность "подключиться" к безграничному эвристическому содержанию классических ценностей. Однако наряду с персонификацией духовных ценностей, в культуре имеет место и их обезличивание. Одно дело, например, "спинозизм" и другое дело - духовный мир личности Спинозы, воплощенный во всей совокупности его произведений. Одно дело, скажем, "толстовство" и другое - беспримерное по своей напряженности нравственное подвижничество Льва Толстого. В одном случае мы имеем дело с обезличенным и фактически анонимным штампом, служащим для номенклатуры различных взглядов и расхожих точек зрения. В другом же случае - с живым духовным единством, составляющим основу классической традиции.

Таким образом, мир классических ценностей духовной культуры - это мир живых личностей, ведущих между собой напряженный диалог, диалог, в известном смысле не знающий границ во времени. Такой подход возвращает нас к ренессансной версии историзма, символом которой может служить "Афинская школа" Рафаэля. Культура символически представляется в виде некоего храма, собравшего под свои своды мудрецов всех времен и народов. Этот диалог мудрецов под портиком храма и составляет самую глубокую и сокровенную жизнь культуры.

III. Диалектика "монолога" и "диалога" в формировании

духовных ценностей. Высказывание /в том смысле, который вкладывал в это понятие М.М.Бахтин/ каждой отдельной личности носит, на наш взгляд, определенно монологический характер. Эти индивидуальные монологи сплетаются в едином общественном диалоге, где и происходит размежевка крайних позиций и постепенная выработка конечного синтетического решения. Диалог, таким образом, вновь угасает в монологе.

Однако этот процесс общественного диалога осуществляется не так, как будто существует некая биржа общественных идей, где устанавливается курс каждой из них. Отдельные монологические позиции вступают во взаимодействие в рамках единого проблемного поля культуры. Издавна было замечено противоречивое свойство культуры сочетать в себе практически бесконечное многообразие ценностей с необъяснимым, но вполне очевидным единством и внутренней самодостаточностью. Отдельные взгляды и идеи, попадая в проблемное поле культуры и эволюционируя в нем, могут "монологизироваться" или "диалогизироваться", расщепляться или воссоздаваться вновь, как химические реактивы в реторте. Благодаря своей классической основе, духовная культура обладает способностью возвышать сиюминутные точки зрения, частные идеи и позиции до общеисторического горизонта, тем самым универсализируя их и восполняя их ограниченность. В проблемном поле культуры всегда царит напряженность: все проявления духовной жизни так или иначе соориентированы на классическое ядро культуры /или, наоборот, активно отталкиваются от него, демонстрируя свой "неклассический" характер/. Здесь мы имеем дело со своеобразным тяготением духовных ценностей, в котором проявляется уже упомянутая нами императивность культуры в целом.

О СОЦИАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВКУСА

С.К. Юкнявичюс /Вильнюс/

Эстетический вкус определяется двумя основными группами факторов: социальными и психофизиологическими. При этом преобладание социальных факторов является несомненным. Однако исследованию конкретных механизмов воздействия тех или иных социальных факторов на формирование эстетического вкуса ин-

индивидуумов или коллективов в советской научной литературе уделяется явно недостаточное внимание. Цель данной работы — рассмотрение некоторых возможных методов анализа эстетического вкуса вообще и его социальной детерминации в частности.

Мы будем исходить из того, что эстетический вкус можно исследовать на трех основных уровнях. Условно эти уровни можно назвать "надвербальным", "вербальным" и "субвербальным". На "надвербальном" уровне респонденты в качестве объектов своего эстетического предпочтения указывают на определенные художественные объекты или создателей этих объектов /писателей, композиторов/. Каждый из этих объектов можно охарактеризовать множеством слов /"вербов"/, поэтому этот уровень мы называем "надвербальным". Но, очевидно, что данный уровень только в самых общих чертах характеризует вкус тех или иных индивидуумов или коллективов. Многие, например, могут сказать, что им нравится "Братья Карамазовы". Но одним это произведение нравится за сильные характеры, другим — за острый сюжет, третьим — за философские обобщения. Таким образом, при данном подходе вкусы респондентов фактически могут быть разными, а ответы — одними и теми же. Поэтому представляется целесообразным проводить исследование таким образом, чтобы респонденты называли не конкретные произведения, а указывали, что именно им нравится в предпочитаемых ими художественных объектах. Если это указание происходит при помощи слов, то такой уровень мы называем "вербальным".

Однако и этот уровень является недостаточным для исчерпывающей характеристики эстетического вкуса. Практически очень часто одними и теми же словами обозначаемые вкусы могут выражать различное отношение к эстетической действительности. Многим, например, нравится "комическое". Но практически то, что для одного комично, для другого может казаться просто глупым. Поэтому для более точного анализа эстетического вкуса можно ввести систему количественных показателей, состоящую из элементов предпочтения тех или иных эстетических феноменов. На этом уровне респонденты указывают на определенные эстетические элементы из предлагаемого им множества. Ответы здесь даются не при помощи слов, а простым указанием, поэтому данный уровень мы называем "субвербальным".

Рассмотрим сейчас более обстоятельно "вербальный" и "субвербальный" методы исследования эстетического вкуса.

Сбор исходного материала при "вербальном" уровне исследования может происходить двумя основными способами. При использовании первого из них исследуемые должны дать по возможности полное описание тех или иных эстетических объектов. В результате получается своеобразный текст, из которого исследователь затем выбирает интересующие его слова. Достоинством данного способа является его сравнительная простота и доступность. Однако этот способ имеет и ряд недостатков. Ответы респондентов могут здесь определяться не только их отношением к определенным эстетическим объектам, но и некоторыми факторами, например, способностью респондентов к эксплицитному выражению своих мыслей. Люди с более пылким воображением и большей способностью к литературному творчеству могут дать более полные, развернутые описания предлагаемых оценке объектов, хотя фактически их отношение к этим объектам может быть весьма сдержанным. К тому же, на полноту ответов влияет и способность респондентов найти за ограниченное время те или иные нужные слова.

При втором способе сбора исходного материала исследуемым дается перечень определенных свойств предметов. Респонденты должны либо отметить в нем подходящие, по их мнению, слова, либо дать количественную оценку пригодности того или иного слова для характеристики определенных художественных объектов.

Методы обработки исходного материала на данном уровне исследования определяются конкретными целями, которые ставит перед собой исследователь. Выводы о влиянии тех или иных социальных факторов на формирование эстетического вкуса делаются на основе количественного или смыслового анализа исходного материала. Этот анализ может проводиться либо относительно определенной группы слов, либо относительно всех или почти всех способных каким-либо способом характеризовать художественные объекты слов.

Примером анализа эстетического вкуса относительно группы слов может служить исследование, описанное в работе /1/. Исследуемым давался перечень /40 пар/ диаметрально противо-

положных свойств объектов, в котором они должны были отметить слова, в той или иной степени характеризующие произведения искусства /в данном случае - картины/. Обработка результатов при помощи методики семантического дифференциала позволила авторам, помимо прочего, сделать вывод о зависимости эстетического вкуса от профессиональной подготовки исследуемых в той или иной области художественного творчества.

Мы попытались провести исследование вкуса относительно части эстетического тезауруса, то есть системы слов, характеризующей тех или иных индивидуумов или коллективов. Общие принципы построения эстетических тезаурусов уже рассмотрены нами в соответствующей работе /2/. Здесь мы только отметим, что в эстетике можно оперировать тезаурусами трех основных типов: общим информационно-поисковым тезаурусом, тезаурусами, отражающими вкусы определенных индивидуумов /коллективов/, и тезаурусами, отражающими интерпретации тех или иных художественных объектов. При этом создание тезаурусов, отражающих вкусы определенных индивидуумов, производится по общим правилам построения тезаурусов и не представляет собой особых методологических трудностей.

Сбор исходного материала проводился нами следующим образом. Исследуемым давался список слов /175 названий/, в котором они должны были отметить понятия, наилучшим способом, по их мнению, характеризующие определенные художественные объекты. Задача ставилась двояким способом: респонденты должны были либо выделить слова, характеризующие их любимые произведения искусства, либо произведения, предъявлявшиеся им непосредственно во время исследования.

Основная проблема, которую нам пришлось решать на этапе обработки исходных данных - это поиски хотя бы приблизительно количественного отношения между тезаурусами. Здесь мы исходили из предположения /более обстоятельно сформулированного нами в работе /3//, что если в качестве парадигматических отношений между понятиями использовать только основные логические связки и свести тезаурус к совершенной нормальной дизъюнктивной форме, то количественным показателем отношений между тезаурусами может служить разница логических связок между первоначальным и измененным тезаурусами.

Данным способом нам удалось выявить зависимость эстетического вкуса от возраста, пола, а также от таких важных социальных факторов, как профессия и образование.

Для исследования эстетического вкуса на "субвербальном" уровне мы применяли три вопросника-теста. В первом из них исследуемые должны были найти лучшее, с их точки зрения, сра-
внение и вставить его в ~~соответствующий~~ контекст. Во втором нужно было отметить три афоризма из пятнадцати предлагавшихся. В третьем тесте респонденты отмечали лучший, по их мнению, отрывок художественной прозы из пяти предлагавшихся. Данные, полученные при помощи этого метода, позволили сделать более точные выводы об изменениях эстетического вкуса в зависимости от воздействия тех или иных социальных факторов.

Очевидно, что при данном подходе вкус исследуется только относительно определенного теста или системы тестов. Это, на наш взгляд, является вполне правомерным. Проблема в данном случае состоит не в том, чтобы исследовать хороший или плохой вкус вообще, а в том, чтобы создавать системы, способные наиболее адекватно отражать вкусы определенных социальных групп, и разрабатывать методы исследования отношений между системами.

Л и т е р а т у р а

1. Осгуд Ч., Суси Д., Танненбаум П. Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам. - Семиотика и искусствометрия. М., 1972.
2. Юкнавичюс С.К. Некоторые методологические проблемы построения эстетических тезаурусов. "Вестник МГУ", сер. "Философия", №4, 1981.
3. Юкнавичюс С.К. О теоретико-информационном аспекте эстетического познания. - Логика и методология науки /тезисы УНП Всесоюзной конференции/. Вильнюс, 1982.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ В НАСЛЕДИИ А.В.ЛУНАЧАРСКОГО

Е.В. Шевцов /Москва/

Актуальность обращения к проблемам социальной детерми-

нации художественной культуры в наследии Луначарского обусловлена возрастающим интересом к теоретическим проблемам культуры в целом, потребностями синтеза различных аспектов культурологических исследований, разработки эффективных методологических основ организации и регуляции процесса культурного строительства. Существует также необходимость разоблачения попыток фальсификации культурного наследия А.В. Луначарского.

Своеобразие подхода Луначарского к проблемам культуры вообще определяется его стремлением к интеграции двух подходов к культуре. С одной стороны, он говорит о культуре как понятии "необычайной широты", о целостности культуры, о специфическом культурном срезе общества, взятом со стороны его "человеческого" содержания. С другой - его интересует культура как сравнительная характеристика общества по всем сферам деятельности, как степень развития личности, как "культурность".

Такой подход позволяет Луначарскому выйти за рамки традиционного и по сей день еще понимания культуры как только совокупности результатов человеческой деятельности. Культура по мнению Луначарского, не просто совокупный человеческий опыт, она включает и принципы его систематизации, определяющие историческую целостность культур, являющиеся условием социализации личности. Культура не просто "неприрода", она предполагает наличие в себе образований, нацеленных на сознание себя как неприроды, это построение особой модели мира, усваивая которую человек и оказывается представителем определенной эпохи, общества, класса. Луначарский назвал эту особенность "критичностью" культуры, умением "соотнести те или иные ценности с общей культурой". Художественная культура, по мнению Луначарского, и является важным средством культурного самосознания, выполняющим "интегративную" функцию.

Процесс социальной детерминации культуры рассматривается как сложный процесс влияния производственно-экономической деятельности общества на возникновение особого мира социальных видимостей, которые, в свою очередь, задают и определенный способ их интерпретации в духовной культуре.

В связи с этим культурные процессы, определяющие содер-

жание и способ функционирования художественной культуры, Луначарский разделяет на исторически определенные стадии "антропоморфизации" и "гуманизации". Диапазон функций художественной культуры оказывается крайне широким. На стадии "гуманистической культуры", в которую общество вступает в эпоху социализма, искусство является концентрированным выражением реальной полноты человеческой деятельности, соединяющим в себе достоинства всеобщности и непосредственной личностной обращенности. На этом этапе культурного развития художественная культура может выполнить свою интегрирующую функцию, только сближаясь с философской формой самосознания общества.

В связи с этим попытки представить взгляды Луначарского на художественную культуру как некое автономное образование, обособленное не только от материальной культуры, но и от других элементов духовной культуры и составляющее исключительно предмет "аксиологического" исследования /Л.Турек/ нуждаются в критическом осмыслении.

Возрастающий интерес к наследию Луначарского в буржуазной литературе сочетается с попытками интерпретировать его взгляды на художественную культуру в духе идей панэстетизма, признания самодовлеющей роли художественной культуры в жизни общества, сблизить взгляды Луначарского на интегративную роль искусства с идеей "интегральной революции" Г.Маркузе /М.Соломон/. Обращение к проблемам художественной культуры в наследию Луначарского, следовательно, способствует аргументированной критике современных буржуазных социально-эстетических концепций.

В целом, анализ социальной детерминированности художественной культуры Луначарским предполагает исследование самого содержания художественных ценностей, их места в исторически определенной системе культуры, специфических функций, соотносённости с другими формами культуры, выявление носителей художественной культуры, способов ее усвоения, создания, сохранения.

В идее "пирамидальности" культуры Луначарский объединяет различные аспекты художественной культуры, показывает соотношение материальной и духовной культуры, связь содержания художественных ценностей и их культурного бытия, единства

во основных принципов функционирования художественной культуры как целостности и путей вхождения в культуру.

Луначарский, следовательно, не сводит процесс социальной детерминации художественной культуры к проблеме субординационных отношений внутри общественно-экономической формации; он выделяет специфические формы социальной детерминации в рамках "культурного среза" общества.

Л и т е р а т у р а

1. Луначарский А.В. Мещанство и индивидуализм. М.-Пг., 1923.
2. Луначарский А.В. Собр.соч. в восьми томах, тт.7,8. М., 1967.
3. Луначарский А.В. Незданные материалы. М., 1970 /Литературное наследство, т.82/.

ОБЫДЕННОЕ СОЗНАНИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

А.М. Эткинд /Ленинград/

Предмету психологии свойственна необычная близость к естественному предмету обыденного сознания - повседневной жизни человека-современника. Поэтому в психологии роль здравого смысла - совокупности общепринятых, часто неосознаваемых способов объяснения явлений внешнего мира - оказывается иной, чем, скажем, в физике. Взаимодействие обыденного сознания и психологической теории усложняет и отсутствие в психологии критических экспериментов, способных обосновать всегда проблематичную истинность контринтуитивных предположений; и постоянно возникающая в практических приложениях психологии - например, в психотерапии - необходимость перевода научных конструктов на язык обыденного сознания. Психолог может чувствовать угрозу и излишней близости к здравому смыслу, делающей его работу бессмысленной, и одновременно отдаления от него, что делает выводы неправдоподобными.

ми и ограничивает их применимость.

Существование системы обыденного знания, в некоторых отношениях сходной с системой научной психологии, далеко не всегда осознавалось представителями последней. Вместе с тем в развитии классических психологических доктрин нетрудно увидеть проявления постоянно ведущегося диалога с обыденным сознанием. Это относится и к бихевиоризму, и к психоанализу. Родившиеся в эпоху всеобщего недоверия к здравому смыслу, идеи и тексты обоих этих направлений близки открытой контринтуитивностью, духом эпатажа, демонстративным неуважением к точке зрения обывателя. То, что объявлялось и Фрейдом, и Уотсоном реальными детерминантами человеческого поведения, оказывалось чрезвычайно далеко от того, что понимали под ними современники.

Однако уже первые реформы, предпринимавшиеся в рамках обоих направлений, содержали в себе уступки здравому смыслу. Постепенное расширение репертуара мотивов неофрейдизмом или когнитивная революция внутри необихевиоризма не только расширило объяснительные возможности соответствующих концепций, но и приблизило их к моделям здравого смысла. Вместе с крушением характерной для начала века презумпции того, что лишь нетривиальные идеи могут быть истинными, пришло и понимание валидности многих предпосылок здравого смысла, и интерес к выявлению их достаточно сложной структуры.

Но наивно-психологические схемы здравого смысла, эти тени научной психологии, отнюдь не исчезают, как только их предмет попадает в луч света науки. Напротив, они продолжают работать и в мышлении психологов-профессионалов, порождая в своей интерференции с экспериментальной наукой любопытные гибриды. Существуют экспериментальные доказательства того, что презумпции здравого смысла проникают, например, в рафинированные системы современных психодиагностических методов, снижая в ряде случаев их валидность.

По-видимому, столь активный и тесный контакт со здравым смыслом определен самой природой психологической науки. Его неизбежность лишь подчеркивает необходимость науковедческого анализа функций здравого смысла, его продуктивных возможностей и принципиальной ограниченности как в контексте исто-

рии психологии, так и в научных дискуссиях сегодняшнего дня.

К ВОПРОСУ О ПРИРОДЕ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ПОЗНАНИЯ

Т.Д. Нанабашвили /Тбилиси/

1. В "Немецкой идеологии" К.Маркс говорил, что самым большим достижением истории является то, что человек в конце концов начинает понимать самого себя.

Одним из проявлений этого процесса является постановка и фундаментальное исследование проблемы социальной детерминации познания.

2. Социальная детерминация познания содержит в себе многообразие детерминантов хотя бы потому, что "люди до сих пор всегда создавали себе ложные представления о себе самих, о том, что они есть или чем они должны быть"/К.Маркс/. Эта возможность понимания человеком самого себя во многом была обусловлена господством порождения /феномена/ человеческой головы - идеи над самим же человеком. Но это обстоятельство - господство идеи над ее создателем /человеком/ - было порождено своеобразием самого общества; как ни парадоксально, но и это тоже было проявлением социальной детерминации познания.

3. Основой социальной детерминации познания является социальная детерминация сознания. Сознание, по существу, в большей мере обусловлено социально, чем биолого-физиологически; сознание в решающей мере является функцией человека как социального существа, чем биологического.

Конечно, без биолого-физиологической основы не было бы сознания; человеческий мозг является тем материальным субстратом, которым "порождается" сознание и познание человека. Но решающим для превращения биолого-физиологической возможности человеческого мозга в факт познания, в феномен действительности является социальное бытие человека, которое мы выражаем и в понятии "социальной детерминации познания".

4. Социальная детерминация познания многообразна, что обуславливается многими причинами и условиями. Первой причиной является специфика самого познания как высшей формы материи. То обстоятельство, что человек является частью приро-

ды, уникальнейшим проявлением материи, уясняет нам необходимость существования той черты, свойства материи, каковым является свойство отражения. "Переложение" этой черты материи на ее специфическое проявление - на человека "породило" сознание и познание. Именно эта специфика является первой внутренней причиной бытия познания как определенности, качества.

5. Второй порождающей познание причиной является сама социальная действительность, социальное бытие. Будучи исторически /по времени/ второй причиной и полагающейся на первой /всеобщее свойство, "способность" отражения/ причине, социальное бытие по своей "порождающей", определяющей значимости является первопричиной познания, т.к. только посредством социального бытия /социальной действительности/ определяется не только основное содержание человеческого познания, но и формы и уровни познания.

6. Социальное бытие является первопричиной /"субстанциальной"/ для функционирования и развития познания и потому, что познание в своих многообразных проявлениях /общественные науки, естественные науки, искусство как средство познания и воспитания и т.д. и т.п./полагается социальным бытием. Эта черта является всеобщей для всех форм проявления познания, в том числе и для научного знания /познания/.

7. Исходя из вышеуказанных положений, неправильным, на наш взгляд, является причисление наблюдения, эксперимента, моделирования, интерпретации, идеализации, индуктивного обобщения фактов и т.п. и т.д. к внутренним факторам детерминации научного познания; а к внешним факторам детерминации научного познания неправильно относят различные явления социокультурного порядка /экономика, идеология, техника, искусство, философия, религия, мораль, социальная психология и т.д./.

8. Такое понимание внутренних и внешних факторов в детерминации научного знания является неправильным пониманием не только природы научного знания, его формы и содержания, но и игнорированием общей природы и закономерностей человеческого познания, приводящей к путанице в понимании содержания и форм познания и научного знания, в первую очередь социальных детерминантов познания.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ МЫСЛИ

(К постановке вопроса)

Р.Н. Блум /Тарту/

1. Все сколько-нибудь значимые в истории человеческой мысли философские и социально-философские учения так или иначе включали в качестве важнейшей своей составной части представления (модели) истинного (идеального, совершенного, образцового, должного) мира и тем или иным способом либо отделяли и противопоставляли, либо связывали их с миром сущего, миром реального, миром действительного.

2. В связи с этим возникает, по крайней мере, два важных вопроса: а) как соотносится должное с сущим, а следовательно, как понимается само должное? б) каковы пути и средства достижения должного?

3. Ясно, что образ желаемого общественного строя (должное) в различных социально-философских учениях существенно различен. Поскольку долженствование, по точному замечанию Гегеля, есть выход за пределы, то отличия определяются тем, насколько радикально осуществляется этот выход, насколько он разрывает с сущим.

4. В истории социально-философской мысли довольно отчетливо прослеживается два основных подхода, два основных направления, две основные ориентации в решении вопроса о соотношении сущего и должного или, что в принципе одно и то же, вопроса о сущности и характере социального изменения и развития.

Один, в конечном счете, сводится к ориентации на сохранение и улучшение (модернизацию) сущего; в этом случае сущее и должное не противостоят друг другу и должное выступает как очищенное от разного рода пороков и наслоений сущее. Назовем эту ориентацию — реалистическо-политическую.

I) Под должным мы здесь понимаем представления об общественном идеале и о личности, ему соответствующей, образ желаемого общества и систему ценностей, на основе которой строится общественный и личностный идеал.

Второй, в конечном счете, сводится к ориентации на радикальное отрицание и преобразование сущего, на выход за его пределы, на создание нового мира /хотя этот выход за пределы сущего и представления о новом мире часто оказываются лишь идеологической иллюзией/. В этом подходе можно выделить две разновидности противопоставления должного сущему: первый – должное впереди, в будущем, новый мир должен быть создан заново; второй – должное позади, идеальный мир в прошлом, целью является возврат /зачастую осознаваемый как несбыточный/ к "доброму старому времени". Назовем эту ориентацию романтическо-социальной.

5. Особенно четко выступают указанные типы ориентаций в истории революционной мысли. Отмеченные в 4 тезисе подходы находят свое адекватное выражение в существовании и противоборстве двух основных направлений революционной мысли, возникновение которых относится к периоду первых буржуазных революций в Европе, а оформление в качестве сложившихся теорий – к первой половине XIX в. Первое направление – политическое /политическая теория революции/, которое видит в революции, главным образом, политическое преобразование и соответственно с этим считает субъектом революционного действия политически организованное меньшинство, которое осуществляет назревшие изменения посредством политических институтов. Революция выступает как средство для достижения, в сущности говоря, неревolutionных целей. Второе направление – социальное – видит в революции глубокое социально-экономическое преобразование, осуществляемое самими народными массами, которые и являются субъектом революционного действия. Революция рассматривается не только и не столько как средство, но и как сама цель, ибо ее конечная задача – радикальное изменение человеческой природы.

2. Противопоставляя политическое и социальное, мы опираемся на известное и широко распространенное в XIX в. разделение этих двух категорий: политическое как изменение в сфере политико-правовых институтов, в сфере всеобщего и субстанционального; социальное как изменение, в первую очередь, экономическое, а также изменение в сфере единичного, лично-нравственного /самосознания/.

6. Широкая распространенность отмеченных подходов к общественному изменению /к соотношению сущего и должного/ позволяет говорить о двух типах мышления, имея в виду под типом мышления "совокупность методологических и теоретических предпосылок, определяющих видение исторической действительности, выбор целей борьбы, а также пути их достижения" /И.Пантин/.

7. Рассмотренные типы мышления и соответствующие им различные направления революционной мысли имеют длительную и богатую историю, характерны для различных исторических эпох и заметно отличающихся друг от друга культур, что само по себе требует объяснения. Разумеется, они непосредственно детерминируются существующими классовыми и экономическими отношениями, конкретной исторической обстановкой и сложившимися условиями классовой борьбы. Нельзя сбрасывать со счета и конкретные особенности данной культуры, исторические традиции народа, социально-психологические факторы и, наконец, факты личной биографии революционных мыслителей.

8. В указанных детерминирующих моментах находит свое выражение более глубокое и постоянно действующее основание, которое, как нам представляется, следует искать в характере человеческой деятельности или — конкретнее — в способах человеческой деятельности. Поскольку, по словам Ф.Энгельса, "существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз изменение природы человеком,...и разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу" /т.20, с.545/, то ясно, что наиболее характерные способы этого изменения играют определяющую роль в формировании основных особенностей взглядов и представлений людей, осмысливающих сам процесс изменения.

9. Два основных способа — репродуктивный и продуктивный, — присущие в разных пропорциях всем видам человеческой практической деятельности, образуют противоречивое единство, причем потенциальная и актуальная включенность продуктивности в репродукцию есть сущностная особенность деятельности вообще, поскольку она представляет собой человеческую деятельность. Господство репродуктивных форм материальной и социальной деятельности, их безусловное преобладание над продуктивными формами ведет к решающему влиянию политического

типа мышления, к доминированию политической ориентации в решении проблемы соотношения сущего и должного, проблемы общественного изменения, что вообще характерно для того исторического времени, которое К.Маркс назвал **предысторией** человечества. Но так как и при господстве репродуктивности так или иначе, в тех или иных масштабах дает знать о себе продуктивная деятельность / в первую очередь, как объективная черта человеческого труда/, и, несомненно, в историческом процессе существует закономерность возрастания продуктивности наряду с политическим типом мышления существует все расширяющаяся материальная основа для функционирования и распространения социального типа мышления. Особенно отчетливо он дает о себе знать в революционные эпохи и в периоды ускоренных темпов общественного развития.

ТЕРМИН "WELTANSCHAUUNG" У КАНТА И ПРОБЛЕМА ОСНОВАНИЯ ОСВОЕНИЯ МИРА

Т.Киллак /Tartu/

1. Термин "**Weltanschauung**" , как известно, впервые употребляется И.Кантом в "Критике способности суждения", где под ним понимается охватывание бесконечного чувственного воспринимаемого мира целиком на основе некоего сверхчувственного субстрата /2, 262/.

2. Кант, сосредоточивая внимание на вопросе охватывания бесконечного чувственно воспринимаемого мира в качестве мировоззрения, однозначно связывает постижение целостности обусловленных явлений только лишь посредством специфически понятого основания.

3. Неслучайный характер связи мировоззрения лишь с определенным субстратом подтверждается, в частности, сравнением мировоззренческого охватывания чувственных явлений, выдвинутого Кантом в "Критике способности суждения", с чисто теоретическим ее познанием в "Критике чистого разума".

4. Известно, что в "Критике чистого разума" идея теоретической космологии о мире как о целом /**Weltidee** / рассматривается Кантом в качестве метафизической претензии, источником которой выступает неопровергнутая опытом, следовательно, чисто спекулятивная абстракция о данности обус-

ловленных явлений в их целостности.

5. Если основанием охватывания целостности обусловленного выступает лишь теоретическая спекуляция, указывает Кант, то в идее теоретического разума мир как некоторое целое может рассматриваться не в качестве данного, а лишь в качестве заданного, коль скоро эта идея не хочет стать "произвольной диалектикой" /3, 462/. Т.е. идея теоретического разума о мире как целом обозначает некоторый данный максимум условий чувственного воспринимаемого мира. Этот максимум, как вещь в себе, вообще не подлежит, по Канту, остенсивно-конститутивному, а только лишь гипотетически-регулятивному охватыванию. Следовательно, эта идея применяется не для утверждения бытия некоторого реально чувственного объекта, а только лишь в качестве основания для продолжения опыта.

6. В отличие от этой идеи представленное в "Критике способности суждения" положение о мировоззренческом освоении мира, которому свойственна данность целостности обусловленного в виде некоего наглядного образа, обязательно должно опираться на некоторое другое основание, чем теоретическая спекуляция.

6.1. Этим основанием мировоззренческого синтеза чувственного, фактически представляющего собою соединение наглядно-конкретного с абстрактным, эмпирического со сверхчувственным, выступает, по Канту, не что иное, как субъективная целесообразность /2, 278/.

6.1.1. Если целесообразность у Канта вообще рассматривается в качестве некоего сверхчувственного принципа, смысла, способного организовать случайное, особенное в целое, то субъективная целесообразность как эстетическая рефлексия является тем основанием, с точки зрения которого возможно упорядочивание бесконечного ряда эмпирически данных условий в наглядное целое. Хотя все это, по Канту, не касается реального объекта, а представляет лишь рефлексии самого субъекта.

6.1.2. Несмотря на то, что эстетический образ, возникший в результате мировоззренческого охватывания целостности обусловленного, также включает в себя созерцание, он, тем не менее, представляет собою уже нечто совершенно отличающееся от чисто теоретического созерцания. Эстетический образ о мире

как целом — это конструктивное освоение объекта, хотя он и не относится к его бытию самому по себе, а касается всего лишь субъекта, его наглядного представления об объекте.

7. Общеизвестно, что именно материалистическое переосмысливание конструктивной активности субъекта, выраженное впервые четко К.Марксом в "Тезисах и Фейербахе" имело своим результатом открытие всего значения практической активности человека в качестве основания при синтезе двух стволов познания — чувственного и рационального /1,3/.

8. Утверждение о практической активности субъекта в виде субстрата познания уже имманентно содержит в своей основе ссылку на социально-историческую определенность как самого человека, так и его познания.

9. Представляется, что становление смысла термина *Weltanschauung*, имеющее основанием своего значения у Канта активно-конструктивное единство субъекта и объекта целесообразно оценить именно в названном историко-философском контексте.

Литература:

1. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т.3.
2. Кант И. Сочинения в шести томах, т.5, М., 1966.
3. Кант И. Сочинения в шести томах, т.3, М., 1964.

Содержание

И секция

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ПОЗНАНИЯ. КРИТИКА БУРЖУАЗНЫХ КОНЦЕПЦИЙ.

Урсул А.Д. /Москва/ — О детерминации интеграционных процессов в науке.....	стр.3.
Коршунов А.М./Москва/ —Принцип объективности в социальном познании.....	стр.7.
Батенин С.С./Ленинград/—Мир человека как предмет социально —философского познания.....	стр.10.
Яков Д.И./Болгария/ —О социально-исторической обусловленности развития диалектических категорий....	стр.14
Павилёнис Р.И./Вильнюс/—О понимании, познании и языке.	стр.18
Ракитов А.И./Москва/—Культурная детерминация и рациональность.	стр.22.
Козлова Н.Н./Москва/—Обыденное сознание и механизм социальной детерминации познания.....	стр.27.
Бегиашвили А.Ф./Тбилиси/—Основные аспекты социальной детерминации познания.	стр.31.
Андрианова Т.В./Москва/—Прогресс, культура и информация как факторы социальной детерминации.	стр.34.
Коршунова Л.С./Москва/—О некоторых аспектах социальной детерминации творческого процесса.	стр.40.
Тулъвисте П.Э-И./Тарту/—О детерминации исторического развития вербального мышления.	стр.42.
Аллик Ю.К. /Тарту/— Влияет ли социальная среда на пределы восприятия?	стр.45.
Гасилин В.Н., Фомина З.В./Саратов/—Типология социальной детерминации познания.	стр.49.
Щукуров Э.Д., Нишанов В.К./Фрунзе/—Становление социальной детерминации отражения.	стр.52
Эмбен В.В./Тарту/—Социально-историческая детерминация "учебного" знания и его мировоззренческая функциональность.	стр.55.
Венедиктов Н.А./Горький/—Механизм социальной детерминации культуры и методологические принципы.	стр.59.

- Матьюс Ю.Й./Тарту/ - Э.Гуссерль о значении категориального созерцания в конституции познания.стр.62,
- Кенкманн П.О./Тарту/- Концепция социальной детерминации познания и социологическое исследование проблем молодежи.....стр.66.
- Парве В.В./Тарту/ - К критике идеалистической трактовки исчезновения сознания индивида. стр.68.

П с е к ц и я

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ РАЗВИТИЯ ЕСТЕСТВЕННЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

- Мамчур Е.А./Москва/ - Проблема ценностной детерминации научного знания. стр.71.
- Алексеев И.С./Москва/- Индивидуальное и надиндивидуальное в социальной детерминации развития науки.стр.73.
- Криштопайтис И.Б./Вильнюс/- Познавательная деятельность и социальная обусловленность в аспектах концептуального и тематического анализа.стр.74.
- Косарева Л.М./Москва/ - К проблеме философско-мировоззренческой детерминации историко-научного исследования. Критический обзор зарубежных концепций.....стр.78.
- Подлишевский О.А./Таллин/ - Роль социального фактора в методологии "исторического"направления современной зарубежной философии науки.стр.81.
- Филатов В.П./Москва/ -Социальная детерминация науки и феномен "финализации".стр.84
- Печёнкин А.А./Москва/ -Обоснование и получение результата в научном исследовании (в связи с их социокультурными функциями)стр.89
- Хютт В.П./Таллин/ - Принцип научности (К проблеме возникновения и периодизации развития науки).стр.90.

- Потков Л.Л./Москва/ - О возникновении первой формы науки и ее взаимоотношении с обществом. стр.94.
- Лосева И.Н. /Новочеркасск/ -Социальная обусловленность становления античного теоретического знания.стр.96.
- Вихалемм Р.А./Тарту/ - О специфике марксистского анализа социально-исторической детерминации научной формы знания.стр.98
- Лойт Т.В./Тарту/ - К вопросу о сущности современной революции в биологии (в связи с социальной обусловленностью научного познания).стр.102.
- Ранникмэе А.А./Тарту/-Социально-историческая обусловленность мышления и определение понятия "стиль научного мышления"...стр.105
- Няпинен Л.Я./Тарту/- Родственность синергетического способа мышления аристотелевскому как вопрос социальной детерминации познания.стр.107.
- Шароградский В.И./Ленинград/- Социальная детерминация диалектико-материалистической концепции природы.стр.109.
- Гутнер Л.М., Борщенко Е.И./Ленинград/-Некоторые детерминанты естественнонаучного познания.стр.112.
- Красавин В.П./Пермь/ - О некоторых особенностях социальной детерминации научного познания (к методологии исследования).стр.114.
- Сумарокова Л.Н., Цофнас А.Ю./Одесса/- О значении идей социальной детерминации познания для оценки современных системных исследований.....стр.117.
- Иконникова Г.И./Москва/ - Технологизация знаний в условиях развитого социализма.....стр.120.
- Пружанин Б.И., Козлов М.И./Москва/ - О некоторых особенностях социальной детерминации гуманитарного знания.стр.124

- Федотова В.Г./Москва/ - Социально-культурные условия интеграции естественных и общественных наук.стр.128.
- Лооне Э.Н./Тарту/ - Три концепции понимания: сущность и социальные контексты.стр.130.
- Желенина И.А./Москва/ - Объективность и объективизм как методологические принципы социального исследования.стр.133.
- Рубенис А.А./Рига/ - Онтологические основы социального познания в феноменологии Э.Гуссерля. стр.136.
- Петрова Г.И./Томск/- Формирование и функционирование стиля научного мышления в системе науки. стр.140.
- Порк А.А. /Тарту/ - Проблема альтернативных исторических объяснений в контексте социальной детерминации познания.....стр.142.
- Ермолаева Г.И./Томск/-Проблема и ее гносеологическая роль в историческом исследовании.стр.145.
- Петров Ю.В./Томск/ - Диалектика эмпирического и теоретического уровней в историческом познании.стр.148.
- Роджеро А.Н./Одесса/- Историческое априори и социально-историческая детерминация познания (к критике концепции "археологии знания" М.Фуко).....стр.150.
- Егорова В.С./Москва/ - Принцип партийности в исследованиях по гражданской истории.....стр.153.
- Телунц А.А./Ереван/ - Понятие "закона" и отрицание всеобщего детерминизма в философии истории Г.Риккерта.стр.156.
- Вбоймова В.Д./Куйбышев/ - Социальная детерминация исторического знания (на примере творчества немецких историков-модернизаторов).стр.157
- Исаев И.А./Москва/ - Проблема социальной детерминированности идеологического мышления в советской философско-правовой литературе 20-х годов.....стр.160

- Бондаренко Ю.А. - Социально-этический и гносеологический аспекты "Трансрационализма"
А.Дж. Тойнби.....стр.164.
- Грязин И.Н./Тарту/ - Естественное право как форма юридического мышления.стр.167.

Ш с е к ц и я

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ РАЗВИТИЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

- Столович Л.Н./Тарту/- Эстетическая ценность как фактор социальной детерминации эстетического сознания.....стр.170.
- Новикова Л.И./Москва/ - Культура и цивилизация (к вопросу о социальной детерминации культуры).....стр.173.
- Хорос В.Г./Москва/ -О социальных корнях национального.178.
- Глазичев В.Л./Москва/ - Диалектика социально-культурной обусловленности архитектурно-градостроительного мышления..стр.180.
- Эйнгорн Н.К./Свердловск/ - Нравственные условия - детерминирующий фактор развития моральной культуры.стр.184.
- Завадский С.А./Москва/ - Роль идеи социальной детерминации в разработке дихотомии ангажированного и чистого искусства...стр.187.
- Змельянов Б.В./Свердловск/ - Социальная детерминация развития философии и ее национальные характеристики.стр.190.
- Суна У.Ф./Рига/ - Эстетическая культура как объект социального познания. стр.193.
- Губман Б.Л./Калинин/- Неотомизм и проблема социальной детерминации духовной культуры.....стр.197.
- Заборова В.В./Ленинград/ - О социальной обусловленности эстетической коммуникации.....стр.201.
- Бачинин В.А. /Тольятти/ - Социальная детерминация некоторых культурно-исторических моделей адаптивно-адаптирующей деятельности человека.стр.204.

- Розенфельд И.В./Тарту/- Критика взглядов американских социологов революции на детерминацию революционного сознания.....стр.209.
- Шароградская А.А./Ленинград/- Проблемы детерминизма в натуралистическом направлении литературы США.стр.212.
- Железняк В.Н./Пермь/- Социальная детерминация в процессе формирования духовных ценностей.стр.216.
- Юкнявичюс С.К./Вильнюс/- О социальной детерминации эстетического вкуса.стр.219.
- Шевцов Е.В./Москва/- Проблемы социальной детерминации художественной культуры в наследии А.В.Луначарского.стр.223.
- Этисинд А.М./Ленинград/- Обыденное сознание и психологическая теория.стр.226.
- Нанабашвили Т.Д./Тбилиси/- К вопросу о природе социальной детерминации познания.....стр.228.
- Блом Р.Н./Тарту/- О некоторых проблемах социальной детерминации революционной мысли (К постановке вопроса).стр.230.
- Киллак Т.Й./Тарту/- Термин "Weltanschauung" у Канта и проблема основания освоения мира.стр.233.

Бесплатно